

Коржанский Николай Иосифович

**ОБЪЕКТ И ПРЕДМЕТ
УГОЛОВНО-ПРАВОВОЙ ОХРАНЫ**

**Академия МВД СССР
1980**

Одобрено
редакционно-издательским советом
Академии МВД СССР

Рецензенты:
Кафедра уголовного права и процесса Ка-
лининского государственного университета;
доктор юридических наук А. С. Михлин

В книге на основе марксистско-ленинского учения о государстве и праве рассмотрены сущность, признаки и классификация объекта и предмета уголовно-правовой охраны, способы преступного нарушения общественных отношений, критерии выбора объектов уголовно-правовой охраны и средств их защиты, а также общие правила квалификации преступлений по совокупности, при конкуренции непосредственных объектов и при ошибке в объекте и предмете преступления.

Пособие адресовано научным работникам, преподавателям, аспирантам и студентам юридических вузов, практическим работникам МВД, суда, прокуратуры и других органов, ведущих борьбу с преступностью.

34С5 (07)
К—66

Коржанский Николай Иосифович

ОБЪЕКТ И ПРЕДМЕТ УГОЛОВНО-ПРАВОВОЙ ОХРАНЫ

Редактор А. Б. Данильченко
Технический редактор Г. Н. Минякина
Корректор Н. Н. Ершалева

Сдано в набор 31.07.80. Подписано к печати 27.11.80. Формат 84×108/32. Бумага газетная. Физ. печ. л. 7,75. Усл. печ. л. 13,02. Уч.-изд. л. 14,08. Тираж 1500. Заказ 310. Цена 65 коп.

Академия МВД СССР,
Москва, А-171, ул. А. и З. Космодемьянских, 8.

Типография издательства «Волгоградская правда»
400066, Волгоград, Привокзальная площадь.

© Академия МВД СССР, 1980

ПРЕДИСЛОВИЕ

Проблема объекта уголовно-правовой охраны в принципе не является новой, во всяком случае для советских криминалистов. Опираясь на марксистское понимание права как выражение воли и интересов господствующих классов, как средство регулирования, укрепления и охраны общественных отношений, советские ученые дали ответ на принципиальный вопрос о природе объекта уголовно-правовой охраны (и, следовательно, объекта преступных посягательств), показали его взаимосвязь с другими социальными и правовыми явлениями, рассмотрели место объекта в составе преступления.

Однако эту тему отнюдь нельзя считать исчерпанной. Во-первых, после издания монографических работ, специально ей посвященных, уже прошло достаточное время для накопления нового законодательного, теоретического и практического материала. Теперь весь этот обширный материал с большой полнотой учтен, рассмотрен и проанализирован автором настоящей книги. Это дало ему возможность не только суммировать и оценить прежние точки зрения, но и сформулировать четкую концепцию, суть которой состоит в том, что объект преступления — это «общественные отношения, поставленные под охрану уголовного закона, путем изменения которых причиняется социальный вред». Нетрудно увидеть, что здесь удачно отражены материальные и правовые элементы данного явления и определена взаимосвязь между

объектом, предметом и общественно опасными последствиями преступного посягательства. Далее понятие объекта убедительно раскрывается через «фактическое поведение или состояние участников общественной жизни, в которых реализуются общественные интересы». Тем самым абстрактное понятие общественных отношений приобретает конкретную практическую направленность.

Во-вторых, проблема объекта уголовно-правовой охраны в настоящее время — в период дальнейшего совершенствования советского законодательства на основе Конституции СССР — тесно связана с вопросами системы права в целом и уголовного права в особенности. Автор уделяет должное место вопросам классификации и системы объектов уголовно-правовой охраны. Может показаться спорным предложение построить эту классификацию по четырем ступеням, однако несомненно требуют внимания соображения о том, что структура уголовного кодекса должна быть существенно упорядочена. Многие рекомендации автора по этому вопросу заслуживают весьма позитивной оценки, особенно если иметь в виду потребность разграничения уголовного и административного законодательства в связи с принятием Основ законодательства Союза ССР и союзных республик об административных правонарушениях (1980 г.).

В-третьих, до сих пор в юридической литературе не были достаточно проанализированы основания выбора объектов уголовно-правовой охраны и средств их защиты, а именно такой анализ и необходим для научно обоснованного совершенствования уголовного законодательства. При рассмотрении этих вопросов Н. И. Коржанский затрагивает в значительной степени новую область уголовно-правовых и криминологических исследований, которую принято именовать теорией криминализации и декриминализации. Он правильно подчеркивает, что при выборе объектов уголовно-правовой охраны необходимо учитывать не только место и социальную ценность опре-

деленных общественных отношений, распространенность и последствия их нарушений, но также экономические и социально-психологические последствия издания нового уголовного закона.

Важны соображения о том, при каких условиях охране общественных отношений могут обеспечить только уголовно-правовые средства. В этой связи обоснованно предлагается исключить из уголовного законодательства некоторые деяния, борьба с которыми может вестись более мягкими мерами. Сравнительное сопоставление уголовного законодательства СССР и зарубежных социалистических стран способствует поискам эффективных решений в указанном направлении.

«Главным, основным в наказании должно быть выражение социальной справедливости», — пишет автор. Этот правильный тезис он раскрывает через ряд конкретных рекомендаций, отмечая вместе с тем необходимость проведения специальных социологических исследований для определения оптимальных пределов уголовно-правовых санкций.

Укажем, наконец, на четвертое обстоятельство, также делающее книгу Н. И. Коржанского полезной и интересной для широкого круга ученых и практиков. Это тот ее аспект, который увязывает проблему объекта преступления с деятельностью по применению закона. Квалификация преступления — важный элемент расследования и судебного рассмотрения каждого уголовного дела. Автор формулирует несколько правил, пользуясь которыми, можно достичь правильного решения в трудных случаях квалификации преступлений по совокупности, при конкуренции объектов, при ошибке в объекте и предмете преступления и др. Используемые при этом материалы судебной практики не только иллюстрируют выводы автора, но и убедительно их подтверждают.

Заканчивая свою книгу, Н. И. Коржанский называет несколько проблем, требующих дальнейшего изучения.

Это нравственные основания уголовно-правовых норм; критерии построения системы общественных отношений, требующих уголовно-правовой охраны; определение «первичной клеточки» — единицы масштаба структурных элементов нормы; наконец, выявление взаимосвязей между свойствами объекта и субъективными признаками преступления (прежде всего вины и мотива). Все эти проблемы и в самом деле актуальны и привлекательны для вдумчивого ученого. Пожелаем же автору книги продолжить свою работу, самому ответить на многие поставленные им вопросы, столь же успешно и дальше разрабатывать актуальные проблемы советского уголовного права.

В. Н. Кудрявцев,
член-корреспондент АН СССР.

ВВЕДЕНИЕ

Решение задачи искоренения преступности в стране, выдвинутой Программой КПСС, наряду с другими мерами требует также осуществления мер по дальнейшему развитию и совершенствованию законодательства и советской юридической науки.

О необходимости дальнейшего совершенствования законодательства особо отмечалось в докладе Генерального секретаря ЦК КПСС Л. И. Брежнева XXV съезду КПСС¹, а также в докладе на Пленуме ЦК КПСС 24 мая 1977 г.²

Одним из условий совершенствования социалистических общественных отношений, перерастания их в коммунистические является всемерная их охрана, в том числе и уголовно-правовыми средствами. Роль и значение правовой охраны и регламентация общественных отношений в современных условиях не только не уменьшается, но и возрастает. Отсюда вытекает необходимость постоянного совершенствования законодательства, укрепления социалистического правопорядка в стране, усиления борьбы с правонарушениями³. Важным условием выполнения этой задачи и удовлетворения потребностей нормотворческой и правоприменительной практики является глубокое, всестороннее исследование предмета социального регулирования — социалистических общественных отношений. Развитие права и юридической науки в настоящее время подошло к тому уровню, при котором общее определение объекта правовой охраны и предмета правового регулирования в самом общем виде как общественных отношений уже не может удовлетворить ни теорию, ни практику. Необходимо исследовать общественные отношения на более глубоком уровне. Это одна из наиболее важных и сложных задач юридической науки. Дальнейшее развитие правовой науки, а также в известной мере и права вообще зависит от того, насколько глубоко и всесторонне будут исследованы общественные отношения, их социальная суть, содержание, структура, динамика и механизм возникновения, изменения и отмирания или ликвидации. Эта чрезвычайно сложная теоретическая проблема имеет важное практическое значение для развития социалистического права, ибо, как обосно-

¹ См.: Материалы XXV съезда КПСС. М., 1976, с. 82.

² См.: Брежнев Л. И. О проекте Конституции СССР. Доклад на Пленуме ЦК КПСС 24 мая 1977 г. М., 1977, с. 13.

³ См.: Материалы XXV съезда КПСС. М., 1976, с. 81; Постановление ЦК КПСС от 2 августа 1979 г. «Об улучшении работы по охране правопорядка и усилении борьбы с правонарушениями». — Правда, 1979, 11 сент.

ванно отмечается в Отчетном докладе ЦК КПСС XXV съезду КПСС, «...нет ничего более практического, чем хорошая теория»⁴.

Основы общественного строя и политики СССР, наряду с другими принципами, в соответствии с Конституцией СССР составляют: обеспечение охраны правопорядка, интересов общества, прав и свобод граждан (ст. 4), охрану социалистической (ст. 10) и личной собственности (ст. 13), охрану труда (ст. 21), защиту государственных интересов СССР (ст. 28), обеспечение безопасности и обороноспособности страны (ст. 32). Успешное осуществление этих задач предполагает необходимость исследования всех научно-правовых проблем охраны социалистических общественных отношений и обеспечения условий для их преобразования в коммунистические. В этой связи дальнейшая разработка теории и практики уголовно-правовой охраны является важной и актуальной задачей науки советского уголовного права. В наибольшей мере это относится к учению об объекте и предмете уголовно-правовой охраны. Актуальность исследования проблем объекта и предмета уголовно-правовой охраны обусловлена тем, что объект преступления имеет многоплановое уголовно-правовое значение. Он определяет социальную, классово-политическую сущность и общественную опасность деяния. Особенности и свойства объекта преступления характеризуют социальную направленность преступления, его юридические признаки.

Объект преступления обуславливает не только возникновение уголовно-правового запрета, но и в значительной мере его юридическую структуру, объем и пределы уголовно-правовой охраны, а также многие объективные и субъективные признаки состава преступления. Размером причиняемого объекту посягательства вреда определяются и общественно опасные последствия преступления, а также мало-значительность действия или бездействия (ч. 2 ст. 7 УК)⁵.

Объект преступления имеет решающее значение для определения материального понятия преступления. Без указания на те общественные отношения, которые поставлены уголовным законом под его охрану, нельзя дать такого определения. Это не простой формальный момент, в нем заключено глубокое уголовно-правовое и политическое содержание. Материальный признак в понятии преступления имеет важное значение для уяснения и освещения политической, социальной сущности уголовного права, его классовой роли. С этих позиций открывается возможность обстоятельной и убедительной критики буржуазной науки уголовного права, которая скрывает классовое содержание буржуазного уголовного законодательства и выдает его за средство защиты интересов всех слоев капиталистического общества.

Объект посягательства является также основанием построения системы Особенной части уголовного законодательства. Система охраняемых уголовным законом общественных отношений определяет структуру Особенной части УК союзных республик. В этом заключается не только удобство и облегчение пользования уголовным законом, хотя и само по себе это обстоятельство немаловажное. Главное, однако, состоит в том, что система уголовного законодательства определяет объем и пределы уголовно-правовой охраны,

характеризует общественную опасность и социальную сущность каждого конкретного преступления.

Важное практическое значение имеют признаки и свойства объекта и предмета преступления для уголовно-правовой квалификации деяния. Поскольку один и тот же объект уголовно-правовой охраны страдает от самых различных посягательств и часто бывает признаком множества разнородных преступлений, постольку установление объекта преступного посягательства в конкретном деянии является важной практической задачей и служит предпосылкой правильного применения уголовно-правовой нормы. Каждое преступление (в том числе и сходные между собой по многим признакам) отличается от других по какому-то одному или нескольким признакам. Эти различия в наиболее сложных случаях позволяют разграничить сходные (смежные) преступления и применить ту уголовно-правовую норму, которая для данного случая является единственно правильной.

Проблемы уголовно-правовой охраны всегда были в центре внимания советских ученых. В общем учении о составе преступления их исследованием занимались А. Н. Трайнин, А. А. Пионтковский, Н. Д. Дурманов, Н. И. Загородников, М. Д. Шаргородский, В. Н. Кудрявцев, Я. М. Брайнин, Н. А. Беляев.

Специально исследованию объекта уголовно-правовой охраны посвятили свои работы Б. С. Никифоров, Е. А. Фролов, Е. К. Каиржанов, Ю. А. Демидов, Ю. М. Лифшиц, В. К. Глистин. Содержательные статьи об объекте преступления опубликовали М. А. Гельфер, Г. А. Кригер, М. П. Михайлов, Д. Н. Розенберг, М. И. Федоров и другие авторы. Применительно к отдельным группам преступлений исследованием этих проблем занимались многие советские криминалисты: С. В. Бородин, В. А. Владимиров, И. И. Горелик, И. Н. Даньшин, М. А. Ефимов, А. Н. Игнатов, И. И. Карпец, М. И. Ковалев, Г. А. Кригер, Н. Ф. Кузнецова, А. В. Кузнецов, Б. А. Куринов, И. П. Лановенко, Ю. И. Ляпунов, П. С. Матышевский, В. Г. Смирнов, И. С. Тишкевич, С. С. Яценко и др. Вместе с тем некоторые стороны теории и практики уголовно-правовой охраны еще не получили надлежащей научной разработки. Много еще неясного, спорного в учении об объекте уголовно-правовой охраны⁶. В частности, в учебной и монографической уголовно-правовой литературе объекты некоторых преступлений определяются по-разному, не создано научно обоснованной их классификации, не выявлены сущность непосредственного объекта посягательства и его юридические признаки, не выработаны критерии выбора объектов уголовно-правовой охраны и средств их защиты, не исследованы степень и социальные свойства причиняемого преступлением вреда в сфере отдельных видов объектов и т. п. Не создано в советской уголовно-правовой науке и целостного учения о предмете преступления. Предмет преступления по-разному определяется в учебной литературе, не проведена классификация предметов преступления, не

⁶ «Проблема объекта преступления,— пишут М. Д. Шаргородский и Н. С. Алексеев,— является не менее важной и философски глубокой проблемой, чем проблема вины и причинения, она только значительно менее разработана в нашей литературе...» (Шаргородский М. Д., Алексеев Н. С. Актуальные вопросы советского уголовного права.— Учен. зап. Ленинградского ун-та. М., 1954, вып. 5, с. 188—189). В фундаментальном труде по истории уголовного права о развитии учения об объекте уголовно-правовой охраны авторам нечего было написать (см.: Уголовное право. История юридической науки. М., 1978).

⁴ Материалы XXV съезда КПСС. М., 1976, с. 48.

⁵ Здесь и далее имеются в виду УК РСФСР и соответствующие статьи УК других союзных республик, если иное не оговорено в тексте.

исследован их правовой режим, не выявлено его значение для квалификации деяния.

Исследование этих проблем имеет не только научный, познавательный интерес, но и важное практическое значение. Отсутствие глубокой теоретической разработки этих и некоторых других проблем уголовно-правовой охраны отрицательно сказывается на практике деятельности органов правосудия⁷.

«Разработка важных проблем экономики и политики, философии и социологии, истории и права, других общественных наук в тесной связи с практикой коммунистического строительства,— указывает Л. И. Брежнев,— важнейшая задача советских ученых»⁸.

Актуальность разработки научных проблем уголовно-правовой охраны вытекает из особой важности практических задач правотворчества и правоприменения, повышения эффективности борьбы с преступностью. Выработка критериев криминализации и декриминализации конкретных деяний, правовых мер и способов охраны социалистических общественных отношений, построения структуры уголовного законодательства союзных республик и Свода Законов СССР является составной частью широкой законодательной программы, принятой Президиумом Верховного Совета СССР 12 декабря 1977 г.⁹

Исследование всего комплекса названных проблем может быть достигнуто только усилиями многих ученых. В данной работе на основе марксистско-ленинского учения о государстве и праве, руководящих указаний Коммунистической партии Советского Союза о развитии социалистических общественных отношений, советской государственности и демократии, советской юридической науки и усилении борьбы с преступностью, а также на основе трудов советских и зарубежных криминалистов рассмотрены только некоторые проблемы теории и практики уголовно-правовой охраны и вопросы практического их применения.

Разработка части проблем теории и практики уголовно-правовой охраны, которые рассмотрены в данной работе, еще только начинается и потому не все они разрешены автором бесспорно, окончательно. Дальнейшее их творческое обсуждение будет способствовать развитию теории и практики уголовно-правовой охраны и повышению эффективности борьбы с преступностью.

⁷ «Есть основания считать,— пишет Б. С. Никифоров,— что неправильная квалификация содеянного в ряде, а может быть даже в большинстве случаев имеет своим источником неправильное решение вопроса об объекте преступления» (Никифоров Б. С. Объект преступления по советскому уголовному праву. М., 1960, с. 6). Такого мнения придерживаются и другие авторы (см.: Кудрявцев В. Н. Теоретические основы квалификации преступлений. М., 1964, с. 165; Куринов Б. А. Уголовная ответственность за хищение государственного и общественного имущества. М., 1954, с. 26).

⁸ Брежнев Л. И. Ленинским курсом. М., 1970, т. 1, с. 360.

⁹ См.: Ведомости Верховного Совета СССР, 1977, № 51, ст. 764.

ОБЪЕКТ УГОЛОВНО-ПРАВОВОЙ ОХРАНЫ

1. Общее определение объекта уголовно-правовой охраны

Учение об объекте уголовно-правовой охраны в науке уголовного права является одним из основных и наиболее сложных ее разделов.

В буржуазной уголовно-правовой литературе объектом преступления называются субъективные права лица¹, правовые нормы в их реальном существовании², ценности, как условие здорового существования общества³, защищаемые правовыми нормами жизненные интересы⁴, правовые блага⁵ и другие подобные явления⁶.

Известный русский дореволюционный юрист Н. С. Таганцев считал, что объектом преступления всегда является юридическая норма в ее реальном бытии. Определяя таким образом объект преступления, Н. С. Таганцев, тем не менее, возражал против признания объектом субъективного права, как это делал А. Фейербах.

Причинение вреда обладателю реального права,— писал Н. С. Таганцев,— составляет только средство, а не сущность преступления. Оно играет в уголовном праве роль второстепенную, так как сущность преступления

¹ См.: Feuerbach A. Lehrbuch des gemeinem in Deutschland gültigen Peinlichen Rechts Zissen, 1847, S. 45.

² См.: Таганцев Н. С. Русское уголовное право. Лекции. Часть Общая, т. 1. СПб, 1902, с. 47, 51.

³ См.: Binding K. Die Normen und ihre Übertretung. V. 1. Leipzig, 1922, S. 329.

⁴ См.: Liszt F. Lehrbuch des Deutschland Strafrechts. Berlin, 1911, S. 143.

⁵ См.: Welzel H. Das Deutsche Strafrechts. Berlin, 1958, S. 4.

⁶ В работах по буржуазному уголовному праву нередко вообще не содержится определения объекта преступления, иногда о нем даже не упоминается (см.: Лохвицкий А. Курс русского уголовного права. СПб, 1871; Кенни К. Основы уголовного права. М., 1949).

составляет выраженная этим путем решимость воли нарушить требования государства о неприкосновенности юридического порядка, а поэтому и страдает от преступления всегда государство, как охранитель господства права. Исходя из этого, Н. С. Таганцев делал вывод, что, признавая объектом преступления реальные блага и интересы, мы не будем в состоянии разъяснить юридическую природу тех деяний, при которых уничтожение какого-либо блага не считается противозаконным⁷. Здесь Н. С. Таганцев уже близко подходил к выявлению сущности объекта преступления, но полностью ее не выявил.

В. М. Хвостов признавал, что правонарушительное деяние направлено «против права», что оно должно рассматриваться как «деяние, подрывающее авторитет права и государства и потому имеющее общественный характер»⁸.

Преступление, — писал А. Д. Марголин, — это в сущности «а) посягательство на правоохраняемые интересы отдельных лиц, граждан, б) общества и в) государства»⁹.

Для всех этих определений характерно отсутствие указания на классовую сущность преступления. Такое определение преступления применимо к уголовному праву рабовладельческого, феодального, буржуазного и любого иного общества. Этим оно и выгодно для буржуазной науки, так как оно создает впечатление, будто уголовное право в равной мере охраняет интересы буржуа, капиталиста и пролетария.

Буржуазное уголовное законодательство, начиная с французского Уголовного Кодекса 1810 г., и буржуазная наука уголовного права определяли и до сих пор определяют преступление как деяние, запрещенное законом под страхом наказания. В борьбе против произвола феодально-полицейского уголовного права такое формальное определение преступления было прогрессивным. Хотя и формально, но оно предполагало элементы

⁷ См.: Таганцев Н. С. Курс русского уголовного права. Часть Общая. Книга 1. Учение о преступлении. СПб, 1874, с. 175.

⁸ Хвостов В. М. Общая теория права. Элементарный очерк. М., 1914, с. 138.

⁹ Марголин А. Д. Из области уголовного права. Киев, 1907, с. 138.

законности. Однако основное его назначение заключалось в том, чтобы скрыть классовую сущность буржуазного права как средства защиты классовых интересов буржуазии. Различного рода попытки буржуазных криминалистов «материализовать» понятие преступления и с этой целью введение в его определение таких признаков, как «посягательство на элементарные социально-этические ценности», как «социально вредное деяние», «поведение, нежелательное для народа» и т. п., не изменили его формального существа. В результате буржуазные криминалисты пришли к выводу о невозможности вообще выработать в науке и в законе общее понятие преступления¹⁰. Например, Ф. В. Тарановский писал: «Трудно и даже невозможно дать исчерпывающее определение материального критерия, в силу которого правонарушение облагается наказанием и приобретает уголовный характер»¹¹.

Буржуазная наука уголовного права в силу своей философской ограниченности и классовых интересов не могла дать ответа на вопрос, почему одни поступки человека для уголовного права безразличны, а за другие установлена уголовная ответственность и они подлежат уголовному наказанию. Дать материальный критерий разграничения преступного и не преступного буржуазным криминалистам оказалось не под силу. Н. Д. Дурманов справедливо заметил, что в буржуазной науке этому основному вопросу уголовного права уделено несколько маловразумительных фраз¹².

В последние годы отдельные буржуазные правоведы пытаются найти социальные основания права, выявить объект преступления. Например, В. Майхофер, Г. Коинг, А. Кауфман¹³ (ФРГ) считают, что право обусловлено «природой вещей», которую составляют свойства отношений и объектов, а также общественные интересы и по-

¹⁰ Более подробно о формальном определении преступления в буржуазном уголовном праве см.: Дурманов Н. Д. Понятие преступления. М.; Л., 1948, с. 68; Кузнецова Н. Ф. Преступление и преступность. М., 1969, с. 151.

¹¹ Тарановский Ф. В. Учебник энциклопедии права. Юрьев, 1917, с. 289.

¹² См.: Дурманов Н. Д., с. 68.

¹³ См.: Die ontologische Begründung des Rechts. Herman Zentner Verlag Bad. B. XII. Hamburg, 1965, S. 52—86, 461—508.

ведение субъектов правового регулирования. Наиболее ярко выраженной представляется концепция В. Майхофера, у которого общественные отношения выступают в виде общественных ролей (Lebensrollen), а в них естественным путем приобретаются интересы, оценки, ожидания и, следовательно, определенные права и обязанности. Таким образом, право, по В. Майхоферу, охраняет не интерес господствующего класса, а естественно приобретенное положение в обществе¹⁴. Приближаясь к выявлению сущности права и его социальной роли, В. Майхофер, тем не менее, старается классовую сущность права не показывать.

Строго научное определение понятия преступления с указанием на объект его посягательства дала наука социалистического права, основываясь на марксистско-ленинском учении о государстве и праве.

В советском уголовном праве под объектом преступления понимаются социалистические общественные отношения¹⁵. Развитие и совершенствование социалистических общественных отношений, перерастание их в коммунистические является непременным условием построения коммунистического общества. Это обстоятельство объясняет постоянную заботу КПСС и Советского государства об охране социалистических общественных отношений от посягательства на них. «Любые попытки отступления от закона или обхода его, чем бы они ни мотивировались,— указывается в Отчетном докладе Генерального секретаря ЦК КПСС Л. И. Брежнева

¹⁴ Maihofer W. Die Natur der Sache.— Im Buch: Die ontologische Begründung des Rechts, S. 66—68.

¹⁵ См.: Загородников Н. И. Понятие объекта преступления в советском уголовном праве.— Труды ВЮА. М., 1951, вып. 23; Кудрявцев В. Н. К вопросу о соотношении объекта и предмета преступления.— Сов. государство и право, 1951, № 8; Кригер Г. А. К вопросу о понятии объекта преступления в советском уголовном праве.— Вестник Московского ун-та. М., 1959, № 1; Федоров М. И. Понятие объекта преступления по советскому уголовному праву.— Учен. зап. Пермского ун-та, т. XI, кн. 2. Пермь, 1957, вып. 4; Гельфер М. А. Некоторые вопросы общего учения об объекте преступления в советском уголовном праве.— Учен. зап. ВЮЗИ. М., 1959, вып. 7; Никифоров Б. С. Объект преступления по советскому уголовному праву; Фролов Е. А. Спорные вопросы общего учения об объекте преступления.— Сборник ученых трудов Свердловского юрид. ин-та. Свердловск, 1969; Демидов Ю. А. Человек — объект уголовно-правовой охраны.— Сов. государство и право, 1972, № 2.

XXIV съезду КПСС,— терпимы быть не могут»¹⁶.

Признание общественных отношений объектом преступления является всеобщим как в науке советского уголовного права, так и в советском уголовном законодательстве. Так, уже «Руководящие начала по уголовному праву РСФСР» 1919 г., определяя преступление как действие или бездействие, опасное для данной системы общественных отношений (ст. 6), ставили задачу посредством уголовной репрессии охранять систему общественных отношений, соответствующую интересам трудящихся масс, организовавшихся в господствующий класс в переходный от капитализма к коммунизму период диктатуры пролетариата (ст.3), обеспечить данный порядок общественных отношений (ст. 7).

Все уголовно-правовые акты Советского государства, независимо от их редакции и времени издания, в определении преступления неизменно указывали на его материальный признак — общественные отношения социалистического общества.

Признание общественных отношений объектом преступного посягательства вытекает из марксистско-ленинского учения о сущности и служебной классовой роли уголовного права. На этой научной основе в советском уголовном законодательстве с полной определенностью закреплено положение о том, что объектом уголовно-правовой охраны являются социалистические общественные отношения.

Общественные отношения признают объектом преступления и криминалисты европейских социалистических стран¹⁷. Объектом преступления, указывают авторы учебника по уголовному праву ГДР, являются защищаемые уголовным правом интересы рабочих и трудящихся крестьян, правовые отношения и положенные в их основу, ими обеспеченные общественные отношения народно-демократического строя ГДР, которые подвергаются преступным посягательствам¹⁸.

При определении объекта преступления в уголовно-

¹⁶ Материалы XXIV съезда КПСС. М., 1971, с. 81

¹⁷ См.: Шуберт Л. Об общественной опасности преступного деяния. М., 1960, с. 23; Реннеберг И. Объективная сторона преступления. М., 1956, с. 30.

¹⁸ Lehrbuch des Strafrechts der Deutschen Demokratischen Republik. Allgemeiner Teil. Berlin, 1957, S. 312.

правовой литературе социалистических государств иногда встречается указание на охрану социалистических общественных отношений в интересах трудящихся. Например, Ф. Полячек указывает, что объектом преступления являются социалистические общественные отношения, существующие в народно-демократическом государстве и охраняемые в интересах трудящихся уголовным законом¹⁹. На наш взгляд, указание на охрану общественных отношений «в интересах трудящихся» излишне, так как в охраняемых уголовным законом общественных отношениях закреплены интересы трудящихся социалистического общества. Поэтому охрана социалистических общественных отношений и есть охрана интересов социалистического общества.

Общественные отношения признает объектом преступления и уголовное законодательство социалистических государств. Например, на общественные отношения как объект уголовно-правовой охраны указывает ст. 10 УК НРБ 1968 г.: «Общественно опасным является деяние, которое причиняет вред или создает угрозу причинения вреда общественному или государственному строю Народной республики, личности, политическим, трудовым, имущественным и другим правам граждан, социалистической собственности или другим интересам, охраняемым социалистическим правом порядком».

Таким образом, социалистическое уголовное право объектом преступления признает общественные отношения. Вместе с тем некоторые авторы, признавая общим объектом общественные отношения, считают, что непосредственным объектом преступления выступают не общественные отношения, а те или иные государственные или общественные интересы²⁰, либо материальное выражение соответствующих общественных отношений²¹, имущество в смысле совокупности вещей²², сами вещи, материалы или люди²³.

¹⁹ См.: Полячек Ф. Состав преступления по чехословацкому уголовному праву. М., 1960, с. 63.

²⁰ См.: Уголовное право. Общая часть. М., 1943, с. 111.

²¹ См.: Уголовное право. Общая часть. М., 1948, с. 291.

²² См.: Михайлов М. П. Уголовная ответственность за кражу личного имущества и разбой. М., 1958, с. 46; Утевский Б. С., Вышинская З. А. Практика применения законодательства по борьбе с хищениями социалистического имущества. М., 1954, с. 21.

²³ См.: Курс советского уголовного права. М., 1970, т. 4, с. 163.

Общепризнанное положение об объекте преступления для некоторых авторов носит чисто декларативный характер. Признавая его в общем виде, во многих случаях от него отступают и называют объектом преступления имущество, вещи, материальные предметы и т. п. Эти отступления, как отметил М. И. Федоров, сводятся в основном к двум разновидностям: дополнению понятия объекта посягательства иными, кроме общественных отношений, явлениями (например, нормами права) и подмене общественных отношений явлениями, общественными отношениями не являющимися (например, имуществом, вещами, условиями, учреждениями, инвентарем, урожаем на корню и т. п. материальными объектами)²⁴.

Прежде всего отметим, что такое определение объекта преступления страдает существенным логическим пороком, так как известно, что суждение, верное в общем, является верным и в частности. Если общим объектом всякого преступления признаются общественные отношения, то нельзя одновременно признавать объектом отдельных преступлений те или иные предметы материального мира. Кроме того, такое понимание объекта вызывает возражения и по существу. Тем не менее в советской юридической литературе при характеристике непосредственного объекта преступления нередко исходят из того, что им могут быть и не общественные отношения, а те физические вещи, на которые оказывается конкретное непосредственное преступное воздействие.

Наиболее распространенным является суждение, что непосредственным объектом посягательства на собственность являются не отношения собственности, а имущество, вещи²⁵.

Профессор А. А. Пионтковский, например, утверждал, что всякое преступление, совершенное в нашей стране, прямо или косвенно посягает на общественные отношения социалистического общества и что объектом преступления могут быть любые общественные отношения, охраняемые социалистическим уголовным зако-

²⁴ См.: Федоров М. И., с. 181.

²⁵ См.: Уголовное право. Общая часть. М., 1949, с. 291—292; Курс советского уголовного права. М., 1970, т. 4, с. 312; Михайлов М. П., с. 52, 45.

ном²⁶, но в ряде случаев непосредственным объектом преступления могут быть не общественные отношения, а имущество, физическое лицо (гражданин)²⁷, продукты сельского хозяйства, инвентарь, урожай на корню²⁸.

Не признавая непосредственным объектом преступления общественные отношения, А. А. Пионтковский полагал, что незаконная разработка недр, незаконное пользование землей, незаконная рыбная ловля, незаконные лесорубки и т. п. преступления не могут квалифицироваться как преступления против социалистической собственности (как хищения). В таком общем виде это положение не бесспорно, так как незаконный лов рыбы может быть и хищением ее, т. е. посягательством на отношения собственности²⁹. Различная квалификация аналогичных деяний определяется различием конкретных общественных отношений, выступающих объектом этих посягательств. Без указания на эти общественные отношения невозможно объяснить, почему преступное посягательство на одни материальные объекты признается хищением, а посягательство на другие таковым не является.

Поскольку А. А. Пионтковский называл предмет посягательства его объектом, то это вынуждало его каждый раз указывать на то, что за непосредственным объектом преступления стоит конкретное общественное отношение, которое еще необходимо вскрыть, чтобы более глубоко понять истинное общественно-политическое значение преступления³⁰.

Такое удвоение объекта преступления необоснованно,

²⁶ См.: Пионтковский А. А. Учение о преступлении. М., 1961, с. 132. Курс советского уголовного права. Часть Общая. М., 1970, т. 2, с. 111.

²⁷ См.: Курс советского уголовного права. Часть Общая. М., 1970, т. 2, с. 116.

²⁸ См.: Курс советского уголовного права. Часть Особенная. М., 1970, т. 4, с. 318.

²⁹ См.: п. 15 постановления № 6 Пленума Верховного Суда СССР от 3 июня 1977 г. «О практике применения судами законодательства об охране природы». — Сборник постановлений Пленума Верховного Суда СССР 1924—1977. М., 1978, часть 1, с. 73: определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РСФСР по делу Ф. и П. — Бюллетень Верховного Суда РСФСР, 1969, № 12, с. 10.

³⁰ См.: Курс советского уголовного права. Часть Общая. М., 1970, т. 2, с. 120.

ибо оно создает представление о существовании двух различных видов объектов посягательства и не указывает, какой из этих объектов следует считать объектом посягательства в конкретном случае совершения преступления.

В действительности же непосредственным объектом преступления являются именно общественные отношения, т. е. преступление всегда направлено на изменение общественных отношений, а не посредством причинения вреда чему-то иному. Всякое преступление прямо, а не косвенно посягает на общественные отношения. В противном случае мы должны констатировать наличие какого-то иного объекта посягательства, не являющегося общественным отношением.

Нечеткое различие предмета и объекта преступления, признание непосредственным объектом преступления не общественных отношений, а иных явлений, приводит сторонников этой концепции к неверным практическим выводам при квалификации отдельных преступлений. Например, А. А. Пионтковский считал, что когда проводник вагона в поезде продал несколько проездных билетов пассажирам по завышенной цене, обратив таким образом в свою пользу деньги, излишне взысканные с пассажиров, то все совершенное представляет собой злоупотребление служебным положением, предусмотренное ст. 170 УК. Объект преступления в этом случае — личное имущество отдельных граждан, которое проводник, используя свое служебное положение, обращал в свою собственность, сообщая пассажирам неверные сведения о стоимости билетов³¹.

Такая квалификация названных действий вызывает возражение. Если объект данного посягательства — личное имущество граждан, то почему эти действия необходимо квалифицировать по ст. 170 УК, а не по статье о преступлениях против личной собственности? Очевидно, что в данном случае виновное лицо посягает не только на личную собственность, но и на иные общественные отношения. Однако основным объектом, на который направлено данное посягательство, являются отношения

³¹ См.: Курс советского уголовного права. Часть Особенная. М., 1970, т. 4, с. 316—317.

собственности. С учетом способа причинения вреда такие действия надлежит квалифицировать как мошенничество. Для квалификации этих действий по ст. 170 УК нет оснований, так как продажа гражданину одного или даже нескольких проездных билетов по завышенной цене не может причинить ему существенного вреда, который является обязательным признаком преступления, предусмотренного ст. 170 УК.

Кроме того, проводник вагона, не обладая признаками, указанными в примечании к ст. 170 УК, не может быть признан должностным лицом, т. е. он не может быть субъектом этого преступления.

Но основное и решающее значение для правильной квалификации этих действий имеет их направленность на определенный объект. В данном случае основным непосредственным объектом посягательства выступают отношения собственности. Использование проводником своего служебного положения является лишь способом совершения мошенничества. И поскольку такое злоупотребление служебным положением не причиняет существенного вреда в сфере управления, то дополнительной квалификации по другим статьям УК оно не требует.

Критикуя утверждение А. А. Пионтковского о том, что непосредственный объект в большинстве случаев не является общественным отношением, Я. М. Браинин правильно отмечает, что это утверждение усложняет проблему объекта преступления, так как создает разрыв между понятием непосредственного и понятиями родового и общего объектов преступления³².

Мы полагаем, что в каком бы смысле ни понимать термин «имущество»: как равнозначный понятию «вещь»³³, или как совокупность имущественных прав и обязанностей³⁴, или как материальное благо³⁵— имущество не может быть признано объектом преступления.

³² См.: Браинин Я. М. Уголовная ответственность и ее основание в советском уголовном праве. М., 1963, с. 168.

³³ См.: Научно-практический комментарий к ГК РСФСР. М., 1966, с. 99, 168.

³⁴ См.: Алексеев С. С. Предмет советского социалистического гражданского права.— Учен. труды Свердловского юрид. ин-та, т. 1, серия «Гражданское право». Свердловск, 1959, с. 19.

³⁵ См.: Кригер Г. А. Борьба с хищениями социалистического имущества. М., 1965, с. 61; Сергеева Т. А. Уголовно-правовая охрана социалистической собственности в СССР. М., 1954, с. 29.

Имущество не является объектом преступления потому, что виновный посягает не на имущество, и вред преступлением причиняется не имуществу, не вещи. Даже в тех случаях, когда вещь уничтожается или повреждается при совершении преступления, то и тогда социальный вред причиняется не вещи, а ее обладателю. Имущество хотя и тесно связано с понятием собственности, но по своим социальным свойствам общественным отношением не является и не может рассматриваться как явление, тождественное отношениям собственности.

Имущество не может быть объектом посягательства потому, что в общественной жизни людей существуют отношения не между человеком и вещью, а между людьми по поводу вещей³⁶. Правомочию собственника (владеть, пользоваться, распоряжаться) нет соответствующей обязанности вещи—представлять себя в его владение, пользование и распоряжение. Этому праву собственника соответствует обязанность всех других лиц не препятствовать владению, пользованию и распоряжению вещью. Следовательно, отношение существует только между людьми по поводу вещей, а не между людьми и вещами. Собственность, отношения собственности не есть отношение человека к вещи. Только идеалисты исходили из гегелевского понимания собственности не как определенного общественного отношения, а как отношения человека к вещи³⁷.

Поскольку «...отношения всегда связаны с вещами и проявляются как вещи»³⁸, то это внешнее вещественное проявление общественных отношений собственности иногда принимается за сами общественные отношения. Но очевидно, что не в этом суть явления. Поскольку собственность в марксистском понимании—это отношение между людьми по поводу их отношения к вещам, имуществу, являющимися свойствами, сторонами обще-

³⁶ Как правильно писал Ф. В. Тарановский, «вещь есть объект юридических отношений, в которых состоят друг к другу люди. Отношение лица к вещи имеет хозяйственное, техническое значение» (Тарановский Ф. В., с. 158—159).

³⁷ «Присвоить себе,— писал Гегель,— следовательно, означает, в сущности говоря, манифестировать верховенство моей воли в отношении к вещи и обнаружить, что последняя не есть в себе и для себя, но есть самоцель» (Гегель Г. Философия права. М.; Л., 1934, с. 72).

³⁸ Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., т. 13, с. 498.

ственных отношений, то социалистическое имущество является предметом посягательства на социалистическую собственность, а не объектом этих преступлений.

Б. С. Никифоров правильно писал, что в уголовно-правовом смысле нельзя не различать собственность как объект ряда преступлений и имущество как предмет этих преступных посягательств³⁹.

Родовым объектом хищений социалистического имущества Г. А. Кригер обоснованно называет отношения социалистической собственности и считает, что признание непосредственным объектом хищения отдельных вещей или имущества противоречит самому понятию объекта и способно лишь запутать вопрос об объекте преступления⁴⁰.

Если исходить из того, что непосредственным объектом, например, хищений является имущество, то невозможно объяснить, почему виновный, похитивший личное имущество гражданина, переданное им социалистической организации, допустим, на хранение, привлекается к уголовной ответственности за хищение государственного или общественного имущества. Подобное затруднение не возникает, если не упускать из виду в таких случаях объект посягательства (отношения социалистической собственности) и причиняемый в этой сфере вред. Если бы объектом посягательства выступало имущество, а не отношение собственности, то следовало бы признавать хищением завладение своим личным имуществом, изъятым у добросовестного владельца без его ведома, случаи самоуправного завладения имуществом и т. п.

Признание имущества объектом хищения не позволяет объяснить, почему в одних случаях деяния по поводу имущества квалифицируются как хищения, а в других (по поводу этого же имущества) как самоуправство. Смещение объекта и предмета преступления не позволяет сторонникам этого взгляда найти различие

³⁹ См.: Никифоров Б. С. Уголовно-правовая охрана личной собственности в СССР. М., 1954, с. 10. В дальнейшем, правда, Б. С. Никифоров несколько изменил свою точку зрения (см.: Никифоров Б. С. Объект преступления по советскому уголовному праву, с. 130).

⁴⁰ См.: Кригер Г. А. Борьба с хищениями социалистического имущества, с. 45; он же. Квалификация хищений социалистического имущества. М., 1974, с. 28—30.

между хищением и самоуправством, например при самовольном снятии урожая, полученного в результате труда, затраченного колхозом, и выращенного виновным на колхозной земле⁴¹.

Смещение объекта и предмета посягательства на собственность приводит к неправильной социально-политической оценке и юридической квалификации деяния, так как не всякое деяние в отношении имущества или по поводу имущества представляет собой преступление против собственности. Это могут быть и хищения, и самоуправство, и дача либо получение взятки, и спекуляция, и контрабанда, и другие деяния.

Невозможно, оперируя только определенной вещью или конкретным предметом, определить объект посягательства, понять суть преступления, его социальную направленность. Без уяснения тех общественных отношений, вещественным выражением которых является предмет, вещь, невозможно ни понять преступления, ни оценить его общественную опасность, ни дать ему правильную юридическую квалификацию.

Признание имущества объектом посягательств против собственности характерно для науки буржуазного уголовного права. Большинство буржуазных криминалистов считает имущество объектом имущественных преступлений, хотя в некоторых местах они называют таковым и собственность. При этом положение не меняется, так как под собственностью понимается имущество.

Затушевывание объекта посягательства при совершении преступления против собственности и подмена его предметом преступления (имуществом) необходимы буржуазным криминалистам для маскировки классовой сущности буржуазного уголовного права как орудия защиты капиталистической частной собственности. Кроме того, такая подмена объекта преступления его предметом освобождает их от необходимости раскрывать классовую природу преступлений против собственности, которой в буржуазном обществе лишена значительная его часть.

Иногда непосредственным объектом преступления называют не общественные отношения, а их материаль-

⁴¹ См.: Курс советского уголовного права. Часть Особенная. М., 1970, т. 4, с. 318.

ное выражение или субъекты этих отношений⁴². Такое понимание непосредственного объекта ущербно в том, что оно, кроме отмеченных выше недостатков, необоснованно выводит субъект общественных отношений за границы самих общественных отношений⁴³ и не позволяет выявить особенностей различных посягательств на личность. В частности, в литературе указывается, что преступление посягает на жизнь, здоровье и вместе с тем на общественные отношения⁴⁴.

Такое понимание объекта преступления можно признать правильным, если исходить из того, что жизнь, свобода, достоинство — это и есть общественные отношения. Без общества есть «Робинзон», но нет личности, нет чести, свободы, достоинства. Есть материальный объект, но нет объекта преступления — общественных отношений. Там, где нет общества, нет личности, а значит, нет и общественных отношений, т. е. нет ни общего, ни непосредственного объекта преступления, а есть живое существо, которое только в условиях общества и только благодаря ему, выступает как совокупность общественных отношений⁴⁵. В то же время в человеке следует видеть и его биологическую сущность, живую биологическую особь. Однако объектом посягательства может выступать только личность как совокупность общественных отношений.

Если признать объектом преступления не личность как совокупность общественных отношений, а человека как биологическое существо, то невозможно будет объяснить правомерность лишения жизни человека при

⁴² См.: Уголовное право. Общая часть. М., 1948, с. 291; Дубовец П. А. Ответственность за телесные повреждения по советскому уголовному праву. М., 1964, с. 13.

⁴³ См.: Аниязиц М. К. Ответственность за преступления против жизни. М., 1964, с. 17; Кузнецов А. В. Уголовное право и личность. М., 1977, с. 56, 61.

⁴⁴ Например, в «Курсе советского уголовного права» читаем: «Непосредственным объектом преступлений против личности является жизнь, здоровье, свобода, достоинство советских граждан. Но вместе с тем эти преступления нарушают общественные социалистические отношения социалистического общества, поскольку они представляют собой посягательства не на изолированного человека — «Робинзона», а на человека — субъекта общественных отношений» (Курс советского уголовного права. Часть Общая. М., 1970, т. 2, с. 120).

⁴⁵ См.: Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., т. 3, с. 3.

необходимой обороне, при исполнении приговора, так как объект не может быть поставлен под защиту уголовного закона и в то же время не защищаться им. Очевидно, что объектом при посягательстве на жизнь, здоровье, честь, свободу и достоинство является не человек в его биологическом существе, а личность как совокупность общественных отношений, на которые и совершается посягательство. Эти посягательства имеют различную юридическую квалификацию. Например, лишение жизни может быть квалифицировано по ст. 66, 67, 77¹, 102, 103, 140, 211 и другим статьям УК, в зависимости от того конкретного общественного отношения, которое было объектом посягательства.

Поскольку при лишении жизни или причинении тяжких телесных повреждений, например в состоянии необходимой обороны, объект уголовно-правовой охраны отсутствует⁴⁶, то уголовная ответственность в этих случаях исключается именно потому, что вред причиняется не общественным отношениям, а человеку как биологическому существу. Следовательно, нарушение общественных отношений, направленных на охрану жизни, — это как раз то, что отличает убийство от правомерного лишения жизни человека. Значит, именно общественные отношения и являются объектом уголовно-правовой охраны, а не человек как биологическое существо. Отсюда вытекает вывод, что объектом уголовно-правовой охраны является не жизнь как совокупность биофизиологических процессов, а жизнь как совокупность общественных отношений, обеспечивающих индивиду возможность жить, пользоваться благами жизни.

Нет оснований, на наш взгляд, для включения в объект преступления наряду с общественными отношениями и их правовых форм. Правовая форма общественных отношений преступлением не изменяется. Например, право собственности на похищенную вещь хищением не аннулируется. Собственник вправе в любое время истребовать эту вещь от похитителя или недобросовестного приобретателя (ст. 152 и 153 ГК РСФСР), т. е. право собственности всегда сохраняется за собственником. Оно не может быть похищено и, по общему правилу,

⁴⁶ См.: Никифоров Б. С. Объект преступления по советскому уголовному праву, с. 135.

неотчуждаемо без его воли. В связи с этим нельзя признать правильным встречающееся выражение «хищение социалистической собственности», так как собственность как общественные отношения не может быть похищенной.

Признание нормы права объектом преступления является отражением нормативистской буржуазной теории уголовного права. Эта теория несостоятельна потому, что она вольно или невольно отрывает юридическую форму явления от его материального содержания. Для нормативистов юридическая форма кажется всем, а экономическое содержание ничем⁴⁷. Только те духовидцы, — указывал К. Маркс, — которые в праве и в законе видят господство некой самодовлеющей всеобщей воли, могут усмотреть в преступлении простое нарушение права и закона⁴⁸.

Нормы права не могут быть признаны объектом посягательства потому, что, во-первых, преступление в некоторых случаях посягает на такие общественные отношения, которые правом не регулируются (некоторые половые отношения, общественный порядок и т. п.), и, во-вторых, общественные отношения, урегулированные нормами уголовного права, т. е. уголовные правоотношения, не существуют до момента совершения преступления, как не существует и объекта этого правоотношения. Объект преступления, напротив, всегда существует до совершенного на него преступного посягательства и независимо от последнего. Иное решение (уголовно-правовая норма охраняет объект, которого не существует) приводит к абсурду.

Ю. А. Демидов, говоря об объекте посягательства, употребляет для его обозначения термин «ценности». Из этого можно сделать вывод, что он не различает объект и предмет посягательства. Хотя автор и называет объектом преступления социалистические общественные отношения, однако, касаясь их классификации, утверждает, что «ценности могут быть социальными, материальными и др.»⁴⁹. Но ведь общественные отношения не могут быть материальной ценностью. Ею может быть

⁴⁷ См.: Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., т. 21, с. 312.

⁴⁸ См.: там же, т. 3, с. 323.

⁴⁹ Демидов Ю. А. Юридическая и моральная оценка преступления. — Сов. государство и право, 1970, № 2, с. 91.

только предмет. Поэтому такое наименование объекта преступления неточное. Ю. А. Демидов прав в том, что ценностный подход к проблеме преступления требует прежде всего пристального внимания к объекту преступления с точки зрения его ценности. Выяснение ценности объектов уголовно-правовой охраны имеет действительно важное значение. Однако для этого необходимо иметь ясное представление о том явлении, ценность которого требуется выявить.

В признании общественных отношений общим объектом преступления содержится положительный вывод о том, что всякое преступление посягает на общественные отношения. Поскольку верно, что все преступления посягают на общественные отношения, то также верно и то, что каждое из них в отдельности также посягает на общественные отношения.

Без признания общественных отношений объектом преступления невозможно объяснить общественную опасность деяния. Остается без ответа вопрос, почему преступление является общественно опасным и в чем его общественная опасность, чем вызывается необходимость применения мер уголовного наказания.

Признание общественных отношений объектом преступления в советском уголовном праве показывает его классовый характер, классовую сущность преступления, обосновывает важность и необходимость охраны основных общественных отношений уголовно-правовыми средствами. Если признать объектом хотя бы и некоторых преступлений нечто отличное от общественных отношений (вещи, деньги, урожай и т. п.), то становится невозможным обосновать уголовную ответственность за завладение этими предметами либо за их потребление, уничтожение, передачу третьим лицам и другие действия.

Объект преступления — это общественные отношения, поставленные под охрану уголовного закона, нарушением которых причиняется социально опасный вред. Объект преступления — это мишень, по которой бьет всякое преступление. Такой мишенью являются общественные отношения. Там, где нет посягательства на общественные отношения, где путем изменения общественных отношений не причиняется социальный вред, нет преступления.

При этом объектом преступления выступают только общественные отношения, поставленные под охрану уголовного закона. Отношения, которые находятся вне сферы правового регулирования (моральные, внутрипартийные и т. п.), а также правом запрещенные (соглашения между правонарушителями и т. п.), объектом преступления быть не могут.

Изложенное дает основание для единственного вывода: объектом преступления по советскому уголовному праву являются социалистические общественные отношения, охраняемые уголовным законом от преступных посягательств.

Общее определение объекта преступления как социалистических общественных отношений является исходной позицией для выявления признаков и сущности самих общественных отношений и определения объекта преступления на уровне конкретного посягательства.

Конкретизация объекта преступления, в свою очередь, позволяет выявить степень и социальные свойства причиняемого преступлением общественно опасного вреда, основания и критерии выбора объектов уголовно-правовой охраны и средств их защиты, а также выработать правила построения уголовного закона и квалификации преступления.

Решение многих проблем уголовно-правовой охраны зависит прежде всего от выяснения сущности объекта уголовно-правовой охраны, определения его понятия.

2. Понятие непосредственного объекта уголовно-правовой охраны

Исследование общественных отношений как объекта уголовно-правовой охраны в науке уголовного права большей частью ограничивалось общим определением понятия объекта преступления и классификацией его видов. Для выяснения социальной сущности объекта уголовно-правовой охраны и его практической роли этого недостаточно. Общее указание на то, что объектом преступления являются социалистические общественные отношения, не обеспечивает ни законодательной, ни правоприменительной практики. Поэтому важно выяснить, что собой представляют общественные отноше-

ния, каково их содержание и на этой основе определить объект преступления на уровне конкретного посягательства. Наиболее плодотворным в решении этой задачи может быть исторический подход. Самос надежное в вопросе общественной науки, — указывал В. И. Ленин, — это не забывать основной исторической связи, смотреть на каждый вопрос с точки зрения того, как известное явление в истории возникло, какие главные этапы в своем развитии это явление проходило и с точки зрения этого его развития смотреть, чем данная вещь стала теперь¹. Исторической и философской науками генезис общественных отношений изучен достаточно глубоко. Основные положения этих наук о генезисе общественных отношений сводятся к тому, что история возникновения и развития общественных отношений есть история возникновения и развития человеческого общества, которая впервые была поставлена на научную основу классиками марксизма-ленинизма. К. Маркс и Ф. Энгельс открыли законы материалистического развития истории и показали качественное различие между объединением животных и человеческим обществом. Основоположники марксизма научно доказали, что превращение первобытного человеческого стада в человеческое общество происходило в процессе длительного формирования труда как производственной деятельности людей, что человек и общество могли быть созданы только в процессе трудовой совместной деятельности. Процесс формирования и возникновения общества есть в то же время и процесс становления и формирования личности человека. Это двуединый, неразрывный процесс. Как заметил Ю. И. Семенов, в формирующемся обществе жили формирующиеся люди².

Наряду с формированием людей формировались их человеческие потребности, а также способы и формы их удовлетворения. Новые возникающие потребности люди уже не могли удовлетворять тем, что они находили готовым в окружающей их природе. Возникла необходимость производства, а оно в одиночку невозможно. Производственная и всякая иная совместная деятельность людей приводит к тому, что удовлетворение по-

¹ См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 39, с. 67.

² См.: Семенов Ю. И. Как возникло человечество. М., 1966, с. 12, 33; он же. Происхождение брака и семьи. М., 1974, с. 64.

требностей отдельного индивида есть вместе с тем и удовлетворение потребностей других членов общества. Возникает взаимосвязь и взаимозависимость между членами общества. Исторической и философской наукой доказано, что социальная жизнь людей начинается с возникновения социальных связей между членами определенной общности людей с того момента, когда человек осознал себя находящимся в связях с другими членами общности.

Все исследователи общественных отношений отмечают, что общество не может существовать, не регулируя взаимоотношений между своими членами, не направляя поведение людей. Никакая совместная жизнь людей невозможна без ее регламентации. Любое конкретное общество есть социальный организм, в котором всегда существует целая система социальных норм и правил поведения, существует определенный механизм контроля за поведением его членов.

Общество навязывает своим членам волю, осуществляет над ними свою власть, принуждая их к соблюдению социальных норм, к определенному поведению.

Общественная воля обуславливается общественными интересами. Но общественная воля не сводится к сумме воли членов общества, и общественные интересы не сводятся к совокупности интересов отдельных личностей. Общественная воля определяет волю отдельных членов общества в соответствии с общественными интересами, которые могут быть реализованными и реализуются только при определенном поведении членов общества. Общественно значимое поведение, в котором проявляются, реализуются или нарушаются общественные интересы, составляет главную заботу общества и всегда направляется в желаемом для него направлении. Общество направляет поведение своих членов прежде всего путем формирования их воли, выработки у них определенных стимулов и мотивов поведения³. Основным средством регулирования поведения людей в обществе с самого начала его существования являются социальные нормы, которые первоначально возникают в результате стихийно-массового процесса опытно-практическо-

³ См.: Семенов Ю. И. Происхождение брака и семьи, с. 64—65.

го нахождения, отбора и закрепления определенных форм поведения в общепринятые образцы и обязательные для всех нормы⁴.

С возникновением общества возникает взаимозависимость индивида и общества. Во-первых, индивид только в обществе может стать личностью, только общество может обеспечить развитие личности, во-вторых, кем личность является, зависит всецело от того общества, членом которого она состоит, в-третьих, человек зависит от общества и в обязанности повиноваться его велениям.

Человеческое общество — это не только совместное существование людей. Главное и основное в обществе — это взаимодействие его членов, их совместная деятельность, общение, сотрудничество и взаимопомощь. Становление общества начинается с вытеснения биологического индивидуализма общественным коллективизмом и возникновением отношений общения, сотрудничества и взаимной помощи. Жизнь и деятельность одного члена общества обеспечивается жизнью и деятельностью других членов общества. И уже не биологические инстинкты являются главенствующей силой в поведении индивида, а социальные условия и общественные обязанности, осознанная необходимость и принудительная сила общества. Наиболее существенной особенностью общественной жизни становится принуждение к определенному поведению. Регламентация всех сторон жизни индивидов и принуждение их к определенному поведению уже в самом начале человеческой истории были такими глобальными, что первобытный человек был еще более несвободен, чем раб: он был скован по рукам и ногам невидимыми цепями родоплеменных установлений, традиций, обычаев, представлений⁵. И все это ради достижения единственной цели — обеспечить необходимое и выгодное для общества поведение индивидов и социальных групп.

Изложенные нами положения философской и истори-

⁴ См.: Дробницкий О. Г. Понятие морали. М., 1974, с. 460; Лапина Т. С. Социальные функции морали. — В кн.: Мораль и этическая теория. М., 1974, с. 75; Дроздов А. В. Человек и общественные отношения. Л., 1966, с. 28; Пеньков Е. М. Социальные нормы-регуляторы поведения личности. — В кн.: Некоторые вопросы методологии и теории. М., 1972, с. 6; Гринберг Л. Г. Нравственные отношения. Л., 1971, с. 13.

⁵ См.: Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., т. 9, с. 135.

ческой науки необходимы для обоснования важного для данного исследования вывода о том, что общественно значимое поведение — это поведение, регулируемое и направляемое в интересах общества его принудительной силой. Регулируется, направляется поведение членов общества социальными нормами, первыми из которых были нормы-запреты (табу). Социальные нормы, наряду с другими объективными факторами, главным из которых является производство, связывали общество в единый коллективный организм. Жизнедеятельность такого организма всецело зависела от уровня его сплоченности. Выживали и продолжали развитие только те объединения предлюдей, которые оказались способными к постоянному повышению своей сплоченности⁶, к упрочению связей между членами и общности в целом.

Таким образом, поддержание и упрочение общественных отношений является объективной необходимостью развития человеческого общества. «Общество, — писал К. Маркс, — не состоит из индивидов, а выражает сумму тех связей и отношений, в которых эти индивиды находятся друг к другу»⁷.

Общественные отношения представляют собой определенные виды и формы поведения индивидов, групп, классов в процессе производства, общения, познания.

Социальными являются такие отношения, которые определяют собой специфическое содержание социального взаимодействия — обмен деятельностью общественных индивидов. В философской литературе общепризнано, что основу общественных отношений составляет общественная деятельность людей, под которой понимают единственно возможный способ бытия социальной действительности, всей материально-духовной культуры человечества⁸, проявление социальной активности человека⁹, непрерывный переход от одной потребности к другой, проявляющий себя, с одной стороны, в удовлетворе-

нии данной и порождении новой потребности, с другой стороны, в реализации и развитии имеющихся способностей человека¹⁰, деятельность и поведение реальных индивидов¹¹.

Определение содержания общественных отношений как человеческой деятельности даже и в самом широком, философском ее понимании, неудовлетворительно, ибо оно оставляет за его пределами социально значимое бездействие, бездеятельность. Как бы широко ни понимать деятельность, все же она не охватывает своего антипода — бездеятельность.

Между тем нетрудно увидеть, что содержание многих общественных отношений заключается в воздержании от активных действий, в бездействии. Например, принцип невмешательства во внутренние дела государств в международных отношениях, непрепятствование собственнику владеть, пользоваться и распоряжаться имуществом в экономических отношениях собственности и др.

На наш взгляд, содержание общественных отношений можно определить как социально значимое поведение, которое включает все виды социального поведения, как активную человеческую деятельность, так и запрещаемое или требуемое обществом бездействие. Общественные отношения — это специфическая форма всей жизнедеятельности людей. Это — сама их жизнедеятельность, ибо каковы индивиды, составляющие общество, таков характер и содержание общественных отношений. Каковы общественные отношения, таковы качества, свойства, типичные черты самих индивидов¹².

Б. С. Никифоров, обстоятельно исследовавший содержание общественных отношений, отмечает, что они представляют собой деятельность его участников или определенное положение людей по отношению друг к другу, или то и другое одновременно¹³. Представляется, однако, что и в основе «положения» людей по

⁶ См.: Семенов Ю. И. Происхождение брака и семьи, с. 68.

⁷ Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., т. 46, ч. 1, с. 214.

⁸ См.: Дроздов А. В. Человек и общественные отношения, с. 21—22; Батишев Г. С. Деятельная сущность человека как философский принцип. — В кн.: Проблемы человека в современной философии. М., 1969, с. 89.

⁹ См.: Плетников Ю. К. О природе социальной формы движения. М., 1971; Каган М. С. Человеческая деятельность. М., 1974, с. 42; Арефьева Г. С. Социальная активность. М., 1974, с. 28.

¹⁰ См.: Перфильев М. Н. Общественные отношения. Л., 1974, с. 76.

¹¹ См.: Мокронос Г. В. Методологические проблемы исследования общественных отношений. Свердловск, 1972, с. 14—15.

¹² См.: Там же, с. 72.

¹³ См.: Никифоров Б. С. Объект преступления по советскому уголовному праву, с. 64.

отношению друг к другу лежит их определенное поведение. Положение человека по отношению к другим людям определяет его социальный статус, в котором преобладает активная, поведенческая сторона, т. е. его возможности вести себя определенным образом. Значительной реже встречающаяся статическая сторона общественных отношений представляет собой социальное состояние¹⁴, которое не охватывает всего отношения, а является лишь частью его. Основу же общественных отношений составляет их активная сторона — социальное поведение субъектов отношения. Реальным базисом личности человека, — пишет А. Н. Леонтьев, — является совокупность его общественных по своей природе отношений к миру, но отношений, которые реализуются, а они реализуются его деятельностью, точнее, совокупностью его многообразных деятельностей¹⁵.

Общественные отношения — это всегда определенное поведение личности, совокупность разнообразных видов поведения. Именно из действий личности слагаются общественные отношения¹⁶. Вне общественных отношений личность не может ни существовать, ни действовать. Совместная деятельность людей невозможна без ее организованности, без определенных требований к каждому члену сообщества, без соблюдения правил поведения по отношению друг к другу и ко всей общности.

При этом социальное поведение одного субъекта отношения обеспечивает определенное состояние другого. Например, состояние отдельного индивида, обеспечивающее ему возможность жить и пользоваться благами жизни, требует от других членов общества такого поведения, которое не нарушало бы это состояние. Состояние государственной обороноспособности (боеготовности) требует определенного поведения граждан, призванных на действительную военную службу, владеющих сведениями, составляющими государственную тайну и т. д. (нести службу, охранять тайну и т. п.).

¹⁴ Социальным состоянием мы называем соответствующую интересам участников общественной жизни форму их жизнедеятельности (состояние неприкосновенности личности, территории государства, состояние здоровья и т. п.).

¹⁵ См.: Леонтьев А. Н. Деятельность и личность. — Вопросы философии, 1974, № 4, с. 96.

¹⁶ См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 1, с. 424.

Характер и направленность общественного поведения личности небезразличны для общества и отдельных его членов. Общество заинтересовано в социально полезном поведении личности. Направленность этого поведения определяется видом общественных отношений и закрепляется в социальной норме. Общественные отношения всегда включают в себя оценочный момент и носят нормативный характер. При этом социальные оценки поведения и социальные нормы так тесно взаимосвязаны между собой и взаимопроникают, что во многих случаях их невозможно даже различить¹⁷. Социальные нормы как общие правила общественного поведения людей в их взаимоотношениях друг к другу требуют от индивида определенного общественного поведения.

Еще римские юристы отмечали, что социальные нормы требуют поведения трех видов: 1) что-либо сделать (*facere*) — передать вещь купившему, оплатить работу, возратить долг и т. п.; 2) чего-либо не делать (*non facere*) — не оскорблять чужой чести, не препятствовать собственнику владеть, пользоваться и распоряжаться имуществом и т. п.; 3) что-либо терпеть (*pati*) — терпеть пользование другим лицом вещью, переданной ему в наем, терпеть наложенное компетентными лицами или органами власти взыскание или наказание и т. п. Такого же взгляда на содержание социальной нормы придерживались русские дореволюционные юристы¹⁸. Развитие юридической мысли подтвердило обоснованность этой классификации. В современном праве все разнообразие правовых норм тоже принято делить на три вида: запрещающие, уполномочивающие и обязывающие¹⁹. Хотя между вторым и третьим видом обязательного поведения имеется некоторое различие, однако

¹⁷ См.: Ивин А. А. Основания логики оценок. М., 1970, с. 169—174. Эволюционный процесс создания и развития человеческого общества, — пишет Льюис Д., — характеризуется не только завоеваниями науки, достижениями искусства и литературы, но также и выработкой человеческих оценок жизни (см.: Льюис Д. Человек и эволюция. М., 1964, с. 75).

¹⁸ См.: Петражицкий Л. И. Теория права и государства в связи с теорией нравственности. СПб, 1907, с. 69—71; Тарановский Ф. В., с. 156—157.

¹⁹ См.: Общая теория советского права. М., 1966, с. 213; Марксистско-ленинская общая теория государства и права. Социалистическое право. М., 1973, с. 253—254.

и тот и другой вид обязанности (как «чего-либо неделание», так и «терпение») является именно определенным поведением, а не положением или состоянием.

Наиболее существенной особенностью общественных отношений является обязательно определенное поведение взаимосвязанных индивидов. Без обязанности вести себя определенным образом нет общественных отношений²⁰. Общественные отношения именно потому и признаются общественными, что они возникают в обществе, выражают его интересы и что в требуемом поведении состоящих в связи субъектов (индивидов, групп, коллективов, классов) заинтересовано общество (или его господствующий класс), что общество ожидает от них именно такого поведения и требует его. Отношения господства и подчинения, мужа и жены, ученика и учителя, дружбы, товарищества, собственности и т. п. — все они предполагают обязательное соблюдение определенных велений общества о должном, дозволенном или запрещенном поведении. Обязательность необходимого поведения закрепляется в социальной норме, которая представляет собой веление, выработанное массовым, миллиарды раз повторенным отношением и закрепляемое в виде правила. Именно благодаря осознанию человеком своего отношения к другим людям, к социальной общности, возникли образцы (нормы) общественного поведения. В социальной норме только закрепляются те веления к поведению, которые предопределяются отношениями. Регламентация социальной жизни людей

²⁰ Не поняв сути общественных отношений, В. К. Глистин считает, что «занимаясь антисоветской пропагандой, преступник вступил в данной форме в отношения с другими субъектами». (Глистин В. К. Проблема уголовно-правовой охраны общественных отношений. Л., 1979, с. 102). Такой социальный контакт пропагандиста и его слушателя не порождает никакой социальной связи, не возникает при этом никаких общественных отношений между этими субъектами как раз потому, что такой контакт не содержит в себе ничего социально обязательного для них, вытекающего из данного контакта. Здесь возникают только отношения по поводу совершения преступления между пропагандистом и государством в лице его специальных органов. Однако эти отношения не являются объектом уголовно-правовой охраны и данное преступление посягает не на них. Да и сам В. К. Глистин на с. 60 своей работы правильно утверждает, что «социально значимая связь порождается действием или бездействием только тогда, когда деяние *создает связь* по крайней мере между двумя субъектами».

с самого зарождения человеческого общества начиналась с возникновения общественных отношений. Определенную общность людей можно назвать человеческим обществом, очевидно, только с момента возникновения в этой общности общественных отношений между ее членами. С развитием цивилизации общественные отношения и вытекающие из них веления начинают играть все большую роль в жизни людей. С возникновением государства и права часть этих связей подвергается правовому регулированию, а их обязательность становится правовой обязанностью или правом (правоотношение). Таковы, например, отношения собственности, трудовые, гражданства, семейные и др. Некоторая часть социальных связей и в условиях государства не подвергается правовой регламентации и правоотношениями не является. Например, отношения дружбы, некоторые половые отношения. Тем не менее общество не снимает с этих отношений требования обязательности, и нарушение дозволенного или запрещенного поведения, вытекающего из этого отношения, осуждается общественным мнением. С развитием культуры общественное мнение вновь увеличивает силу и приобретает важную роль в охране общественных отношений. В условиях социалистического общества общественное мнение является одним из важных средств в охране социалистических общественных отношений и как таковое используется и в качестве меры государственно-правового воздействия. Так, например, в УК РСФСР общественное порицание является видом уголовного наказания (ст. 21), а меры общественного воздействия на лиц, совершивших преступления, предусматривают санкции многих статей (96, 97, 100, 112, 123, 128, 130, 131, 143, 192, 200, 202, 207, 208, 221, 232).

Обязательность социальной связи в древние времена закреплялась различными символическими обрядами. Так, у северогерманских народов обязывающемуся связывали руки, которые держал тот, в чью пользу возникло обязательство; у славянских народов таким символом было «битье по рукам», что нашло свое закрепление в древних памятниках права²¹.

²¹ См.: ст. 32 Псковской судной грамоты («... истец, по кому рука дана...»), ст. 24 Новгородской грамоты («да и по руцъ ему

С учетом названных признаков общественные отношения в качестве объекта правовой охраны и предмета правового регулирования можно определить как возникающие или устанавливаемые в интересах групп, классов, общества, регулируемые социальными нормами и принудительной силой общества социальные институты поведения. Упрощенно эту сторону общественных отношений можно определить как общественное поведение, представляющее собой систему поступков социальных субъектов, направленных на реализацию общественных интересов, которые могут быть реализованы только в такой форме.

Отношение человека, отношения между людьми — это не что иное, как его (их) поведение. Вне поведения никакие отношения немислимы, невозможны. Какую бы сферу общественной жизни ни взять, в чем бы ни проявлялось отношение человека к миру, к другим людям, оно всегда выражается в его конкретном поведении. Поведение людей и есть общественные отношения, а отношения между людьми и есть их социальное поведение. Именно в таком смысле и понимал общественные отношения В. И. Ленин, отмечая, что они слагаются из действий личности²². Такое определение наиболее полно соответствует марксистскому пониманию общественных отношений как специфической формы, в которой люди осуществляют свою деятельность²³. Встречающиеся в литературе утверждения о том, что общественные отношения охватывают не только действия отдельных лиц, но и социальные связи, предпосылки и условия возникновения этих связей и поведения людей²⁴, на наш взгляд, необоснованны. В философской литературе общепризнано, что социальные связи по объему шире общественных отношений, так как есть социальные связи, которые общественными отношениями не являются. Например, связь производительных сил и произ-

ударити с истцом своим»). Отсюда, как считают некоторые исследователи, и произошло название «поруки», «поручительство», т. е. принятие на себя определенной обязанности, выраженной в рукопожатии или «битье по рукам».

²² См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 1, с. 424.

²³ См.: Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., т. 3, с. 28.

²⁴ См.: Общая теория советского права. М., 1966, с. 16; Витченко А. М. Метод правового регулирования социалистических общественных отношений. Саратов, 1974, с. 9.

водственных отношений²⁵. Предпосылками и условиями возникновения социальных связей являются, например, сам человек и окружающая его природная среда, но которые, очевидно, общественными отношениями не являются²⁶.

Качество отношений всегда определяется соответствием поведения взаимосвязанных общественных субъектов их интересами. «Хорошие», «натянутые» отношения между государствами, классами, индивидами, как и всякая иная их оценка, зависят от того, насколько поведение определенных субъектов отношения соответствует их интересам.

Каждый институт социального поведения возникает в обществе или создается господствующими классами для осуществления какого-либо отдельного общественного интереса. Социальное назначение институтов поведения (общественных отношений) состоит в том, чтобы обеспечить реализацию общественных интересов, поскольку они помимо определенного поведения (дозволенного в одних случаях и запрещенного в других) не могут быть реализованы.

При этом необходимо подчеркнуть, что в общественных отношениях закрепляются и реализуются прежде всего интересы общества или его господствующих классов. Интересы индивидов отражаются в общественных отношениях лишь в той части, в которой они совпадают с общественными интересами. Очевидно, что интересы представителей господствующего класса наиболее полно отражаются в существующих в данном обществе отношениях, а интересы представителей эксплуатируемых классов отражаются в этих отношениях лишь в самой незначительной части. Вместе с тем сказанное вовсе не означает независимости общественных интересов от интересов индивидов или их противопоставления. Общественные интересы представляют собой совокупность интересов определенной общности индивидов.

В условиях социалистического общества интересы

²⁵ См.: Плетников Ю. К. О природе социальной формы движения, с. 47; Вырелкин В. П. Общественные отношения как категория марксистской социологии. Автореф. канд. дис. Л., 1969, с. 7.

²⁶ «Первая предпосылка всякой человеческой истории, — писал К. Маркс, — это, конечно, существование живых человеческих индивидов» (Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., т. 3, с. 19).

индивидов наиболее полно находят свое выражение в социалистических общественных отношениях. Но и в условиях данной формации нет полного совпадения общественных и личных интересов. Такое несоответствие вызывается различными объективными причинами, которые проявляются в том, что некоторые члены общества не осознают своих действительных интересов, либо противопоставляют свои личные интересы общественным и т. п. Несовпадение общественных и личных интересов вызывает необходимость общественной регламентации, направления общественных отношений нормами поведения. Если бы интересы индивидов и общества совпадали, то общественная регламентация была бы излишней. Нормативность общественных отношений как раз и вызывается разрывом между интересами общества и интересами его членов, поведение которых составляет содержание общественных отношений.

Общественные отношения не могут существовать без социальных норм, их регулирующих. Без социальных норм нет и общественных отношений. Но общественные отношения это не сами социальные нормы. Общественные отношения — это фактическое, действительное поведение, а социальные нормы — это требования, веления к будущему поведению. Социальные нормы выражают волю общества. В общественном отношении выражается воля его субъектов, действующих индивидов, групп, классов. При реализации общественных отношений в соответствии с регулируемыми их нормами воля общества и воля индивида совпадают.

Противопоставление воли индивида воле общества приводит к нарушению социальной нормы и изменению общественных отношений. Это случаи отклоняющегося поведения, которое социальными нормами запрещается и положительно не регулируется. Нет, например, социальных норм, определяющих порядок хищения или убийства, регулирующих порядок и условия создания преступных сообществ и т. п. Такое поведение является также социально значимым, ибо оно имеет непосредственное отношение к интересам общества.

В большинстве случаев отклоняющееся поведение противоречит общественным интересам, нарушает их. Это случаи патологии социального поведения. Вместе с тем не всякое отклоняющееся поведение противоречит

общественным интересам, не всегда является социально отрицательным. Официально отклоняющееся поведение признается антиобщественным. Например, деятельность запрещенных партий, революционеров, преступность. Действительно антиобщественным является только регрессивное поведение, противоречащее прогрессивному развитию общества.

Изложенное показывает, что в общественных отношениях тесно взаимосвязаны интересы общества и социально значимое поведение, в котором эти интересы выражаются. Эта связь настолько существенна, что дает основание назвать общественные отношения общественными интересами в динамике, в действии. Общественные отношения — это форма реализации общественных интересов. Помимо общественных отношений общественные интересы не могут быть реализованы²⁷. Осуществление интересов определенного класса требует соответствующей системы общественных отношений. В пределах же одного типа общественных отношений могут быть реализованы, осуществлены только определенные общественные интересы.

Реализуются общественные интересы соответствующим поведением субъектов общественных отношений. Потому общество и обеспечивает индивидам, группам, классам возможность определенного поведения и охраняет как само поведение, так и его возможность, а всякое поведение, противоречащее его интересам, запрещает. При этом, как правильно заметил Е. А. Фролов, важно выделить статику и динамику общественных отношений²⁸. Для общественных отношений характерно

²⁷ Место и роль общественных интересов в системе объекта преступления обстоятельно рассмотрены Е. А. Фроловым (см.: Фролов Е. А. Объект уголовно-правовой охраны и его роль в организации борьбы с посягательствами на социалистическую собственность. Автореф. докт. дис. Свердловск, 1971, с. 18—21) и Е. Каиржановым (см.: Каиржанов Е. Интересы трудящихся и уголовный закон. Алма-Ата, 1973, с. 36—56). Заметим только, что Е. Каиржанов, на наш взгляд, необоснованно отождествляет интересы с общественными отношениями. Общественные отношения — это не сами интересы, а лишь способ, форма их осуществления. Ликвидация отношений не ликвидирует интересы. Например, интересы господствующего класса с ликвидацией отношений частной собственности не исчезают.

²⁸ См.: Фролов Е. А. Объект уголовно-правовой охраны и общее понятие хищения социалистического имущества. — Сборник научных трудов СЮИ. Свердловск, 1969, с. 66—117.

постоянное их изменение, отмирание старых и возникновение новых отношений. В то же время им присуща и определенная устойчивость, неизменность. Направляя в соответствии с общественными интересами поведение людей в обществе, социальные нормы (в том числе и право) воздействуют на динамическую сторону общественных отношений. В этом регулятивная функция социальных норм (права).

Вместе с тем для осуществления, реализации общественных интересов необходимо обеспечить постоянство, стабильность общественных отношений как условие их реализации. Возникает социальная необходимость охраны общественных отношений, которая заключается в поддержании их статической стороны, в обеспечении их устойчивости, стабильности. Потому общественные отношения в качестве объекта преступления должны рассматриваться как постоянные, неизменные. Их изменение с этой стороны нарушает общественные интересы, причиняет социально опасный вред, а потому общество вынуждено осуществлять охрану общественных отношений.

Общественные отношения представляют собой фактической, действительное поведение участников общественной жизни, которое направляется социальными нормами, а в отдельных случаях и принудительной силой общества. Вместе с тем социальные нормы и охраняют, обеспечивают возможность этого поведения. Фактическая реализация общественных интересов всегда находится под охраной общества.

Социальные институты определенного поведения групп, классов общество охраняет различными средствами, в том числе и правовыми. Те из них, которые поставлены под охрану уголовного закона, являются объектами уголовно-правовой охраны (объект преступления).

Социальная функция и служебная роль уголовного права заключается, главным образом, в охране общественных отношений, в обеспечении возможности реализации общественных интересов.

Следовательно, объектом преступления является обеспечиваемое обществом соответствующее его интересам поведение или состояние субъектов общественных отношений.

Все сказанное в полной мере относится и к социалистическому уголовному праву. Поэтому объект преступления по советскому уголовному праву можно определить как обеспеченную социалистическим обществом субъектам социалистических общественных отношений возможность соответствующего интересам социалистического общества поведения его членов, групп, классов или их состояния.

Эта возможность определенного поведения или состояния является содержанием, ядром общественных отношений и основным признаком объекта преступления.

Преступление полностью или частично, временно или навсегда затрудняет реализацию социальных возможностей участников общественной жизни либо делает такую реализацию невозможной. Ради охраны этих возможностей и существует уголовное право, создаются уголовно-правовые запреты или устанавливаются новые возможности (необходимая оборона, крайняя необходимость, задержание преступника). При этом необходимо подчеркнуть, что объектом преступления могут быть только действительные, реализуемые возможности, только действительное социальное поведение или состояние субъектов общественной жизни. Абстрактные, потенциальные возможности (например, возможность стать собственником имущества, быть избранным в органы власти и т. п.) не могут быть объектом преступного посягательства, поскольку посягательство на них невозможно по самому их существу.

Б. С. Никифоров непосредственным объектом преступления называет охраняемые уголовным законом условия нормального функционирования социального установления, а групповым (родовым) нормальное функционирование или возможность нормального функционирования отдельных установлений²⁹.

Принципиальных возражений эти положения не вызывают. Однако при ближайшем рассмотрении оказывается, что «социальное установление» — это не что иное, как конкретные общественные отношения или группа однородных общественных отношений. Поскольку под нормальным функционированием социального установ-

²⁹ См.: Никифоров Б. С. Объект преступления по советскому уголовному праву, с. 114—116.

ления Б. С. Никифоров понимает личность в ее физическом, политическом, трудовом, имущественном и т. п. существовании, нормальное функционирование государственного аппарата, социалистического хозяйства, правосудия, вооруженных сил, то нетрудно увидеть, что «социальное установление» — это только новое наименование общественных отношений, ибо личность, например, в ее физическом, политическом, имущественном и ином существовании есть не что иное, как совокупность общественных отношений.

— Условиями нормального функционирования установлений Б. С. Никифоров называет: а) условия реализации собственником его правомочий в отношении принадлежащего ему имущества; б) условия нормальной деятельности государственного аппарата; в) условия выпуска в обращение денежных знаков только в плановом порядке и т. п. Преступление действительно нарушает условия нормального функционирования социальных установлений как возможность их существования. Однако условия нормального функционирования носят слишком общий характер и потому не приближают к разрешению проблемы непосредственного объекта посягательства. Ведь в сущности здесь нет ответа на вопрос, что является непосредственным объектом преступления и в чем конкретно выражаются условия существования социальных установлений или (что одно и то же) общественных отношений. Это особенно хорошо видно на примере должностных преступлений и, в частности, халатности (ст. 172 УК).

Поскольку ответственность за халатность наступает лишь при наличии обязанности действовать, притом обязанности юридической, то ее выполнение и является условием нормального функционирования государственных и общественных учреждений, организаций, предприятий. В общем виде юридическая обязанность должностного лица есть совокупность множества отношений, из которых преступление нарушает лишь одно или несколько из всей совокупности. Для конкретизации непосредственного объекта необходимо выделить это нарушаемое общественное отношение.

Сходную позицию по объекту преступления занимает В. Г. Смирнов. Он тоже считает, что объектом уголовно-правовой охраны являются условия существования

социалистических общественных отношений³⁰. На наш взгляд, условия существования или функционирования не могут быть признаны объектом, ибо, как правильно заметил Н. А. Беляев, нарушение условий причиняет ущерб и самому общественному отношению, которое, таким образом, и терпит вред от преступления.³¹

Позиция Б. С. Никифорова и В. Г. Смирнова требует уточнения потому, что, во-первых, преступление изменяет не условия существования общественных отношений, а сами общественные отношения и, во-вторых, условия нормального функционирования могут существовать и в отсутствие общественных отношений.

Если признать объектом преступления не общественные отношения, а только условия их нормального существования (функционирования), то, поскольку для многих преступлений эти условия тождественны, окажется невозможным отличить сходные преступления, например, хищение от причинения имущественного ущерба, хищение социалистического имущества от аналогичных действий в отношении личного имущества граждан и т. п.

Кроме того, условиями существования общественных отношений обоснованно признаются материальные их предпосылки (например, имущество для отношений собственности), без которых, очевидно, не существовало бы самих этих отношений³². В этом смысле условия, предпосылки существования (функционирования) общественных отношений являются одной из сторон, свойств общественных отношений. Бесспорно, что без этих условий, предпосылок нет и не может быть общественных отношений, а нарушение этих условий (предпосылок) может изменить общественные отношения либо вовсе уничтожить их. Но это имеет место не только при нарушении условий, предпосылок существования общественных отношений. В равной мере общественные отношения

³⁰ См.: Смирнов В. Г. Функции советского уголовного права. Л., 1965, с. 52. На с. 53 указанной работы автор уточняет, что объектом посягательства являются не только общественные отношения, но и условия их обеспечения.

³¹ См.: Курс советского уголовного права. Часть Общая, Л., 1968, т. I, с. 278, 292.

³² См.: Кудрявцев В. И. Теоретические основы квалификации преступлений, с. 166; Сирота С. И. Преступления против социалистической собственности и борьба с ними. Воронеж, 1968, с. 14.

могут быть изменены путем повреждения или уничтожения их носителей — субъектов отношений. Общественно опасное посягательство может быть совершено путем воздействия на любую сторону общественных отношений, а не только на условия их существования. Поэтому выделение в качестве объекта посягательства только одной какой-то стороны, свойства не может быть правильным. Объектом преступления являются общественные отношения в целом, полностью, как таковые, независимо от того, что изменение или ликвидация их осуществляется путем воздействия на какую-либо одну из их сторон (субъект, материальный объект).

Затрудняет выявление непосредственного объекта посягательства при таком его понимании и то обстоятельство, что условиями, предпосылками существования общественных отношений являются не только материальные объекты, но и правопорядок в целом. Правопорядок выступает одним из необходимых условий нормального функционирования социальных установлений³³.

В самом общем виде можно считать, что преступление посягает на правопорядок и этим причиняет социальный вред. Но при таком понимании объекта невозможно назвать объект отдельного преступления, невозможно разграничить сходные деяния и отличить преступление от действий правомерных. Например, лишение жизни при необходимой обороне или причинение имущественного вреда при крайней необходимости нарушают условия функционирования социальных установлений (жизни и полномочия собственника), но эти нарушения не признаются преступлением. Только с позиции объекта преступления можно объяснить исключение уголовной ответственности в подобных случаях.

Общественные отношения (или «социальные установления») имеют массу условий существования, из которых трудно выделить условие — объект. Для практики это почти невыполнимая задача. Кроме того, замена непосредственного объекта (общественных отношений) условиями нормального функционирования социальных установлений принижает значение общественных отношений и их охраны.

³³ «Урегулированность и порядок, — писал Маркс К., — являются именно формой общественного упрочения данного способа производства...» (Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., т. 25, ч. 2, с. 356).

В другом месте своей работы Б. С. Никифоров более точно выразил объект преступления, однако это положение не выделил и оно осталось незамеченным. Определив социальную возможность определенного поведения как «важнейший элемент объекта правонарушения»³⁴, Б. С. Никифоров далее указывает, что эта «возможность входит в понятие охраняемого уголовным правом объекта — общественного отношения как его составная часть», а само преступление «выражается в воспрепятствовании реализации этой возможности или в уклонении от содействия ее реализации»³⁵.

На наш взгляд, эти положения наиболее ценные в работе Б. С. Никифорова. Они наиболее точно определяют социальную сущность объекта уголовно-правовой охраны и преступного на него посягательства. Необходимо только отметить, что возможность определенного поведения субъектов социальной жизни является не элементом объекта, не составной частью общественных отношений, а содержанием этих последних, и поскольку преступление нарушает реализацию названных возможностей, то она и есть объект преступления. Следовательно, не социальные возможности сами по себе, как таковые, а их реализация, осуществление подвергаются преступному воздействию и изменению.

Е. А. Фролов определяет объект уголовно-правовой охраны как социальные возможности тех или иных участников общественной жизни³⁶. На наш взгляд, это слишком широкое определение, так как оно необоснованно включает и абстрактные, потенциальные возможности, на которые преступное посягательство на уровне непосредственного объекта невозможно. Не может быть нарушена, например, возможность отдельного гражданина обучаться в учебном заведении, если он в нем не учится.

Иными словами можно сказать, что объектом уголовно-правовой охраны является фактическое поведение или состояние участников общественной жизни, в которых реализуются общественные интересы.

³⁴ Никифоров Б. С. Объект преступления по советскому уголовному праву, с. 69.

³⁵ Там же, с. 106.

³⁶ См.: Фролов Е. А. Объект уголовно-правовой охраны и его роль в организации борьбы с посягательствами на социалистическую собственность, с. 18.

Преступление затрудняет или ликвидирует на время или навсегда возможность этой реализации. В этом его социальная суть и в этом заключается причиняемый преступлением общественно опасный вред.

3. Конкретизация непосредственного объекта преступления

Признание общественных отношений объектом преступления в силу их известной абстрактности не обеспечивает потребностей практики, так как не разрешает задачи выявления и конкретизации непосредственного объекта посягательства. Общее определение непосредственного объекта преступления как общественного отношения для практики недостаточно и поэтому возникает необходимость конкретизации непосредственного и видового объектов посягательства.

Попытки разрешить эту задачу в юридической науке ведутся давно. Собственно, признание некоторыми авторами материальных объектов (вещей, имущества и т. п.) непосредственным объектом преступления тоже является попыткой такой конкретизации, но попыткой неудачной. Успешно эта проблема исследована Б. С. Никифоровым. Непосредственным объектом преступления он признает социальные возможности субъектов общественных отношений, их реализацию¹. Предложенное им общее решение нуждается в некотором уточнении и дополнении.

Представляется, что конкретизация непосредственного объекта преступления может быть плодотворной путем выявления особенностей и содержания общественных отношений, которые изменяются преступлением, и социальной сути этих изменений.

Содержанием общественного отношения, как было показано выше, являются: а) возможное, б) необходимое, в) запрещенное поведение субъектов отношения либо г) обеспечиваемое обществом определенное их

¹ См.: Никифоров Б. С. Объект преступления по советскому уголовному праву, с. 69, 106. Аналогичным образом конкретизирует непосредственный объект преступления и Е. А. Фролов (см.: Фролов Е. А. Объект уголовно-правовой охраны и его роль в организации борьбы с посягательствами на социалистическую собственность, с. 17, 18, 22).

состояние. Эти социальные возможности распределяются между участниками отношения таким образом, что одна сторона (индивид, группа, класс, общество) признается обязанной к определенному поведению, к удовлетворению требований другой стороны. Требованию одной стороны всегда соответствует обязанность другой. Там, где отсутствует возможность требования или обязанность его удовлетворения, нет социальной связи.

Общественные отношения содержат количественные и качественные параметры (пределы) поведения взаимосвязанных субъектов, как вид, так и меру возможного или должного поведения. В наиболее общем виде количественные характеристики общественных отношений выражаются в том, что:

а) возможности поведения одной стороны корреспондирует возможность соответствующего поведения другой стороны. Например, отношения в области государственного управления характеризуются тем, что возможности должностного лица вести себя определенным образом противостоят возможность и необходимость определенного поведения граждан;

б) возможности поведения одной стороны корреспондирует обязанность определенного поведения другой (в отношениях по обеспечению нормальных и безопасных условий труда возможности для рабочего или служащего безопасно для жизни и здоровья трудиться противостоят обязанность администрации предприятия обеспечить безопасность трудового процесса);

в) возможности поведения одной стороны обеспечивается путем запрещения определенного поведения других членов общности (в отношениях собственности возможности собственника владеть, пользоваться и распоряжаться имуществом противостоят запрещенность для всех иных лиц чинить ему в этом препятствия);

г) возможности обеспечиваемого состояния одной стороны корреспондирует запрещенность определенного поведения другой (в отношениях по обеспечению жизни, общественной безопасности и т. п., отношениях возможности пребывать в безопасном состоянии и т. п. противостоят необходимость врача, родителей, органов власти поддержания этого состояния и запрещенность поведения, которое может его нарушить).

Количественная и качественная характеристики кон-

кретных отношений определяются содержанием соответствующего интереса и потребностям его удовлетворения.

Важно также заметить, что реализация социальных возможностей нарушается чаще всего с одной стороны. Поскольку общественные отношения — это всегда отношения между двумя сторонами, постольку нарушителем их могут быть либо оба субъекта, либо один из них. Однако одновременное повреждение одного и того же общественного отношения обеими сторонами практически не встречается, так как обоюдное желание субъектов общественных отношений изменить их, как правило, бывает правомерным². Причинителем общественного вреда выступает один из субъектов отношения. Очевидно, что вредоносная деятельность субъекта в этом случае направлена на ту часть общественного отношения, которая закрепляет интерес другой стороны, т. е. интерес противостоящего в отношении субъекта. С позиции субъекта отношения, причиняющего вред, интерес противостоящего субъекта может выступать лишь в социальной возможности определенного поведения страдающей (потерпевшей) стороны (для государства — вести народное хозяйство, управлять обществом, развивать экономику, владеть, пользоваться и распоряжаться имуществом; для граждан — осуществлять свои права, пользоваться, владеть и распоряжаться имуществом, свободой и т. п.) или в социальной возможности определенного состояния (независимости, суверенитета, авторитета для государства; жизни, здоровья, чести, достоинства, половой неприкосновенности для граждан).

Эти социальные возможности определенного поведения или определенного состояния, в которых реализуется какой-то общественный интерес, и выступают непосредственным объектом преступного посягательства. При этом в данном случае речь идет о реализуемых социальных возможностях субъекта отношения, противостоящего причинителю вреда. Социальная запрещенность определенного поведения не может быть объектом посягательства, ибо она, во-первых, всегда находится на стороне субъекта причинителя вреда и, во-вторых, требуемое или запрещенное поведение существует не само

² Исключения составляют только те случаи, когда субъекты отношения не вправе изменять существующие между ними отношения, например, отношения по охране жизни.

по себе, а ради осуществления противостоящей ему какой-то социальной возможности, против которой и направляется посягательство.

Таким образом, непосредственным (видовым) объектом посягательства выступают реализуемые социальные возможности определенного поведения субъекта отношения или обеспечиваемое ему обществом определенное состояние.

Из настоящего определения видно, что непосредственным объектом преступления может быть осуществление: а) социальной возможности определенного поведения либо б) социальной возможности определенного состояния участника общественного отношения. В таком виде непосредственный и видовой объекты посягательства могут быть выявлены в любом преступном деянии.

Например, видовым и непосредственным объектом убийства является возможность физического существования, хищения — возможность владеть, пользоваться и распоряжаться имуществом, хулиганства — возможность гражданам спокойно трудиться, отдыхать, а предприятиям, учреждениям, организациям нормально функционировать и т. д.

Социальные возможности определенного участника общественного отношения — это всегда возможности, обеспечиваемые обществом и государством. Социальная возможность определенного поведения или определенного состояния выступает непосредственным объектом посягательства лишь постольку и до тех пор, пока она обеспечивается обществом и государством. С момента исключения какого-либо интереса из сферы обеспечиваемых обществом и государством благ эта возможность становится своей противоположностью — невозможностью и перестает быть объектом уголовно-правовой охраны. Не обеспечивается, например, жизнь лица, совершающего тяжкое преступление, характеризующееся нападением при необходимой обороне.

Определение видového и непосредственного объектов преступления как фактических социальных возможностей определенного поведения или состояния в известной мере «овеществляет» его, делает объект преступления более доступным для понимания и более отчетливо показывает сущность и характер посягательств на него, а также причиняемого социально опасного вреда.

Вместе с тем, признавая объектом преступления определенные социальные возможности, не следует упускать из виду, что эти возможности всегда находятся в сфере общественных отношений, составляют их основу, ядро. Социальные возможности участников общественных отношений только потому и охраняются уголовным законом, что они являются глубинным содержанием общественных отношений, в охране которых заинтересовано общество и государство. Поэтому при конкретизации непосредственного объекта преступления следует исходить из того, что преступное посягательство всегда направлено на общественные отношения. Социальные возможности как непосредственный объект посягательства не заменяют в этом смысле общественные отношения, а лишь указывают на их конкретно осязаемую сторону.

На уровне социальных возможностей конкретизация непосредственного объекта должна заканчиваться, так как дальнейшая его детализация выходит из сферы общественных отношений. Е. А. Фролов обоснованно заметил, что конкретизация непосредственного объекта преступления имеет свои пределы и должна ограничиваться теми понятиями, которым присущи свойства общественных отношений³.

На основе этих общих положений можно конкретизировать и уточнить объект отдельных видов преступлений, поскольку для правильной оценки общественной опасности деяния и его квалификации всегда важно установить то конкретное социальное благо, на которое данное преступление посягает.

Нуждается, в частности, в уточнении объект посягательства при угрозе убийством, причинением тяжких телесных повреждений или уничтожением имущества путем поджога (ст. 207 УК). В одних случаях объектом этого посягательства называют общественный порядок и общественную безопасность⁴, в других — только об-

щественный порядок⁵, в третьих — жизнь⁶, в четвертых — личную свободу⁷.

В названных определениях объекта данного посягательства, на наш взгляд, не раскрывается в полной мере ни его юридическая природа, ни социальная сущность.

Если под общественным порядком понимать совокупность общественных отношений, обеспечивающих общественное спокойствие, а под общественной безопасностью — условия безопасности неопределенного круга лиц, то становится очевидным, что угроза убийством, высказанная одним гражданином в адрес другого, нарушает главным образом не общественное спокойствие, не общественную безопасность. Виновный субъект при этом не направляет свое посягательство на общественный порядок или на общественную безопасность и не имеет такого намерения.

Угроза — деяние всегда персонифицированное, обращенное к какому-то конкретному лицу или определенному кругу лиц. Психическое воздействие виновный направляет большей частью на определенную личность. Никому и ничему другому это деяние в большинстве случаев не угрожает и опасности не создает. Общественный порядок и общественное спокойствие нарушаются угрозой лишь в отдельных случаях, т. е. эти общественные блага выступают лишь факультативными объектами данного посягательства.

Угроза убийством или причинением тяжких телесных повреждений — это преступление против личности⁸.

Однако видовым и непосредственным объектом посягательства при угрозе является не жизнь. Реальной непосредственной опасности для жизни в момент провождения виновным угрозы не возникает. Виновный не имеет намерения в момент угрозы лишить потерпевшего

⁵ См.: Уголовное право. Часть Особенная. М., 1968, с. 476; Советское уголовное право. Часть Особенная. М., 1973, с. 463; Д а н ь ш и н И. Н. Уголовно-правовая охрана общественного порядка. М., 1973, с. 192—193.

⁶ См.: Курс советского уголовного права. Часть Особенная. Киев, 1968, с. 208.

⁷ См.: Курс советского уголовного права. Часть Особенная. М., 1971, т. 5, с. 187.

⁸ Уголовные кодексы Украинской (ст. 100), Узбекской (ст. 85), Казахской (ст. 117), Грузинской (ст. 136), Азербайджанской (ст. 101), Эстонской (ст. 128) ССР относят угрозу убийством к преступлениям против личности.

³ См.: Фролов Е. А. Объект уголовно-правовой охраны и его роль в организации борьбы с посягательствами на социалистическую собственность, с. 22—23.

⁴ См.: Научный комментарий УК РСФСР. Свердловск, 1964, с. 402; Советское уголовное право. Часть Особенная. М., 1964, с. 356; Сухарев Е. А., Соколов Д. И. Ответственность за угрозу причинением тяжкого вреда.— Труды ВСШ МВД СССР. Волгоград, 1972, вып. 6, с. 120.

жизни или причинить вред здоровью. Пленум Верховного Суда СССР по конкретному делу обоснованно указал, что угроза представляет собой такие действия виновного, которые не направлены непосредственно на лишение жизни⁹.

Если же виновный, высказывая угрозу, имеет намерение лишить потерпевшего жизни сейчас же и совершает действия, представляющие непосредственную угрозу жизни потерпевшего, то это будет уже покушение на убийство, а не угроза убийством. Следовательно, при угрозе убийством или причинением тяжких телесных повреждений виновный посягает не на жизнь, не на здоровье потерпевшего. Наиболее очевидно это в тех случаях, когда виновный угрожает уничтожением имущества путем поджога.

Нельзя также признать обоснованным утверждение, что непосредственным объектом угрозы является личная свобода, так как это деяние во многих случаях не лишает потерпевшего свободы действия, выбора поведения, свободы передвижения¹⁰. Наиболее очевидно это в тех случаях, когда угроза заявлена в письменной форме или по телефону.

Социальная сущность угрозы состоит в том, что высказанная виновным при обстоятельствах, которые дают основания опасаться ее осуществления, она вызывает чувство страха, нарушает спокойный труд и отдых, порождает неуверенность в своей безопасности.

Угроза убийством или причинением тяжких телесных повреждений, таким образом, направлена против личной безопасности, которая и является видовым объектом этого преступления. Личная безопасность конкретного лица будет непосредственным объектом посягательства.

Есть необходимость также конкретизировать видовой и непосредственный объект хулиганства. Это преступление в настоящее время является наиболее распространенным. Кроме того, как показывает анализ следственной и судебной практики, наибольшее число

ошибок допускается при применении законодательства об ответственности за хулиганство¹¹. В значительной мере это объясняется тем, что хулиганство представляет собой не деяние, направленное на определенное социальное благо, а мотив асоциального поведения¹². В литературе отмечается, что сущность хулиганства (как мотива) заключается в стремлении к эгоистическому самоутверждению. Потребность в самовыражении личности удовлетворяется попранием общепринятых нравственных норм поведения, грубого неуважения к окружающим¹³. Хулиганство как состав преступления, предусмотренного ст. 206 УК, содержит главным образом признаки мотива и не имеет конкретной внешней, объективной характеристики. Такой состав преступления страдает существенными недостатками, так как он не содержит конкретных объективных признаков. Во-первых, в нем не указаны конкретные действия, образующие его объективную сторону. «Действия, грубо нарушающие общественный порядок и выражающие явное неуважение к обществу», — это общая, всеохватывающая характеристика антиобщественного поведения. Под такое определение подпадают любые общественно опасные деяния¹⁴. Основные признаки данного состава — «грубое нарушение», «явное неуважение», «особая дерзость», «исключительный цинизм» — не поддаются конкретизации. Применение такой

¹¹ См.: Бюллетень Верховного Суда СССР, 1972, № 6, с. 13; Ковалев М. И. Оптимальное соотношение формального и оценочного в уголовном законе. — Сов. государство и право, 1973, № 11 с. 70.

¹² С. Мокринский еще в 1924 г. писал, что хулиганство «не есть действие, но лишь свойство действия...» (см.: Мокринский С. Зорство и хулиганство. — Ежегодник сов. юстиции, 1924, № 37, с. 879—880). О хулиганстве как о мотиве говорит и закон: п. «б» ст. 102 УК РСФСР, ч. 2 ст. 105 УК Эстонской ССР. Поэтому трудно согласиться с тем, что хулиганство может быть совершено и на базе нехулиганских мотивов (см.: Ковалкин А. А., Котов Д. П. Мотивы хулиганства. — В кн.: Вопросы борьбы с преступностью. М., 1973, вып. 18, с. 42—45).

¹³ См.: Матышевский П. С. Ответственность за преступление против общественной безопасности, общественного порядка и здоровья населения. М., 1964, с. 80—85; Даньшин И. Н. О мотивах хулиганства. — Правоведение, 1965, № 2, с. 170; Яценко С. С. Ответственность за преступления против общественного порядка. Киев, 1976, с. 73—80.

¹⁴ Чрезмерную общность признаков ст. 206 УК РСФСР отмечали уже П. С. Матышевский (см.: Матышевский П. С., с. 79) и М. И. Ковалев (см.: Ковалев М. И., с. 70).

⁹ См.: Постановление Пленума Верховного Суда СССР от 26 мая 1967 г. по делу Карасева. — Бюллетень Верховного Суда СССР, 1967, № 4, с. 19.

¹⁰ Здесь мы не имеем в виду угрозу, соединенную с определенными требованиями, так как такого вида угрозы образуют самостоятельные преступления, например, предусмотренные ст. 95, 117, 149, 191, 193 УК.

нормы очень затруднительно и это порождает значительное число ошибок. Незначительное и общепреventивное ее воздействие. Во-вторых, сам по себе хулиганский мотив не показывает социальной направленности деяния, его объекта посягательства, что в известной мере скрывает общественную опасность деяния. Неясность законодательного выражения объекта конкретного деяния, совершаемого из хулиганских побуждений, затрудняет выяснение его социальной сущности, правовую квалификацию и дифференциацию ответственности в зависимости от тяжести причиняемого им вреда.

Кроме того, такой состав преступления искажает криминологическую характеристику преступности, так как неизвестно, в какой сфере общественной жизни какое число преступлений совершается, поскольку по хулиганским мотивам совершаются посягательства на различные сферы общественной жизни (личность, нравственность, собственность и др.). Это обстоятельство существенно затрудняет планирование и проведение профилактических мероприятий и ослабляет в общем борьбу с преступностью и в особенности с теми деяниями, которые совершаются по хулиганским мотивам.

Из законодательного описания признаков состава невозможно определить социальную направленность (объект) хулиганства как самостоятельного вида преступления. В литературе общепризнано, что хулиганство посягает на общественный порядок. Какой же это объект — родовый, видовой или непосредственный? И что собой представляет общественный порядок?

Общественный порядок, на наш взгляд, не может быть объектом одного преступления. Это общий объект, т. е. объект всякого преступления. Общественный порядок — это порядок, существующий в данном обществе, т. е. вся система его определяющих общественных отношений. Общественный порядок включает в себя правопорядок в целом, охватывая и общественную безопасность, и общественное спокойствие, здоровье населения и права, интересы личности и другие охраняемые уголовным законом социальные блага. Общественный порядок — понятие даже более обширное, чем правопорядок, так как последний не включает отношений, регулируемых нормами морали, нравственности. Нетрудно убедиться, что всякое преступление посягает на существующий в обществе

правопорядок. Поэтому считать общественный порядок непосредственным или даже родовым объектом нет оснований. Выделить из общей массы общественных отношений, входящих в общественный порядок или правопорядок, какое-либо одно общественное отношение в качестве основного, главного, наиболее типичного для хулиганства не представляется возможным, а поэтому и нельзя дать ответа на вопрос о том, на что же оно посягает. В этом смысле уголовно-правовые нормы об ответственности за хулиганство не согласуются со всей структурой, техникой и логикой уголовного закона. Установление уголовной ответственности за любой мотив поведения (месть, корысть, и т. п.), в том числе и за хулиганские побуждения, следует признать необоснованным. Анализ следственной и судебной практики показывает, что по хулиганским мотивам совершаются самые разнообразные антиобщественные поступки и деяния: от озорства до убийства (п. «б» ст. 102 УК). Объектами этих деяний выступают различные общественные отношения. К ним можно отнести жизнь, здоровье, честь и достоинство, отношения собственности, нравственность, государственное и общественное управление и другие. В законе же содержатся только отдельные уголовно-правовые нормы, предусматривающие ответственность за посягательства на конкретные общественные отношения, совершаемые из хулиганских побуждений (п. «б» ст. 102 УК, ч. 2 ст. 105 УК Эстонской ССР).

В интересах правосудия и обеспечения более эффективного предупредительного воздействия уголовно-правовых норм целесообразно было бы выделить из общего состава хулиганства посягательства на конкретные общественные отношения, совершаемые по хулиганским мотивам, в отдельные самостоятельные уголовно-правовые нормы.

Для более успешной борьбы с этими значительно распространенными посягательствами целесообразно выделить из состава хулиганства в самостоятельные нормы: причинение телесных повреждений, нанесение побоев, оскорбление, повреждение или уничтожение имущества и другие деяния, совершаемые из хулиганских побуждений.

Такие нормы могут быть сконструированы по примеру п. «б» ст. 102 УК и помещены в соответствующих

статьях об ответственности за эти деяния в качестве квалифицированных составов, предусматривающих более строгое наказание.

Выделение таких составов преступлений обосновывается тем, что названные деяния посягают в большей мере не на общественный порядок, а на личность, здоровье, честь, достоинство, на отношения собственности, на нормальную деятельность государственных и общественных организаций и аппарата управления, но совершаются они по хулиганским мотивам. Социальная сущность этих преступлений заключается не в нарушении общественного порядка и общественный порядок они нарушают в той же мере, в какой он нарушается и при некоторых других преступлениях, связанных с посягательствами на личность, на отношения собственности, порядок управления и т. п. (например, разбой, убийство, сопротивление представителю власти, соединенное с насилием, и др.). Их особенность и повышенная общественная опасность состоят только в том, что они совершаются по хулиганским мотивам и требуют поэтому более сурового наказания.

Предлагаемая дифференциация уголовно-правовых норм соответствует общей тенденции развития советского уголовного законодательства. В частности, дифференцированные уголовно-правовые нормы об ответственности за хищения в УК союзных республик имеют несомненные и общепризнанные преимущества перед Указами Президиума Верховного Совета СССР от 4 июня 1947 г. «Об уголовной ответственности за хищение государственного имущества» и «Об усилении охраны личной собственности граждан»¹⁵.

Кроме того, практика показывает, что отсутствие в законодательстве таких норм снижает эффективность борьбы с общественно опасными деяниями, совершаемыми по хулиганским мотивам, если эти деяния на практике не принято относить к хулиганству. Таковы, например, незаконное лишение свободы, нарушение неприкосновенности жилища, самовольная остановка поезда, надругательство над могилой.

Вместе с тем следует заметить, что названные деяния, перечисленные в качестве *de lege ferenda*, не охва-

тывают всех видов посягательств, совершаемых по хулиганским мотивам. Есть такие «хулиганские» деяния, которые на первый взгляд ни на что конкретно не посягают и кажутся «чисто» хулиганскими. Например, раслевание в общественных местах крайне неприличного, циничного содержания, совершение надписей непристойного содержания на заборах или на стенах зданий и т. п.

Возникает вопрос, на какие социальные блага посягают такие деяния, что является непосредственным объектом таких преступлений? Выше было отмечено, что общественный порядок ввиду его всеобщности не может быть признан непосредственным и видовым объектом посягательства. Указание на общественный порядок не дает ответа на поставленный вопрос, ибо это есть определение лишь общего объекта. Утверждать же, что и непосредственным и видовым объектом подобных деяний является общественный порядок, значит, уклоняться от ответа и оставлять проблему без разрешения, поскольку всякое преступление посягает на правопорядок.

Если же исключить из состава хулиганства посягательства на личность, собственность, управление и т. п. и обстоятельно проанализировать сущность оставшихся посягательств, то можно обнаружить, что они направлены на два вида общественных отношений: а) на общественное спокойствие (общественные отношения, обеспечивающие спокойный труд и отдых людей) и б) на общественную нравственность, достоинство граждан¹⁶.

Поскольку эти два вида общественных отношений подлежат самостоятельной уголовно-правовой охране и не имеют между собой тесной связи, то уголовная ответственность за посягательства на них должна быть предусмотрена в различных нормах. Для этого можно было бы диспозицию ст. 206 УК изложить следующим образом: «Грубое нарушение общественного спокойствия по хулиганским мотивам — наказывается...» и, кроме того, дополнить уголовное законодательство особой

¹⁶ Кстати сказать, создатели обобщенного состава хулиганства как раз и считали, что это деяние нарушает чувство стыдливости, чувство необходимого покоя (см.: Исаев М. Судебная практика по делам о хулиганстве. — Сов. юстиция, 1941, № 12, с. 6). Практика показывает, что деяния, предусмотренные ст. 206 УК, в 14% случаев посягают на общественное спокойствие.

¹⁵ См.: Ведомости Верховного Совета СССР, 1947, № 19.

нормой, предусматривающей ответственность за «грубое нарушение общественной нравственности и достоинства граждан из хулиганских побуждений».

С целью выявления непосредственных объектов конкретных посягательств, совершаемых из хулиганских побуждений, мы выборочно изучили 2300 статистических карточек на лиц, осужденных за хулиганство, и 1500 уголовных дел о хулиганстве, рассмотренных судами в 1972—1975 гг.

Прежде всего такое изучение показало, что в каждом хулиганском поступке или деянии нетрудно обнаружить конкретный объект уголовно-правовой охраны, на который в данном случае было направлено преступное посягательство. При этом посягательства на здоровье (причинение легких и менее тяжелых телесных повреждений, нанесение побоев) из хулиганских побуждений составили 39,7%, нарушение общественной нравственности (грубая нецензурная брань в присутствии женщин, детей, обнажение тела, отправление естественных надобностей в общественных местах и т. п.) — 30,2%, нарушение общественного спокойствия (срыв мероприятия, беспочинная помеха работе, отдыху и т. п.) — 14%; оскорбление граждан — 4%; уничтожение и повреждение личного имущества — 4%; сопротивление работникам милиции и народным дружинникам — 2,4%; угроза убийством или причинением тяжелых телесных повреждений — 2,2%; уничтожение социалистического имущества — 2%.

Посягательства на другие социальные блага составили каждое в отдельности менее одного процента. При анализе хулиганских действий, квалифицированных по различным частям ст. 206 УК, эти данные резко отличаются. Например, из общего количества хулиганских проявлений, квалифицированных по ч. 2 ст. 206 УК, около половины составили случаи причинения легких телесных повреждений и нанесение побоев (49%). Деяния, квалифицированные по ч. 1 ст. 206 УК, составляют главным образом посягательства на общественную нравственность. Почти каждое третье уголовное дело по ч. 1 ст. 206 УК — это дело о мелком хулиганстве, совершаемом повторно в течение года. Большинство из них — повторная нецензурная брань в общественных местах.

Небезынтересно отметить, что в большинстве приговоров по изученным нами делам суды выразили основ-

ную формулу обвинения словами: «беспочинно избил», «избил из хулиганских побуждений», «безмотивно уничтожил имущество», т. е. рассматривали такие деяния как совершаемые по хулиганским мотивам.

Характерно, что и высшие судебные органы в своих постановлениях называют такие преступления совершаемыми из хулиганских побуждений (Пленум Верховного Суда СССР таковыми считает убийство, причинение тяжелых телесных повреждений и др.)¹⁷ или совершенными по хулиганским мотивам (Пленум Верховного Суда УССР)¹⁸.

Во многих случаях в совершаемых по хулиганским мотивам деяниях содержится совокупность посягательств: причинение легких телесных повреждений, уничтожение имущества, оскорбление и другие. Статья 206 УК, независимо от того, по какой ее части деяние будет квалифицировано, в известной мере нивелирует эти деяния, следовательно, и ослабляет борьбу с ними средствами уголовного наказания. Анализ назначаемого судами наказания по ч. 2 ст. 206 УК составляет в среднем 1,5 года лишения свободы и очень редко превышает 2 года¹⁹.

Между тем, если бы субъект совершил аналогичные деяния не по хулиганским мотивам (ст. 149, 112 и 131 УК), то по совокупности преступлений (ст. 40 УК) он был бы подвергнут не менее тяжкому наказанию, а может быть и более строгому. Следовательно, утверждать, что ст. 206 УК усиливает борьбу с преступлениями, совершаемыми по хулиганским мотивам, нет оснований.

С другой стороны, чрезмерно общие нормы статьи 206 УК не позволяют суду дифференцировать наказание за различные по степени общественной опасности деяния, совершаемые из хулиганских побуждений. Но очевидно, что такие деяния, как нецензурная брань, причинение

¹⁷ См.: Сборник постановлений Пленума Верховного Суда СССР 1924—1977. М., 1978, ч. 2, с. 267.

¹⁸ См.: Збірник постанов Пленуму Верховного Суду Української РСР. Київ, 1973, с. 131.

¹⁹ Аналогичные данные получены и другими исследователями (см.: Кондусов А. П. Развитие уголовного законодательства РСФСР об ответственности несовершеннолетних.— В кн.: Становление и развитие советского уголовного законодательства. Волгоград, 1973, с. 24).

телесных повреждений, уничтожение имущества, угроза убийством, далеко не равнозначны по степени общественной опасности. Сама по себе нецензурная брань в общественном месте является лишь проявлением низкой культуры, и вряд ли целесообразно и необходимо за такое деяние наказывать гражданина лишением свободы.

В некоторых случаях деяние, не являющееся хулиганством и не подпадающее под признаки ст. 206 УК, может быть совершено по различным мотивам, в том числе и по хулиганским. Однако закон это не всегда учитывает и подобные деяния не получают надлежащей юридической оценки, а виновный — наказания. Таков, например, угон автотранспортных средств.

Статья 212¹ УК в общем виде предусматривает уголовную ответственность за угон автотранспортных или иных самоходных машин и не различает этих деяний по их тяжести в зависимости от мотивов и целей их совершения. Но очевидно, что угон автотранспортного средства с целью выполнения какой-либо общественной полезной задачи или для другой полезной цели (когда нет условий крайней необходимости) значительно менее общественно опасен, чем угон из хулиганских побуждений.

Вызывает сомнение обоснованность квалификации причинения тяжких телесных повреждений из хулиганских побуждений по совокупности ст. 108 и 206 УК, так как в данном случае квалификации и вменению подвергается деяние и его мотив. Такое положение противоречит основаниям уголовной ответственности по советскому уголовному законодательству (ст. 3 Основ). Мотив деяния является его неотъемлемой внутренней составной частью, а потому он не должен вменяться в вину как самостоятельное деяние. В соответствии с общими основаниями уголовной ответственности вмененными в данном случае могут быть только тяжкие телесные повреждения, причиненные из хулиганских побуждений.

Изложенное дает, на наш взгляд, достаточно оснований для замены в УК союзных республик общей статьи об ответственности за все преступления, совершаемые по хулиганским мотивам, специальными нормами об ответственности за посягательства на конкретные общественные отношения, совершаемые из хулиганских побуждений.

Создание дифференцированных составов преступлений, совершаемых из хулиганских побуждений, предусматривающих ответственность за посягательства на конкретные непосредственные объекты (собственность, честь, достоинство, здоровье, общественное спокойствие и др.), позволило бы в значительной мере: а) выработать более определенные формальные признаки таких составов преступления (например, причинение тяжких, средних и легких телесных повреждений, причинение уничтожением или повреждением имущества мелкого, среднего или крупного ущерба и т. п.), б) более определенно выразить общественную опасность таких посягательств и в) дифференцировать наказание за их совершение.

Четкое определение в уголовном законе деяний, совершаемых по хулиганским мотивам, способствовало бы более успешной борьбе с такими преступлениями, значительно облегчило бы их квалификацию, позволило бы иметь более ясное представление о криминологической характеристике этой части преступности и повысить эффективность профилактических мер по их искоренению.

Требуется конкретизация и объект неосторожного убийства (ст. 106 УК). Заметим, что название «неосторожное убийство» не соответствует сути этого деяния. Как невозможно неосторожно утопить, украсть, угнать, так невозможно, очевидно, и неосторожно убить. Поэтому следует согласиться с М. Д. Шаргородским в том, что убийством следует называть только умышленное причинение смерти²⁰, как это сделано в УК Латвийской ССР.

Дело, однако, не только в названии. Более важно определить социальную сущность данного преступления и те конкретные общественные отношения, на которые оно направлено, а далее определить его место в общей системе Особенной части уголовного законодательства.

Анализ казуистики неосторожного лишения жизни показывает, что оно, как правило, является результатом несоблюдения правил предосторожности, нарушения в большей части правил обращения с источниками пови-

²⁰ См.: Шаргородский М. Д. Преступления против жизни и здоровья. М., 1948, с. 38, 194; Курс советского уголовного права. Часть Особенная. Л., 1973, т. 3, с. 477.

щенной опасности (оружием, ядами, электроприборами и т. п.)²¹.

Реже встречается причинение смерти в результате неосторожного обращения с бытовыми орудиями труда (топором, ножом) либо несоблюдения правил предосторожности при выполнении различного рода работ. Вместе с тем нередко неосторожное лишение жизни причиняется и умышленными действиями, например, нанесением побоев, причинением легких или менее тяжелых телесных повреждений, повлекших смерть потерпевшего. Характерно в этом отношении дело Руссова, который в ссоре дважды ударил ладонью по лицу Сидоренко. От полученных ударов Сидоренко упал и тут же скончался. Удары потерпевшему Руссов нанес не с большой силой. На лице С. не было ни кровоподтеков, ни ссадин. Не было обнаружено у потерпевшего и никаких повреждений черепа. Пленум Верховного Суда СССР обоснованно признал, что Руссов виновен в неосторожном лишении жизни²².

Таким образом, неосторожное лишение жизни другого человека может быть результатом: а) несоблюдения правил обращения с источниками повышенной опасности и б) иных посягательств на здоровье или телесную неприкосновенность лица.

Нетрудно увидеть, что эти два вида неосторожного лишения жизни человека имеют различную социальную

²¹ См.: Определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда СССР по делу Ф., который неосторожно обращаясь с пистолетом, смертельно ранил Ч. (Бюллетень Верховного Суда СССР, 1964, № 3, с. 42); Определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РСФСР по делу Г., которая работала медсестрой и по ошибке ввела больной ядовитое вещество, повлекшее смерть потерпевшей (Бюллетень Верховного Суда РСФСР, 1963, № 4, с. 6); Определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда УССР по делу Г. (Радянське право, 1971, № 8, с. 108).

²² См.: Постановление Пленума Верховного Суда СССР от 26 июня 1970 г. по делу Руссова.— Бюллетень Верховного Суда СССР, 1971, № 4, с. 19—20; Определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РСФСР по делу Манукова, который на новогоднем вечере умышленно нанес удар кулаком в лицо Бисерикову, от которого последний упал навзничь, ударился головой о пол и от полученных при падении телесных повреждений скончался.— Бюллетень Верховного Суда РСФСР, 1973, № 4, с. 6.

характеристику и различные объекты. В первом случае сущность деяния заключается в угрозе общественной безопасности и в этом качестве оно ничем не отличается от иных случаев нарушения правил обращения с источниками повышенной опасности, повлекших причинение смерти (ст. 211, 214, 215, 216 УК).

Обе разновидности таких преступлений характеризуются тем, что в том и в другом случае смерть причиняется при нарушении правил использования источников повышенной опасности и потерпевшим является случайное лицо. Эти преступления создают угрозу неопределенному кругу лиц и путем нарушения правил безопасности, значит, их объектом является не личность, не жизнь, а общественная безопасность. Следовательно, те преступления, при совершении которых неосторожно причиняется смерть или телесные повреждения в результате нарушения правил обращения с источниками повышенной опасности, посягают главным образом на общественную безопасность, и потому они должны быть отнесены к соответствующей главе Особенной части уголовного законодательства союзных республик.

Если же смерть причиняется в результате посягательства на конкретную личность (нанесение тяжелых, менее тяжелых или легких телесных повреждений, а также побоев или ударов, повлекших смерть потерпевшего), то это преступление посягает на жизнь конкретного лица, объектом его выступает жизнь, а не общественная безопасность. В таком случае деяние никому иному не угрожает, потому общественная безопасность не является объектом данного посягательства. Эти преступления посягают на жизнь или здоровье и, следовательно, должны быть отнесены к главе о преступлениях против личности.

Возражения против этого, высказанные М. К. Анианцем и другими авторами, необоснованны²³. Ссылка при этом на то, что данное преступление опасное, поскольку неосторожное причинение смерти лишает человека самого ценного блага, бьет мимо цели. Действительно, в специальной литературе отмечается, что

²³ См.: Анианц М. К., с. 15.

общественная опасность неосторожных преступлений приближается к общественной опасности соответствующих умышленных преступлений²⁴. И действующее уголовное законодательство предусматривает значительно более строгое наказание за лишение жизни при нарушении правил обращения с источниками повышенной опасности, чем за «неосторожное убийство». Достаточно сравнить максимальные размеры санкций ст. 106 УК — 3 года лишения свободы и части 2 ст. 211 УК — 10 лет лишения свободы. Как раз отнесение неосторожного лишения жизни во всех случаях к преступлениям против личности ослабляет борьбу с этими тяжкими преступлениями. Поэтому для обеспечения общественной безопасности требуется выделить в самостоятельный состав преступления нарушение правил обращения с источниками повышенной опасности, причинившее смерть потерпевшего. Причинение смерти нескольким лицам может быть квалифицирующим признаком такого преступления. Отдельно требуется установить повышенную уголовную ответственность (в сравнении с санкцией ст. 114 УК) за нарушение правил обращения с источниками повышенной опасности, причинившее тяжкие или менее тяжкие телесные повреждения.

К этой же группе должны быть отнесены и преступления, предусмотренные ст. 99 и 150 УК, так как по тем же основаниям их основным объектом выступают не отношения собственности, а общественная безопасность.

Такой же прием может быть использован и для выявления видового и непосредственного объектов при совершении посягательств на права участников общественных отношений и на иные социальные блага. Поскольку в субъективных правах (право на труд, авторские права, избирательные права и т. п.) закреплены социальные возможности конкретных лиц, то реализация этих возможностей и является непосредственным объектом посягательства при совершении преступлений, предусмотренных ст. 132—136, 138—141 УК.

²⁴ См.: Дагель П. С. Неосторожность. Уголовно-правовые и криминологические проблемы. М., 1977, с. 21—29; Кузнецов А. Н. Ф. Мотивация преступлений и тенденции ее изменения. — В кн.: Вопросы советской криминологии. М., 1975, ч. 2, с. 16—18.

Конкретизация непосредственного объекта преступления в этих случаях должна заключаться только в указании на конкретное нарушение и потерпевшего.

4. Классификация и система объектов уголовно-правовой охраны

Научно обоснованная классификация объектов уголовно-правовой охраны способствует не только изучению объекта преступления, но и позволяет более полно выразить его роль и значение. Классификация позволяет легко определить место конкретного объекта в общей системе общественных отношений, следовательно, уяснить его важность, ценность и общественную опасность посягательства на него. В значительной мере классификация объектов преступления облегчает и квалификацию преступлений.

В советском уголовном праве принята трехчленная классификация объектов преступления (общий, родовый, непосредственный). Предложенная В. Д. Меньшигиным в 1938 г.¹ трехчленная классификация объектов преступления до недавнего времени была общепризнанной. Она приводится во всех учебниках по уголовному праву, изданных после 1948 г. Хотя во многих случаях родовый и непосредственный объекты определяются различным образом, а иногда называются только два вида объектов — общий и родовый, полагая, что непосредственный объект в отдельных случаях сливается с родовым, эта классификация возражений не вызывала и признавалась правильной.

Впервые трехчленная классификация объектов была подвергнута критике Б. С. Никифоровым. Обоснованно указав на путаницу, допускаемую некоторыми авторами при определении родового и непосредственного объектов, Б. С. Никифоров пришел к выводу, что трехчленная классификация объектов не является классификацией в научном смысле слова, не является универсальной и по существу эта «система фактически представлена главным образом исключениями из правила»², так как применительно ко многим составам преступлений ука-

¹ См.: Советское уголовное право. М., 1938.

² Никифоров Б. С. Объект преступления по советскому уголовному праву, с. 108—112.

зывается только два объекта — общий и родовой или специальный либо общий и непосредственный. Е. А. Фролов также полагает, что трехчленная классификация не может быть признана универсальной, ибо в одних случаях можно выделить только два объекта посягательства, а в других — четыре³.

Критика существующей классификации объектов вполне обоснованна, так как во многих случаях не все виды объектов были достаточно точно определены и наполнены конкретным содержанием. Такое положение на практике приводило к тому, что определение непосредственного объекта и установление его в конкретном деянии вызывало значительные затруднения и путаницу. Подобные затруднения возникали, например, при определении непосредственного объекта ряда особо опасных государственных преступлений, преступлений против порядка управления, хозяйственных преступлений и некоторых других.

Однако из этого факта вовсе не вытекает несостоятельность данной классификации объектов. В основе этой классификации лежит отношение философских категорий общего — особенного — отдельного. Оно отражает объективно существующие связи между реальными отношениями.

Вся совокупность существующих в обществе отношений может быть представлена в виде определенной системы (общее). Различные сферы общественной жизни выступают в этой системе ее сторонами, уровнями, образуя ее структуру. Каждая самостоятельная такая сфера представляет собой определенный социальный институт (особенное), самостоятельные виды общественных отношений представляют отдельное.

Если совокупность общественных отношений рассматривать как систему определенных взаимосвязей, то нетрудно увидеть, что вред этой системе может быть причинен на различных ее уровнях. Социальный вред может быть причинен на уровне всей системы (общественное спокойствие, общественная безопасность, социалистический правопорядок) либо на уровне ее отдельных установлений (оборонеспособность, государствен-

³ См.: Фролов Е. А. Спорные вопросы общего учения об объекте преступления, с. 199.

ное и общественное управление), либо на уровне отдельного общественного отношения (жизнь, здоровье, половая свобода, неприкосновенность жилища, тайна переписки и т. п.). Общее, особенное и отдельное — объективные связи самих общественных отношений. Очевидно, что эти связи и должна отражать классификация. При этом следует иметь в виду, что в каждом случае совершения преступления в этой системе можно выделить конкретные общественные отношения, изменяемые преступлением, так как разнообразные общественные отношения, являющиеся объектом правового регулирования и охраны, в реальной действительности выступают во взаимосвязи общего, особенного и отдельного. Экономические, политические, национальные, хозяйственные, имущественные, трудовые, земельные, брачно-семейные и иные социальные отношения имеют бытие через единичные, конкретные отношения между реальными лицами — носителями этих отношений⁴. Эти-то конкретные отношения и являются непосредственным объектом преступления. Трудно согласиться с тем, что совокупность явлений не имеет деления на отдельные (единичные) явления, что среди общественных отношений невозможно выделить отдельные общественные отношения. Выделенное из всей совокупности отдельное общественное отношение и должно быть признано объектом конкретного вида посягательств.

Нетрудно заметить, что в реальной действительности общественные отношения определенным образом группируются по различным сферам общественной жизни (например, отношения собственности). Такая группировка образует родовой объект посягательства, который соответствует философской категории особенного. И наконец, вся совокупность социалистических общественных отношений, поставленных под охрану уголовного закона, образует общий объект посягательства. При этом общий объект — это не вся система общественных отношений, это даже не вся система отношений, регулируемых правом (правопорядок). Общий объект — это только совокупность тех общественных отношений, которые поставлены под охрану уголовного закона, т. е. это система

⁴ См.: Аюева Е. А. Взаимодействие единичного, общего и особенного в правовых явлениях. — Сов. государство и право. 1969, № 3, с. 12.

объектов уголовно-правовой охраны. В эту систему входят общественные отношения различных уровней. Общий объект преступления охватывает отношения между государствами (мирное сосуществование), общие отношения данного общественного и государственного строя (советский государственный и общественный строй, социалистическая система хозяйства) и отдельные общественные отношения (честь, достоинство, жизнь, личная безопасность и т. п.). Каждый из этих уровней определяется степенью общности интересов, выражающихся в соответствующих общественных отношениях.

Понятие общего объекта преступления отражает то важное обстоятельство, что преступление направлено только на изменение общественных отношений. Общественная опасность преступного деяния только в том и состоит, что оно изменяет установленные в социалистическом обществе отношения между людьми. Именно в таком виде понимается общий объект преступления в ст. 1 и 7 Основ уголовного законодательства СССР и союзных республик.

Таким образом, вся совокупность социалистических общественных отношений, охраняемых уголовным законом, их отдельные группы и конкретные, отдельные общественные отношения и их единичное проявление в полной мер соответствуют взаимоотношению философских категорий общего, особенного и отдельного. Каждое конкретное отношение между физическими и юридическими лицами по сравнению со всей системой существующих социальных отношений — это отдельное, в котором содержатся моменты общего (признаки, свойства, черты и стороны, присущие многим аналогичным отношениям, обусловленные, в частности, единой экономической основой) и одновременно моменты особенного и неповторимого.

Высказанные здесь соображения не позволяют признать обоснованным рассмотрение взаимоотношения общего или родового и непосредственного объекта с позиции взаимосвязи философских категорий сущности и явления⁵. Поскольку марксистская диалектика исходит из того, что сущность и явление находятся в такой взаимосвязи, при которой сущность является, а явление существенно, и в явлении всегда обнаруживается его сущ-

⁵ См.: Пионтковский А. А., с. 142.

ность, то становится очевидной несостоятельность этой концепции. В самом деле, если непосредственным объектом выступает материальный объект (вещь, предмет), на который воздействует преступник, и то общественное отношение, которое за ним стоит и которое еще нужно вскрыть, то здесь сущность оказывается оторванной от явления и она находится где-то вне его, чего в действительности быть не может⁶.

Предмет преступления является только стороной, определенной совокупностью свойств объекта посягательства — общественного отношения — и в некоторых случаях может выступать лишь в виде формы, в которой проявляется объект преступления. Но предмет никогда и ни при каких условиях не может быть сущностью объекта посягательства. Сущностью объекта, его содержанием всегда выступает конкретное социальное отношение между отдельными лицами.

Существующая классификация объектов преступления вполне обоснованна и отказываться от нее нет оснований. Кстати, и те авторы, которые признают такую классификацию несовершенной, не отвергают ее. Деление объектов на общий, родовый и непосредственный в литературе остается общепринятым.

Встречающиеся предложения об отказе от того или иного вида трехчленной классификации объектов нельзя признать состоятельными. Например, М. И. Федоров, возражая против традиционной триады объектов (общий, родовый, непосредственный), считает, что общего объекта преступления не существует, что общий объект преступления — это только понятие, а не реальная действительность, не реальные явления общественной жизни. Поэтому, по мнению М. И. Федорова, так называемый общий объект ни для науки, ни для практики ничего не дает и от него следует отказаться⁷.

Нельзя согласиться с тем, что совокупность общественных отношений, охраняемых уголовным законом, — это не реальная действительность, а только понятие. Кроме того, следует помнить, что общее существует лишь

⁶ Критику этих взглядов А. А. Пионтковского см.: Брайн и Я. М. Уголовная ответственность и ее основания в советском уголовном праве, с. 167—168; Фролов Е. А. Спорные вопросы объекта учения об объекте преступления, с. 204—205.

⁷ См.: Федоров М. И., с. 190—191.

в отдельном, через отдельное. Всякое отдельное есть так или иначе общее⁸. Как общее невозможно без отдельно-го, так и отдельное немислимо без общего.

Общий объект преступления объединяет систему отдельных общественных отношений, охраняемых уголовным законом. Следовательно, выделение общего объекта имеет познавательное и практическое значение. Он показывает общественную опасность и направленность преступного посягательства на социалистические общественные отношения. Отказ от общего объекта преступления приведет к затушевыванию и недооценке общественной опасности преступления и может нанести вред науке уголовного права и практике применения уголовного законодательства. Д. Н. Розенберг справедливо полагает, что нельзя искать специальный объект, свойственный отдельной группе преступлений, не опираясь при этом на правильное понимание общего объекта⁹. В этом заключается теоретическое и практическое значение выделения общего объекта преступления.

Соответствующая классификация объектов преступления принята и в уголовном праве других социалистических государств. Например, Ф. Полячек различает общий (генеральный, по терминологии автора), объект преступления, особенный и отдельный (индивидуальный) и считает, что это различие исходит из соотношения отдельного, особенного и общего¹⁰.

Встречающиеся в литературе разногласия в определении непосредственного объекта преступления не могут быть основанием для того, чтобы отвергнуть правильную по существу классификацию объектов. Эта классификация научно обоснована. Она соответствует законам логики и взаимосвязи философских категорий общего — особенного — единичного.

Правильная в своей основе существующая классификация объектов преступления нуждается лишь в дополнении и уточнении. Требуется, в частности, уточнить наименование и определение непосредственного объекта. Объект посягательства, который в данной классифика-

ции именуется непосредственным, в действительности является не непосредственным, а видовым. Непосредственным объектом преступления следует считать объект конкретного посягательства (жизнь Данилова П. П., здоровье Захарова И. С., собственность колхоза им. Чапаева и т. д.). Как посягательство на жизнь (собственность и т. п.) является не конкретным, а видовым посягательством, так и объект этого вида посягательства вообще (жизнь, собственность и т. д.) является видовым, а не непосредственным. Если мы говорим, что объектом убийства является жизнь человека, то мы ведь не имеем в виду конкретное убийство и жизнь отдельного конкретного человека. Здесь употребляется видовое понятие убийства и видовое понятие жизни. В таком употреблении жизнь означает не отдельное общественное отношение по обеспечению жизни, а все аналогичные общественные отношения как отдельный их вид. Но нетрудно увидеть, что ни одно убийство не направлено непосредственно на лишение жизни как вида общественных отношений, т. е. на лишение жизни всего общества. Убийство непосредственно направляется на лишение жизни одного человека (в редких случаях нескольких лиц), жизнь которого и выступает непосредственным объектом посягательства. На тот объект, который в существующей классификации именуется непосредственным, преступление непосредственно не посягает. Этот объект является видовым. На этот вид объекта посягают вообще все преступления одного, данного вида.

Видовым объектом является, таким образом, тот объект, на который посягает преступление отдельного вида (убийство, хищение, оскорбление, дезертирство, взяточничество и т. п.). Непосредственный объект — это уже нарушенное общественное отношение, т. е. объект, который изменен отдельным конкретным преступлением или который поставлен в условия реальной опасности. В отличие от общего, родового и видового объектов, которым вред непосредственно преступлением не причиняется, ущерб от преступления всегда терпит непосредственный объект. На уровне видового, родового и общего объектов социальный вред причиняется только через посредство повреждения или угрозы повреждения непосредственного объекта. Видовой, родовый и общий объекты страдают только в той части, в которой вред

⁸ См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 29, с. 318.

⁹ См.: Розенберг Д. Н. О понятии имущественных преступлений в советском уголовном праве (объект и предмет посягательства). — Учен. зап. Харьков, 1948, вып. 3, с. 62.

¹⁰ См.: Полячек Ф., с. 75.

причиняется непосредственному объекту. При этом в конкретном своем проявлении отдельные общественные отношения как непосредственный объект повреждаются преступлением или даже аннулируются вовсе. Видовой объект можно повредить лишь в единичных его проявлениях, но он не может быть аннулирован, так как невозможно вообще уничтожить преступным путем отношения данного вида, например, отношения собственности, жизнь, здоровье людей и другие общественные отношения как таковые.

Следовательно, классификация объектов преступления «по вертикали» имеет четыре ступени: 1) общий (совокупность социалистических общественных отношений, охраняемых уголовным законом); 2) родовой (отдельная группа однородных общественных отношений, составляющих определенную область общественной жизни — собственность, личность и т. п.); 3) видовой (общественные отношения одного вида — жизнь, личная собственность) и 4) непосредственный (конкретное проявление общественных отношений данного вида — жизнь Иванова И. И., личная собственность Егорова Е. Е. и т. п.).

В предлагаемой нами классификации общий объект преступления соответствует философской категории общего, родовой объект — особенного, видовой объект — отдельного. Непосредственный объект представляет собой лишь частный случай проявления, бытия отдельного вида общественных отношений, конкретную форму их существования.

Не менее важно определить сущность и значение каждой группы объектов преступления.

Встречающиеся недоразумения в определении непосредственного и родового объектов вызваны, очевидно, недостатками в определении общего, родового, видового и непосредственного объектов и невыдержанностью построения системы. Особенной части уголовного законодательства по признаку родового объекта уголовно-правовой охраны.

Недостатки в определении объекта преступления в наибольшей степени относятся к определению видового и непосредственного объектов. Как было показано выше, непосредственным объектом преступления во многих случаях признаются не общественные отношения, а ве-

щи, предметы, имущество. Это в значительной мере затрудняет установление объекта посягательства в конкретном деянии. Очевидно, что подобные вещи и явления выпадают из принятой классификации объектов, в которой классификация подвергаются общественные отношения.¹¹

Отказ некоторых авторов от общепринятого взгляда на непосредственный объект преступления как общественные отношения вызывается попыткой разрешить логическое противоречие в классификации объектов преступления. Такое противоречие заключается в том, что некоторые преступления якобы не имеют непосредственного объекта, а только общий и родовой. Таковыми считают, например, измену родине (ст. 64 УК), шпионаж (ст. 65 УК), кражу, грабеж и мошенничество, совершенные в отношении личного имущества граждан (ст. 144, 145 и 147 УК), и некоторые другие. При совершении этих преступлений родовой и непосредственный объекты якобы совпадают.

Представляется, что разрешение данного противоречия следует искать не в отказе от признания объектом преступления общественных отношений, а в приведении структуры уголовного закона в соответствие с научно обоснованной классификацией объектов, в построении его разделов и глав по признаку родовых объектов преступлений, помещенных в эту главу, этот раздел. Система уголовного законодательства должна строиться на базе научной классификации объектов, таким образом, чтобы определенные преступления были отнесены к отдельным его главам, разделам строго по родовому объекту посягательства.

Анализ действующего уголовного законодательства союзных республик показывает, что структура уголовных кодексов союзных республик в этом отношении строго не выдержана. Например, иные государственные преступления во всех УК союзных республик помещены в

¹¹ М. А. Гельфер, исходя из общего методологического требования материалистической диалектики, обоснованно считает, что «если общим объектом преступления являются общественные отношения, то и непосредственным объектом должны выступать общественные отношения» (Коллектив авторов. Советское уголовное право. Часть Общая, М., 1972, с. 112).

одной главе, хотя они не имеют единого родового объекта. Преступления против собственности (родовой объект) помещены в различных главах (например, в гл. 2 и 5 в УК РСФСР).

Соблюдение логически обоснованной системы построения уголовного закона требует, чтобы преступления против собственности как родового объекта были помещены в одну главу, как это сделано, например, в УК ПНР 1969 г. Тогда нетрудно было бы установить, что видовым объектом этих посягательств являются конкретные отношения каждого вида собственности (государственной, общественной, личной). В этой связи нельзя признать обоснованным утверждение о том, что отношения личной собственности являются одновременно и родовым и непосредственным объектом преступлений против личной собственности граждан¹². При таком понимании непосредственного объекта этих преступлений нарушается логическое соотношение рода и вида, так как личная собственность есть видовое понятие от родового понятия собственности. Правильно было бы считать родовым объектом отношения собственности (как родовое понятие), видовым — отношения личной собственности (как видовое понятие), а непосредственным — личную собственность конкретного лица.

При построении системы Особенной части уголовного законодательства по признакам родового объекта статьи УК об ответственности за фальшивомонетничество и нарушение правил о валютных операциях необходимо поместить в главу о преступлениях против социального хозяйства, а статьи о нарушении правил движения и эксплуатации транспорта (ст. 85 УК) — в главу о преступлениях против общественной безопасности и т. д.

В литературе уже отмечалось, что нет оснований нарушения правил безопасности движения на транспорте относить к посягательствам на основы общественной безопасности или хозяйственной мощи СССР¹³, равно как и относить к государственным неосторожные преступления, например, нарушения правил международных

¹² См.: Советское уголовное право. Общая часть. М., 1969, с. 110.
¹³ См.: Куринов Б. А. Квалификация транспортных преступлений. М., 1965, с. 21; он же. Автотранспортные преступления. М., 1976, с. 10—14.

полетов, разглашение государственной тайны, утрату документов и т. п. преступления¹⁴.

По мнению В. Ф. Кириченко, в интересах сохранения за специальным объектом качества единственного критерия для разделения Особенной части Уголовного кодекса на главы было бы целесообразным объединить должностные преступления и преступления против порядка управления в одну главу, которая могла бы быть озаглавлена: «Преступления против государственного управления»¹⁵. Поддерживая это предложение, отметим, что эту главу лучше было бы назвать «Преступление против государственного и общественного управления», так как уголовный закон имеет в виду и должностных лиц общественных предприятий и организаций и охраняет управление этими организациями и предприятиями. С учетом более широкого участия общественных организаций в управлении государственными и общественными делами, обеспечиваемого им новой Конституцией СССР (ст. 7), это положение представляется несомненным.

Таким образом, система Особенной части уголовного законодательства не обладает необходимой логической стройностью. На невыдержанность единого основания построения системы Особенной части уголовного законодательства обратил внимание А. Н. Трайнин еще в 1927 г.¹⁶

С системой Особенной части уголовного законодательства произошла, очевидно, та же история, что и с системой отраслей советского права. «Создалось положение, — резонно замечает Л. С. Явич, — при котором сперва были намечены отрасли советского права, а затем начали думать (и думают вот уже почти двадцать лет), что же лежит в основе той классификации, которую сами наметили?»¹⁷

Выход из создавшегося положения следует искать не в том, чтобы классификацию объектов преступления

¹⁴ См.: Кузнецова Н. Ф. Преступление и преступность, с. 137.

¹⁵ См.: Кириченко В. Ф. Виды должностных преступлений по советскому уголовному праву. М., 1959, с. 17.

¹⁶ См.: Трайнин А. Н. Уголовное право. Часть Особенная. М., 1927, с. 31—32.

¹⁷ Явич Л. С. Советское право — регулятор общественных отношений в СССР. Сталинабад, 1957, с. 57.

привести в соответствие с системой Особенной части уголовного законодательства. Наоборот, систему Особенной части уголовного законодательства необходимо привести в соответствие с классификацией объектов, построив ее главы строго по признаку родового объекта.

Представляется, что построенная по признаку родового объекта посягательства система Особенной части уголовного законодательства должна быть разбита на главы, к которым могут быть отнесены преступления, предусмотренные статьями действующего УК:

Глава 1. Посягательства на советский государственный и общественный строй — ст. 64—70, 72, 83 и 84.

Глава 2. Преступления против личности — ст. 74, 102—105, 107—113, 115—118, ч. 2 ст. 121, 125—143, 207.

Глава 3. Преступления против общественной безопасности — ст. 77, 79, 85, 106, 114, 211—222, 224—225.

Глава 4. Преступления против обороноспособности страны — ст. 75, 76, 80—82, 198¹, 237—265.

Глава 5. Преступления против государственного и общественного управления — ст. 77¹, 88¹, 88², 170—205¹, 209, 228, 230.

Глава 6. Преступления против семьи и молодежи — ст. 120, 122—124¹, 210, 210¹, 231—235.

Глава 7. Преступления против собственности — ст. 89—101, 144—145.

Глава 8. Преступления против социалистической системы хозяйства — ст. 78, 87, 88, 152—160, 162, 167, 168—169.

Глава 9. Преступления против природы — ст. 161, 163—166, 167¹—169, 223, 223¹.

Глава 10. Преступления против мира и человечества — ст. 71, 266—269.

Предлагаемая система Особенной части УК не претендует на бесспорность и окончательность. Она может быть принята лишь в качестве рабочего варианта и нуждается в детальном исследовании всех составов преступлений с целью обоснования отнесения каждого из них к определенной главе. При этом может оказаться, что некоторые главы целесообразно объединить. Например, главу о преступлениях против обороноспособности страны и главу о воинских преступлениях, как это сделано в УК НРБ 1968 г. Может возникнуть необходимость изменения конструкции некоторых составов преступлений,

в частности, предусмотренных ст. 208 и 226 УК. Такое изменение вызывается тем, что эти составы охватывают посягательства на два разнородных объекта альтернативно и потому отнесение их к любой из глав по родовому объекту не будет обоснованным. Например, содержание притонов для потребления наркотиков посягает на общественную безопасность и здоровье населения, тогда как содержание игорных притонов, предусмотренное диспозицией статьи 226 УК, посягает на иной объект и не причиняет вреда общественной безопасности и здоровью населения.

При построении системы Особенной части уголовного законодательства необходимо учитывать также потребности криминологической и пенитенциарной практики. С этой целью некоторые преступления можно объединить в отдельные группы не только по признакам объекта, но и по характеру антисоциальных побуждений их совершения и общим криминологическим свойствам личности субъекта¹⁸.

Приведение системы Особенной части уголовного законодательства в соответствие с системой классификации объектов преступления должно заключаться не только в том, чтобы в каждой главе были помещены преступления, посягающие на один и тот же родовый объект, но и в том, чтобы непосредственный объект каждого из преступлений, отнесенных к этой главе, лежал в плоскости этого родового (и видового) объекта.

Кроме изложенной выше, в науке уголовного права применяется и другой вид классификации объектов преступления (классификация «по горизонтали»). Суть этого вида заключается в различии основного, дополнительного и факультативного объектов¹⁹. Необходимость в такого рода классификации вызывается тем, что всякое преступление причиняет вред не только в сфере одного отдельного объекта, но одновременно в сфере нескольких смежных общественных отношений. Эта особенность преступного деяния вызвала необходимость

¹⁸ См.: Кудрявцев В., Стручков Н. Борьба с умышленными нарушениями должностных, профессиональных и гражданских обязанностей. — Сов. юстиция, 1972, № 1, с. 9—10.

¹⁹ А. С. Михлин различает непосредственные объекты двух видов — главный (основной) и второстепенный (дополнительный) (см.: Михлин А. С. Преступные последствия. М., 1969, с. 14).

различать основные и второстепенные (дополнительные) объекты посягательства.

Деление объектов на основные и дополнительные Д. Н. Розенберг предложил еще в 1947 г. Правда, следует отметить, что Д. Н. Розенберг ошибочно считал посягательства на отношения собственности посягательствами на единственный непосредственный объект. Исключение Д. Н. Розенберг делал только для разбоя²⁰. Однако нетрудно обнаружить, что на два и более объектов посягает не только разбой, но и насильственный грабеж, вымогательство (собственность, личность), уничтожение или повреждение имущества (собственность, общественный порядок, общественная безопасность) и другие преступления.

Таким образом, поскольку преступление причиняет вред или создает угрозу причинения вреда в сфере не одного, а нескольких объектов, то при квалификации деяния необходимо выделить то общественное отношение, которое в данном случае является главным, основным. Другие непосредственные объекты, в сфере которых данное преступление причиняет вред, будут дополнительными или факультативными.

В определении основного непосредственного объекта преступления имеются существенные различия. По мнению Е. А. Фролова, основным непосредственным объектом посягательства является такое общественное отношение, тот интерес, который законодатель, создавая норму, стремился поставить под охрану уголовного закона в данном случае²¹.

Представляется, что такое определение основного непосредственного объекта неточно, так как оно не содержит в себе его основного признака. Главным в этом определении является указание на стремление законодателя поставить данное благо под охрану уголовного закона. Это положение, по меньшей мере, спорно, так как и дополнительный объект заслуживает (ввиду своей важности) уголовно-правовой охраны. Например, здо-

ровье человека в равной мере охраняется уголовным законом и требует такой охраны наряду с отношениями собственности (при грабеже и разбое), с половой свободой (при изнасиловании) и т. д. Очевидно, сущность основного непосредственного объекта заключается не в этом. Наиболее важно в определении основного непосредственного объекта указать на то, что в посягательстве на основной объект заключается социальная сущность данного преступления. Так, хотя хулиганство во многих случаях причиняет вред здоровью и отношениям собственности, однако сущность этого преступления заключается в нарушении общественного спокойствия. То же можно сказать и о разбое, сущность которого заключается в посягательстве на собственность, и о других подобных преступлениях.

Поэтому мы полагаем, что основным непосредственным объектом преступления является то общественное отношение, повреждение которого составляет социальную сущность данного преступления и в целях охраны которого издана уголовно-правовая норма, предусматривающая ответственность за его совершение.

Следовало бы также выделить в определении, что основным объектом является наиболее ценное с точки зрения общественных интересов социальное благо из всех повреждаемых данным преступлением. Однако для действующего уголовного законодательства это не характерно. Основным объект должен быть определяющим для квалификации деяния и для выбора места конкретной уголовно-правовой нормы в системе законодательства. При таком подходе к построению системы уголовного законодательства нормы об ответственности за разбой и вымогательство следовало бы отнести к главе о преступлениях против личности, как это сделано, например, в УК ГДР 1968 г. (§ 126 и 127), а нормы об ответственности за уничтожение имущества, совершенное опасным способом, — в главу о преступлениях против общественной безопасности и т. д.

Дополнительным непосредственным объектом преступления является то общественное отношение, посягательство на которое не составляет сущности данного преступления, но которое этим преступлением нарушается или ставится в опасность нарушения наряду с ос-

²⁰ См.: Розенберг Д. Н., с. 74.

²¹ Фролов Е. А. Понятие непосредственного (основного), дополнительных и факультативных объектов уголовно-правовой охраны и их значение для классификации посягательств на социалистическую собственность. — В кн.: Материалы конференции. Свердловск, 1968, с. 94—97.

новным объектом. Таковы, например, здоровье при разбое, жизнь или здоровье при террористическом акте, отношения собственности при диверсии и т. п. Характерная особенность дополнительного объекта состоит в том, что он во многих случаях является самостоятельным и всегда требует уголовно-правовой охраны.

Факультативным непосредственным объектом преступления признается то общественное отношение, которое данное преступление в одних случаях изменяет, а в других нет. Например, при совершении хулиганства в одних случаях причиняется вред и здоровью личности, и отношениям собственности, а в других хулиганство не причиняет такого вреда. То же можно сказать о жизни и здоровье при умышленном уничтожении или повреждении имущества и других преступлениях.

Классификация непосредственных объектов преступления имеет немаловажное не только познавательное, но и практическое значение для квалификации деяния. Значение это заключается в том, что квалификация деяния производится только по основному непосредственному объекту. Поэтому важно из всех объектов, которые этим преступлением нарушаются, выделить основной.

Выделение основного и дополнительных непосредственных объектов в совершенном деянии — это одна из важных практических задач квалификации преступлений. Если не проводить такого различия между несколькими непосредственными объектами, то в некоторых случаях невозможно добиться правильной квалификации деяния. Именно этим в известной мере объясняются ошибки, встречающиеся на практике при разграничении и квалификации, например, хулиганства и преступлений против личности.

В связи с этим следует признать необоснованным отказ некоторых авторов от выделения из числа непосредственных объектов основных и дополнительных²². Нельзя согласиться с мнением, — пишет Н. Ф. Кузнецова, — что в хулиганстве два объекта — правила социалистического

общегития и здоровье личности. Тем не менее Н. Ф. Кузнецова вынуждена признать, что хулиганство, наряду с общественным порядком, причиняет вред личности и отношениям собственности. А раз так, то это обстоятельство и вынуждает выделить основное благо, на которое посягает преступление и которое обосновывает квалификацию деяния. Без этого невозможно объяснить почему, например, хулиганство, соединенное с причинением легких телесных повреждений либо с повреждением или уничтожением имущества на незначительную сумму, не требует дополнительной квалификации по статьям о преступлениях против личности и собственности.

Те криминалисты, которые не проводят различия между основным и дополнительными непосредственными объектами посягательства, испытывают затруднения с определением непосредственного объекта отдельных преступлений. Так, в «Курсе советского уголовного права» указывается, что непосредственным объектом посягательства при диверсии является также личность человека и его здоровье, наряду с экономической основой советского государства²³. Но так как авторы не различают основного объекта диверсии (экономическая основа) и факультативного (жизнь, здоровье, собственность), то неясно, почему это деяние не квалифицируется как посягательство на личность прямо или по совокупности.

Выделение факультативного объекта необходимо потому, что он не является обязательным признаком конкретного состава преступления и не всегда указан в его квалифицирующих обстоятельствах. Однако очевидно, что причинение вреда наряду с основным объектом еще и факультативному объекту значительно повышает общественную опасность деяния. Это обстоятельство должно учитываться судом при назначении вида и размера наказания.

Поскольку факультативный объект посягательства не является обязательным признаком состава преступления и не всегда влияет на квалификацию деяния, хотя в значительной мере повышает общественную опасность посягательства, факультативный объект следовало бы

²² См.: Кузнецова Н. Ф. Значение преступных последствий. М., 1958, с. 123; Курс советского уголовного права. Часть Общая. Л., 1968, т. 1, с. 299—300; Солодкин И. И., Филановский И. Г. Основные вопросы борьбы с хулиганством. — Сов. государство и право, 1956, № 3, с. 106.

²³ См.: Курс советского уголовного права. Часть Особенная. М., 1970, т. 4, с. 131.

всегда выделять в качестве одного из квалифицирующих признаков состава преступления.

Ю. А. Демидов предлагает еще и третий вид классификации объектов посягательства как социальных ценностей — деление ценностей на общие (жизнь) и частные, на социальные и материальные, на абсолютные (социалистический правопорядок) и относительные²⁴.

Представляется, что предложенная Ю. А. Демидовым классификация не является достаточно обоснованной хотя бы потому, что объектом преступления может быть признано только такое благо, такая ценность, которые носят социальный характер. Деление объектов преступления на социальные и несоциальные (материальные), как это делает Ю. А. Демидов, по нашему мнению, не обоснованно.

Рассмотренные нами два вида классификации объектов преступления не исчерпывают всех возможных видов их классификации. Дальнейшее изучение этой важной проблемы может обнаружить необходимость и основание для различных иных видов классификации объектов. Заслуживает внимания, например, выделение подгрупповых объектов²⁵. Может быть предложена классификация объектов по степени их важности, социальной ценности и т. п.

Целесообразно, например, на наш взгляд, по объекту посягательства и особенностям субъективной стороны все преступления делить на: а) посягательства и б) нарушения. Посягательствами именовать все умышленные деяния, а нарушениями — неосторожные.

Нарушения в свою очередь распадаются на два вида: а) нарушения правил и б) невыполнение обязанностей. Такая общая классификация преступлений наиболее точно определяет их социальную сущность, направленность, особенности их совершения и общественную опасность, а также позволяет избежать известной путаницы при употреблении таких понятий, как преступление и посягательство.

Важно также построить иерархию объектов уголов-

²⁴ См.: Демидов Ю. А., с. 91.

²⁵ См.: Фролов Е. А. Понятие непосредственного (основного), дополнительных и факультативных объектов уголовно-правовой охраны и их значение для классификации посягательств на социалистическую собственность, с. 209.

но-правовой охраны, вершину которой должна составлять жизнь человека, во-первых, потому, что это наиболее ценное социальное благо, и, во-вторых, потому, что в условиях социалистического общества в конечном счете все существует для человека, для обеспечения условий его жизни, развития и совершенствования.

Различные виды объектов в нормотворческой и правоприменительной деятельности имеют различное практическое значение. Для нормотворчества имеют значение только обций, родовой и видовой объекты: обций — для определения общего понятия преступления, родовой — для примерного перечня основных объектов посягательства и построения системы Особенной части уголовного законодательства, видовой — для конструирования статей и отдельных норм.

Непосредственный объект преступления в нормотворческой деятельности не применяется и там он практического значения не имеет. В правоприменительной деятельности, напротив, основное значение приобретает непосредственный объект, так как работникам органов правосудия приходится иметь дело с конкретным нарушением социальных возможностей или состояний конкретных субъектов. Практика борьбы с преступностью — это, главным образом, деятельность по поводу конкретных хищений, убийств конкретных лиц и т. д., а не хищений, убийств вообще. Поэтому на практике большей частью речь идет о непосредственном объекте (кража в колхозе им. Урицкого, причинение вреда здоровью гр-на Сотова и т. п.), т. е. о том конкретном общественном отношении, которое уже нарушено (изменено) преступлением.

По этим признакам можно различать объект уголовно-правовой охраны и непосредственный объект преступления. Объект уголовно-правовой охраны — это то общественное отношение, которое поставлено под охрану уголовного закона, но которое преступному изменению еще не подвергалось; непосредственный объект преступления — это то общественное отношение, которое уже подверглось преступному изменению в конкретном случае посягательства на объект уголовно-правовой охраны. Во всяком ином смысле выражения «объект уголовно-правовой охраны» и «объект преступления» могут употребляться как синонимы.

ПРЕДМЕТ ПРЕСТУПЛЕНИЯ

1. Понятие предмета преступления

Проблема предмета преступления в советской науке уголовного права является одной из наиболее спорных и мало изученных. Специального исследования предмета преступления не проводилось. Некоторые положения о предмете преступления рассматривались главным образом в связи с отграничением его от объекта преступления.

Между тем значение предмета преступления как самостоятельного признака состава преступления и его роль в механизме причинения вреда в сфере определенных общественных отношений, в выявлении объекта посягательства и квалификации деяния имеет немаловажное самостоятельное теоретическое и практическое значение.

Прежде всего изучение предмета способствует более глубокому и правильному выяснению сущности объекта преступления, его конкретизации. Многие уголовно-правовые нормы сконструированы таким образом, что объект уголовно-правовой охраны в них не назван. В подобных случаях его выяснению способствует указание на предмет преступления. Например, не упоминают об объекте посягательства статьи уголовного закона о диверсии, фальшивомонетничестве, причинении телесных повреждений и некоторые другие. Объект посягательства в этих составах можно выявить из описания предмета.

Без установления предмета во многих случаях затрудняется конкретизация объекта преступления. Пока не известно, на кого или на что, на какой материальный объект было оказано преступное воздействие при совершении многих общественно опасных деяний, до тех пор невозможно определить и объект этих посягательств. Часто объекты одного вида не имеют различий. Например, жизнь, собственность, честь, достоинство, здоровье.

Предмет преступления, напротив, обладает совокупностью признаков, особенностей, многие из которых имеют самостоятельное уголовно-правовое значение и определенным образом влияют на основание уголовной ответственности, на квалификацию деяния. Например, жизнь каждого человека социалистического общества охраняется в равной мере — посягательство на жизнь любого человека по советскому уголовному праву признается убийством либо покушением на него (кроме случаев необходимой обороны и других особых обстоятельств, при которых жизнь не является объектом уголовно-правовой охраны). Вместе с тем жизнь новорожденного, беременной женщины выделяется законом и посягательство на них образует самостоятельное преступление.

Воздействие¹ на определенный предмет, вещь (материальный объект)², способ этого воздействия, а также физическое изменение предмета, наряду с другими признаками деяния, позволяют во многих случаях судить о характере преступления, его общественной опасности. Таковы, например, хищения, телесные повреждения, уничтожение или повреждение имущества, надругательство над государственным гербом или флагом и т. п.

Для многих составов преступлений признаки предмета являются обязательными. Расследование уголовного дела не может считаться законченным, если эти признаки не выявлены. На практике это положение последовательно проводится в жизнь. Например, Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда РСФСР в определении по делу Ф. указала, что «дело подлежит направлению на доследование, если по материалам предварительного и судебного следствия не представляется возможным сделать вывод о размере похищенного...»³.

¹ Под преступным воздействием мы понимаем предусмотренные уголовным законом действия, направленные на изменение общественных отношений путем физического уничтожения или повреждения вещей (материальных объектов) либо путем определенного влияния на волю участников общественных отношений. Преступное воздействие — это антипод бездействия, но это не всякое действие, а лишь те его виды, при которых субъект воздействует на кого-то или на что-то.

² Слова «вещь», «предмет» могут употребляться как равнозначные, взаимозаменяемые (см.: Уемов А. И. Вещи, свойства и отношения. М., 1963, с. 6).

³ Бюллетень Верховного Суда РСФСР, 1968, № 9, с. 5—7.

Предмет преступления имеет немаловажное значение и для правильной квалификации деяния. Физические или социальные свойства предмета преступления во многих случаях служат основанием для разграничения смежных преступлений, а также для отличия преступных от не-преступных действий.

Для квалификации деяния имеют значение многие признаки не только объекта, но и предмета преступления⁴. Например, по признакам предмета различаются преступления, предусмотренные ст. 88 и ст. 154 УК, ст. 86 и ст. 205¹ УК. Д. Н. Розенберг правильно заметил, что во многих случаях юридическая квалификация бывает различной, независимо от того, что посягатель воздействует непосредственно на имущество⁵. Таковы, например, хищения, самоуправство, обмеривание, обвешивание, спекуляция, нарушение правил о валютных операциях, посягательства на общественную безопасность.

М. И. Федоров, напротив, считает, что предмет посягательства сам по себе не является элементом состава преступления и его отсутствие или особые свойства не оказывают влияния на квалификацию преступления⁶.

Такое утверждение нельзя признать правильным. Общеизвестно, что отсутствие имущества, на хищение которого покушался виновный, влияет на квалификацию деяния. Равным образом оказывают влияние на квалификацию деяния и свойства предмета преступления: размер имущества, ценность документов и другие особые свойства (взрывчатые, ядовитые, наркотические, сильнодействующие вещества; огнестрельное, холодное оружие и т. п.). Хищение, например, оружия квалифицируется не по статье об ответственности за кражу (ст. 89 и 144 УК), а по статье, предусматривающей ответственность за посягательство на общественную безопасность (ст. 218¹ УК). Особые свойства предмета этого преступ-

⁴ Это обстоятельство отмечали и русские дореволюционные юристы. Например, А. Лохвицкий писал, что «степень зла, степень наказания зависит иногда от качества вещи... Похищение церковного имущества (вещей) составляет не кражу, а отличное от кражи преступление — святотатство... Наказание за истребление недвижимых вещей несравненно строже, чем за истребление движимых» (Лохвицкий А., с. 215).

⁵ См.: Розенберг Д. Н., с. 56.

⁶ См.: Федоров М. И., с. 192.

ления меняют объект посягательства. При хищении оружия основным объектом выступает общественная безопасность, а собственность — дополнительным⁷.

Социально значимое действие в отношении одного и того же предмета, вещи может иметь различную социально-политическую оценку и юридическую квалификацию в зависимости от объекта посягательства, от того общественного отношения, на изменение которого направлено это действие, а также от размера причиняемого им вреда. Собираение валежника и кража леса, — писал К. Маркс, — это различные вещи, так как различны объекты, не менее различны и действия, направленные на эти объекты, следовательно, различны должны быть и намерения, ибо какое же объективное мерило можем мы приложить к намерению, помимо содержания действия и его формы⁸.

В равной мере и причинение вреда в сфере одного и того же объекта уголовно-правовой охраны может быть достигнуто путем воздействия на различные предметы. Например, посягательства на здоровье населения совершаются изготовлением и распространением различных ядовитых, сильнодействующих и наркотических веществ (ст. 224, 224¹ и 225 УК).

Уголовно-правовое значение предмета преступления определяется в первую очередь не его физическими свойствами, а характером и содержанием выражающихся в нем общественных отношений. В уголовно-правовом смысле предмет всегда выступает в связи с конкретными общественными отношениями. В большинстве случаев в уголовном законодательстве указывается не на предмет сам по себе, а и на те общественные отношения, выражением которых он является. Например, закон говорит не об имуществе вообще, а о государственном, общественном или личном имуществе и т. д.

М. А. Гельфер обоснованно критикует тех криминалистов, которые утверждают, что предмет преступления

⁷ См.: п. 3 Постановления Пленума Верховного Суда СССР от 20 сентября 1974 г. «О судебной практике по делам о хищении огнестрельного оружия, боевых припасов или взрывчатых веществ, незаконном ношении, хранении, приобретении, изготовлении или сбыте оружия, боевых припасов или взрывчатых веществ и небрежном хранении огнестрельного оружия» (Бюллетень Верховного Суда СССР, 1974, № 5, с. 8).

⁸ См.: Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., т. 1, с. 122.

якобы находится в полной независимости от объекта. Однако далее он допускает ошибку, отрицая возможность одного и того же предмета преступления быть выражением различных общественных отношений, охраняемых уголовным законом⁹. В действительности один и тот же предмет может быть выражением различных общественных отношений, например, человек, деньги, документы. Но из этого вовсе не вытекает, что предмет независим от объекта — общественного отношения. Без общественного отношения, в отрыве от общественных отношений вещь не может быть предметом преступления, ибо в таком случае воздействие на нее не может изменить общественных отношений (объекта). Например, уничтожение не имеющих хозяйственного значения вещей или предметов, выброшенных собственником за ненадобностью. Такие вещи не могут быть предметом преступления именно потому, что они вышли из сферы общественных отношений.

Признаки предмета преступления нередко выступают квалифицирующими признаками состава преступления. Например, лесные массивы в ч. 2 ст. 98 УК, беременность в п. «ж» ст. 102 УК, несовершеннолетие в ч. 3 ст. 117 УК, ценность пород рыб или водных животных в ч. 2 ст. 163, особая важность документов в ч. 2 ст. 195 УК.

Разграничение объекта и предмета преступления имеет важное значение для уяснения и разграничения цели и преступных последствий. Если преступное последствие — это опасный вред в сфере общественных отношений, то преступная цель — это во многих случаях идеальный образ реальной ценности (вещи), которой субъект стремится завладеть, повредить ее или уничтожить.

Характер и степень тяжести преступных последствий в значительной мере определяются особенностями и свойствами предмета преступления, так как лишить жизни можно лишь живое существо, похитить можно только имущество. Многие преступления совершаются путем причинения социально опасного вреда только воздействием на определенные материальные объекты (напри-

⁹ См.: Гельфер М. А. Объект преступления. — В кн.: Советское уголовное право. Часть Общая. М., 1960, вып. 5, с. 19.

мер, преступления, предусмотренные ст. 86, 87, 88, 89, 98, 99, 149, 150, 190², 195, 205 УК).

Определение предмета имеет важное практическое значение также для отграничения его от средств, орудий совершения преступления, так как одна и та же материальная вещь может быть и предметом и орудием совершения преступления (оружие, документы, транспортные средства, инструменты, инвентарь и т. п.).

Орудия и средства совершения преступления отличаются от предмета посягательства тем, что они ни в какой связи с теми общественными отношениями, на которые совершается посягательство, не состоят. Например, оружие, используемое при убийстве, ни в какой связи с отношениями по обеспечению жизни не находится. Предмет преступления, напротив, всегда состоит в связи с объектом, на который совершается посягательство.

Говоря о значении различия предмета и объекта преступления, В. Н. Кудрявцев отмечает, что уголовный закон охраняет не вещи и предметы сами по себе, а те общественные отношения, которые являются объектами посягательства. Поэтому для многих институтов уголовного права важное значение имеет понятие предмета, его особенности и причиняемый ему вред¹⁰.

Таким образом, свойства и особенности предмета преступления имеют значение для многих институтов уголовного права: для уяснения и конкретизации объекта посягательства, решения вопроса о привлечении лица к уголовной ответственности, квалификации деяния и назначения наказания. Некоторые теоретические и практические задачи не могут быть решены или решение их значительно затрудняется в силу недостаточного исследования проблемы предмета преступления, его связи с другими признаками состава преступления, значения предмета для основания уголовной ответственности и квалификации деяния. Практическое значение предмета состоит и в том, что для многих составов преступления он является одним из основных, обязательных призна-

¹⁰ См.: Кудрявцев В. Н. О соотношении предмета и объекта преступления по советскому уголовному праву. — Труды Военно-юридической Академии. М., 1951, вып. 13, с. 66, 67—70. Следует, однако, отметить, что более точно было бы говорить о повреждении или уничтожении предмета, так как вред можно причинить кому-то, а не чему-то.

ков. Таковы все корыстные преступления. Если не установлен конкретно предмет посягательства при совершении таких деяний, как спекуляция, хищения и некоторые другие, то вопрос о привлечении лица к уголовной ответственности не может быть решен положительно. Например, Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда СССР в своем определении по делу З. указала, что обвинительный приговор по делу о краже не может быть оставлен в силе, если в приговоре не указаны похищенные вещи и он не содержит указания их количества¹¹.

Отмеченные обстоятельства вызывают необходимость всестороннего исследования проблемы и определения предмета преступления, поскольку единство в его определении еще достигнуто. Наиболее распространенным является взгляд на предмет преступления как на вещь, в связи с которой или по поводу которой совершается преступление¹². При этом сторонники данной концепции отмечают, что вред преступлением причиняется не предмету, а объекту преступления. Предмет в отличие от объекта не терпит вреда от преступления¹³.

Другие авторы предметом преступления признают те вещи материального мира, воздействуя на которые, субъект причиняет вред объекту преступления¹⁴.

По мнению Н. А. Беляева, предмет преступления — это элемент объекта посягательства, воздействуя на ко-

¹¹ См.: Судебная практика Верховного Суда СССР, 1944, вып. 5, с. 6. См. также: Постановление Президиума Верховного Суда РСФСР от 26 февраля 1969 г. по делу Р.—Бюллетень Верховного Суда РСФСР, 1969, № 7, с. 12.

¹² См.: Трайнин А. Н. Общее учение о составе преступления. М., 1957, с. 179; Браунин Я. М. Некоторые вопросы учения о составе преступления в советском уголовном праве.—Юридический сборник Киевского гос. ун-та, 1960, № 4, с. 58—59.

¹³ В. Г. Макашвили различает вред, причиняемый объекту (этот вид вредного результата он называет преступными последствиями в «широком смысле слова»), и вред, причиняемый предмету преступления (этот вид последствий автор называет последствиями в «узком смысле слова»). (см.: Макашвили В. Г. Уголовная ответственность за неосторожность. М., 1957, с. 158). Представляется очевидным, что вещь при хищении, уничтожении и т. п. преступлениях не терпит никакого вреда, даже в «узком смысле слова».

¹⁴ См.: Загородников Н. И., с. 44. При этом Н. И. Загородников обоснованно подчеркивает, что выделение предмета преступления имеет большое как теоретическое, так и практическое значение.

торый, преступник нарушает или пытается нарушить общественное отношение¹⁵.

Некоторые авторы высказываются против разграничения объекта и предмета преступления, мотивируя свою позицию тождеством понятий «объект» и «предмет» и отсутствием практического значения такого разграничения¹⁶. Б. С. Никифоров, например, считает, что предмет преступления — это всего лишь составная часть объекта преступления — общественного отношения — и приходит к выводу об отсутствии необходимости в самостоятельном исследовании предмета преступления¹⁷.

Однако вряд ли можно согласиться с отождествлением предмета преступления с его объектом¹⁸.

Объектом преступления являются общественные отношения. Предмет преступления как материальная или идеальная ценность (вещь) не тождествен общественным отношениям. Он лишь — свойство, сторона, или точнее, совокупность свойств, сторон объекта и в этом своем качестве выступает как «часть» общественных отношений.

Материальные общественные отношения всегда связаны с вещами и проявляются как определенные материальные объекты (вещи), без них такие отношения немислимы, невозможны¹⁹. Например, отношения собственности проявляются в виде вещей, имущества.

¹⁵ См.: Курс советского уголовного права. Часть Общая. Л., 1968, т. 1, с. 303.

¹⁶ См.: Васильев А. Н. Преступления против социалистической собственности. М., 1959, с. 19; Михайлов М. П., с. 42.

¹⁷ «Проблема предмета преступления,— пишет Б. С. Никифоров,— в ее внешнем виде, по существу, снимается, потому что устраняется необходимость в самостоятельном исследовании предмета преступления как явления, лежащего за пределами объекта и ведущего самостоятельное по отношению к нему существование» (Никифоров Б. С. Объект преступления по советскому уголовному праву, с. 130—132).

¹⁸ В литературе правильно отмечалось, что отказ от выделения и разграничения предмета преступления и объекта посягательства затрудняет уяснение содержания того общественного отношения, которому преступное деяние причиняет вред, что может в свою очередь повести к неправильной оценке характера общественной опасности совершенного преступления и ошибочной его квалификации (см.: Советское уголовное право. Часть Общая. МГУ, 1969, с. 111).

¹⁹ Характеризуя особенности общественных отношений, классики марксизма отмечали, что они всегда связаны с вещами и проявляются как вещи (см.: Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., т. 13, с. 7).

Материальный объект, вещь является системой определенного количества свойств²⁰, в которых проявляются общественные отношения, и потому он неотделим от них, как и общественные отношения неотделимы от материального объекта, в котором они проявляются. Из этого вовсе не следует, что отпадает необходимость в выделении и самостоятельном исследовании предмета преступления. Исследование, познание предмета, явления как раз предполагает познание целого по частям²¹, так как истина складывается из совокупности всех сторон явления и их взаимосвязи²².

Признание общественного отношения объектом преступления предполагает и вызывает необходимость выявления и исследования всех признаков, свойств и особенностей этой стороны преступления. Как нельзя уяснить субъективную сторону преступления без ее признаков (вины, мотива, цели), так нельзя уяснить и объект преступления, если не выявить систему его свойств и их взаимосвязь.

Солидаризуясь с Б. С. Никифоровым, И. С. Самошенко считает, что нет необходимости в самостоятельном исследовании предмета преступления, что различие объекта и предмета правонарушения имеет смысл лишь в плане различия между общественными отношениями как объектом правонарушения и теми явлениями, в которых эти отношения воплощаются²³.

Но даже если бы предмет преступления не имел никакого юридического значения, его следовало бы исследовать уже потому, что он является «частью» объекта, совокупностью его сторон, свойств. Такое исследование было бы необходимым потому, что познание целого немислимо без познания его частей, его свойств, без уяснения всей системы свойств, признаков этого целого и взаимосвязи, взаимодействия его частей, свойств, особенностей, проявлений.

А. А. Пионтковский полагал, что о предмете преступления, в отличие от объекта, можно и должно говорить лишь тогда, когда на него (предмет) не происходит по-

сягательства²⁴. Во всех иных случаях, по мнению А. А. Пионтковского, материальная вещь является не предметом, а непосредственным объектом посягательства. Например, при хищении в качестве непосредственного объекта посягательства выступает государственное или общественное имущество, продукты сельского хозяйства, инвентарь, денежные средства, урожай на корню²⁵.

Вся концепция А. А. Пионтковского основывается на тождестве предмета и объекта преступления. По его мнению, непосредственный объект и есть предмет, на который воздействуют. Исходя из этого, А. А. Пионтковский считал, что для характеристики объекта преступления при хищении нет необходимости вместо понятия непосредственного объекта создавать особое понятие предмета посягательства²⁶.

Отметим прежде всего, что выделение и исследование предмета преступления проводится не *вместо* объекта преступления, а *наряду* с объектом и как раз для более глубокого и всестороннего изучения объекта. И далее, предмет преступления нет необходимости создавать. Он существует как явление, реально и потому необходимо исследовать, определить, выявить его роль и значение для теории и практики.

По мнению А. А. Пионтковского, излишнее увлечение в советской уголовно-правовой литературе проблемой разграничения объекта и предмета повлекло за собой ослабление внимания к теоретической разработке действительно существенных вопросов учения об объекте преступления²⁷. В действительности имеется больше оснований говорить о недостаточном внимании к предмету преступления, чем об увлечении им. Кроме того, исследование проблемы предмета преступления как раз и есть путь к выявлению связи предмета с объектом, их соотношения и т. д.

А. А. Герцензон считал, что предметом преступления могут быть как конкретные материальные предметы, так

²⁴ См.: Курс советского уголовного права, М., 1970, т. 2, с. 117—119.

²⁵ См.: Курс советского уголовного права, М., 1970, т. 4, с. 311, 318.

²⁶ См.: Курс советского уголовного права. Часть Особенная, М., 1970, т. 4, с. 312.

²⁷ См.: Пионтковский А. А., с. 143.

²⁰ См.: Уемов А. И., с. 21, 62.

²¹ См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 29, с. 316.

²² См.: Там же, с. 178.

²³ См.: Самошенко И. С. Понятие правонарушения по советскому законодательству, М., 1963, с. 121.

и те интересы, на которые направлено посягательство²⁸.

Отнесение к предмету преступления интересов, на которые направлено деяние, на наш взгляд, необоснованно. Интересы как осознанные потребности в определенных материальных или идеальных ценностях не могут быть предметом преступления. Предметом преступления могут быть только сами эти материальные ценности, в связи с которыми или по поводу которых совершается преступление.

По мнению В. Н. Кудрявцева, предметом преступления могут быть: а) сами субъекты общественных отношений и б) вещи как предпосылки общественных отношений или как форма закрепления общественных отношений, а также действия участников общественных отношений²⁹.

Как было показано выше, действия участников общественных отношений — это сами общественные отношения, их содержание. Кроме того, на действие невозможно воздействовать прямо, непосредственно (а только путем воздействия на деятеля или на материальные объекты) и потому оно не может быть признано предметом преступления.

Основное же возражение против признания действия предметом преступления состоит в том, что изменить поведение субъекта можно только путем воздействия на его волю или сознание, а не само поведение. Кроме того, в момент такого воздействия общественно вредного поведения в большинстве случаев еще нет, оно выступает только в качестве возможного (например, подстрекательство, соглашение о даче-получении взятки, вовлечение в преступную деятельность и т. п.).

²⁸ См.: Герцензон А. А. Уголовное право, Часть Общая, М., 1948, с. 291. Т. Л. Сергеева правильно отметила, что при таком определении предмета преступления его трудно отличить от объекта посягательства (см.: Сергеева Т. Л. Борьба с подлогами документов по советскому уголовному праву, М., 1949, с. 39).

²⁹ См.: Кудрявцев В. Н. О соотношении предмета и объекта преступления по советскому уголовному праву, с. 48. Сходные и в основном правильные положения о предмете и объекте и необходимости их разграничения были высказаны Г. А. Кригером. Однако в понятие предмета преступления Г. А. Кригер необоснованно включает, кроме физических лиц и вещей, процессы, служащие условием или предпосылкой существования общественных отношений (см.: Кригер Г. А. К вопросу о понятии объекта преступления в советском уголовном праве, с. 123).

Поэтому нет оснований относить к предмету преступления поведение, так как субъект воздействует не на поведение, а на волю или на тело действующего лица, т. е. воздействует на другого субъекта физически или психически. Примером воздействия на поведение лица называют преступления, предусмотренные ст. 173, 210 УК, и некоторые другие. Однако нетрудно увидеть, что при совершении названных преступлений виновный воздействует не на поведение, а на конкретное лицо, на его волю и сознание. При этом сторонники этого взгляда указывают, что общественные отношения в таких случаях нарушаются путем видоизменения действия самого преступника либо других лиц по воле преступника³⁰.

Но при совершении преступления, предусмотренного ст. 210 УК, поведение несовершеннолетнего можно видоизменить, лишь оказав определенное воздействие на него. Только потому и наступает уголовная ответственность по ст. 210 УК, что виновное лицо влияет определенным образом на несовершеннолетнего и таким путем вовлекает его в преступную деятельность. Без такого воздействия уголовная ответственность взрослого исключается³¹. Значит, воздействие при этом оказывается не на действие, а на волю лица с целью вызвать в нем решимость совершить определенные желаемые для виновного действия. В этом смысле воздействие на предмет ничем не отличается от воздействия на иных лиц с целью изменения их деятельности (например, при совершении преступлений, предусмотренных ст. 77¹, 134, 179, 183, 191, 191¹, 191², 193, 227 УК).

Недостаток большинства определений предмета преступления состоит в том, что они охватывают только предметы преступлений против собственности либо только корыстных посягательств (хищений, спекуляции, взяточничества и т. п. преступлений). Между тем преступление как явление реальной действительности всегда проявляется во вне, находит какое-то внешнее выражение. Наиболее общим объективным признаком преступного деяния являются те изменения в окружаю-

³⁰ См.: Курс советского уголовного права, Часть Общая, ЛГУ, 1968, т. 1, с. 305.

³¹ См.: п. 10 постановления Пленума Верховного Суда СССР № 16 от 3 декабря 1976 г. — В кн.: Сборник постановлений Пленума Верховного Суда СССР 1924—1977 г. М., 1978, ч. 2, с. 302.

щем мире, которые оно производит. Вызвать эти изменения в большинстве случаев можно путем реального и действительного воздействия на окружающий мир, который выступает в виде материальных объектов: предметов, вещей, живых существ.

Для более глубокого уяснения сути этого воздействия необходимо полнее выявить ту материальную ценность, которая подвергается воздействию при совершении преступления или по поводу которой оказывается преступное воздействие на участников общественной жизни. Для этого необходимо определить ее место в структуре объекта, взаимосвязь с объектом и с другими сторонами преступления.

Правильно выразить и объяснить какое-либо явление можно только путем раскрытия свойств этого явления и его связей с другими явлениями. В полной мере это относится и к предмету преступления. В марксистско-ленинской философии существом всякого предмета, явления признаются их наиболее главные, основные свойства, те из них, которые определяют природу и все остальные признаки и свойства предмета, явления. Сущность предмета, явления — это существенные свойства, связи, противоречия и тенденции развития предмета, явления³².

Поскольку в философском смысле объектом воздействия для субъекта выступают материальные объекты, конкретные вещи реального мира, постольку и объектом преступного воздействия могут быть признаны реальные, конкретные материальные объекты, на которые может быть оказано непосредственное воздействие. Таковыми могут быть вещи, предметы, живые существа. Нельзя признать предметом преступления такие явления реальной действительности, на которые воздействие невозможно оказать непосредственно. Например, действия, процессы, идеальные вещи. Действительным предметом насилия в преступлении, по мнению Г. Гегеля, может быть не сама по себе свободная воля, а лишь внешнее выражение свободы лица — тело и его жизнь, его собственность³³.

Вместе с тем необходимо выделить и другую сторо-

³² См.: Спиркин А. Г. Курс марксистской философии. М., 1966, с. 171; Уемов А. И., с. 21, 62.

³³ См.: Гегель Г. Философская пропедевтика. М., 1927, с. 54.

ну предмета преступления — его связь с объектом преступления (общественным отношением). Эта вторая, социальная сторона предмета преступления имеет более важное значение для уяснения его сути, роли и места в уголовно-правовой науке и практике, а потому в научном понятии предмета преступления она должна быть определяющей, главной.

В связи с этим мы полагаем, что предмет преступления необходимо рассматривать как систему качеств, как совокупность свойств, сторон объекта — общественного отношения. Предмет преступления — это та сторона общественного отношения (объекта преступления), воздействуя на которую, субъект изменяет данное общественное отношение и этим причиняет социально опасный вред.

Таким образом, предметом преступления следует признать материальный объект, в котором проявляются общественные отношения, и воздействуя на который, субъект изменяет их. Однако такое определение предмета окажется неполным, если не учитывать, что под материальным объектом в данном определении понимается как объект, так и субъект, поскольку человеческая деятельность представляет собой активность субъекта, направленную на объекты или на других субъектов³⁴. Это обстоятельство необходимо учитывать потому, что общественные отношения могут быть нарушены воздействием как на материальный объект, так и на субъект отношения, т. е. путем воздействия на любую сторону общественного отношения.

В таком понимании предмет преступления нетрудно

³⁴ См.: Каган М. С. Человеческая деятельность, с. 43. Р. Р. Галиакбаров, П. С. Тоболкин, А. Ф. Соколов и А. Я. Эренбург по этому поводу высказали недоумение: каким образом может быть оказано психическое воздействие на материальный объект? (см.: Галиакбаров Р. Р., Тоболкин П. С., Соколов А. Ф., Эренбург А. Я. Две книги об объекте и предмете преступления. — В кн.: Эффективность уголовного права на современном этапе. Межвузовский сборник научных трудов. Свердловск, 1977, вып. 54, с. 153). Недоумение непонятное, так как на с. 14 рецензируемой ими книги указывается, что на основе марксистского понимания предметной сущности человека «под материальным объектом понимается как объект, так и субъект». На последнего и может быть оказано психическое (но не психологическое, как необоснованно рецензенты приписывают автору) воздействие при разбое, изнасиловании, угрозе убийством и т. п. преступлениях.

обнаружить в большинстве преступлений против собственности, личности, порядка управления, общественной безопасности и некоторых других³⁵. Наряду с этим существует значительное число преступлений, которые не имеют предмета воздействия и которые условно можно именовать беспредметными. Беспредметными являются главным образом те преступления, которые совершаются путем бездействия (невыполнение лежащей на субъекте отношения социальной обязанности), и некоторые виды нарушения правил³⁶.

Те преступления, которые имеют предмет посягательства (предметные), могут быть совершены только путем воздействия на этот предмет. Нельзя совершить предметное преступление, ни на что или ни на кого не воздействуя. Сколько бы субъект ни желал наступления определенного вреда, этот вред не наступит без соответствующего воздействия на материальный предмет — субстрат общественных отношений, выступающий предметом преступного воздействия.

Для уяснения сущности предмета преступления и отграничения его от объекта необходимо указать на различия в особенностях и характере вреда, причиняемого

³⁵ Нельзя согласиться с теми авторами, которые полагают, что предмет преступления отсутствует в преступлениях против личности и порядка управления (см.: Криволапов Г. Т. Объект и предмет посягательства приобретения или сбыта имущества, заведомо добытого преступным путем. — В кн.: Сборник статей адъюнктов и соискателей. М., 1966, с. 105), в некоторых видах промысла (см.: Трофимов С. В. Ответственность за занятие запрещенным промыслом. Киев, 1968, с. 26).

³⁶ Вывод о том, что беспредметных преступлений не существует, необоснован (см.: Полячек Ф., с. 125; Курс советского уголовного права. Часть. Общая. ЛГУ, 1968, т. 1, с. 305; Каиржанов Е. Основные теоретические проблемы объекта уголовно-правовой охраны в СССР. Автореф. докт. дис. Киев, 1975, с. 24). Критика нашей концепции В. К. Глистиным (см.: Глистин В. К., с. 44) вызвана путаницей, которую допускает критик, не различая материального объекта в структуре общественного отношения и предмета преступления. Бесспорно, что каждое и всякое общественное отношение имеет свой субстрат — материальную или идеальную ценность, по поводу которой оно возникло и существует. Но далеко не всякое преступление совершается путем воздействия на эту сторону общественных отношений. Это положение признает и сам В. К. Глистин, утверждая на с. 97, что «изменение содержания общественного отношения не обязательно сопровождается причинением вреда всем его элементам» и что изменение отношения возможно «без воздействия на предмет или субъект».

в сфере объекта преступления и повреждения предмета³⁷. Общественное отношение как объект преступного посягательства в своем индивидуальном проявлении может быть изменено или ликвидировано вовсе. Только в этом смысле и можно говорить о причинении вреда объекту. Поскольку объект преступления — это общественное отношение, то оно может быть нарушено или уничтожено. Не меняет сути дела тот факт, что нарушенные общественные отношения во многих случаях восстанавливаются и причиненный преступлением имущественный вред возмещается. При совершении других преступлений, таких, например, как убийство, оскорбление и некоторые другие преступления против личности, а также при совершении некоторых преступлений против порядка управления нарушенные общественные отношения не могут быть восстановлены и причиненный этими деяниями вред возместить невозможно.

Особенности предмета преступления, напротив, состоят в том, что преступление в большинстве случаев не причиняет ему вреда³⁸. Например, при хищении имущества похищенная вещь не терпит никакого вреда и продолжает выполнять свое социальное назначение, удовлетворяя потребности ее нового обладателя. В отличие от объекта предмет преступного посягательства повреждается лишь в виде исключения. Такое исключение составляют случаи уничтожения или повреждения вещей, документов, бланков, печатей, зданий, сооружений, лесных массивов, посевов и других материальных объектов.

Наиболее существенный и специфичный признак преступления — причинение неустранимого или трудноустранимого социально опасного вреда. При отсутствии этого свойства деяние не должно признаваться преступлением. Если причиняемый определенным поведением социальный, хотя бы и опасный, вред можно легко устранить, то ответственность причинителя должна быть не

³⁷ Под вредом, причиняемым объекту преступления, понимаются те изменения, которые производит преступление в общественных отношениях.

³⁸ Утверждение о том, что предмет преступления всегда подвергается изменению (см.: Курс советского уголовного права. Часть. Общая. ЛГУ, 1968, т. 1, с. 306), на наш взгляд, необоснованно. При совершении хищений, спекуляции и некоторых других преступлений изменяются только общественные отношения.

уголовно-правовой. Например, незаконным захватом земли, самовольным строительством причиняется такой вред, который может быть легко устранен с явно невыгодными последствиями для его причинителя. Потому борьба с такими посягательствами может быть достаточно эффективной и административными или гражданско-правовыми мерами.

Причиняемый предмету преступления вред характеризуется физическим уничтожением или повреждением предмета, вещи. Наряду с уничтожением или повреждением предмета, изменяются либо вовсе аннулируются соответствующие общественные отношения, ибо отношения не могут существовать вне и независимо от вещей³⁹.

При этом следует различать физическое повреждение или уничтожение вещи, предмета в целом или в какой-либо его части, которое затрудняет или вовсе прекращает ее существование (функционирование), и причинение социального вреда путем уничтожения или повреждения вещи, предмета в виде материального, имущественного ущерба или вреда здоровью, жизни, хозяйству, управлению и т. п.

Причиняемый объекту посягательства вред носит социальный характер и выражается в изменении или ликвидации общественных отношений. Вред, причиняемый преступлением предмету посягательства, носит чисто физический характер и заключается в физическом уничтожении или повреждении предмета, вещи, животного, растения. Из этого можно сделать вывод, что в системе преступных последствий причинение вреда предмету преступления является факультативным результатом деяния, тогда как причинение вреда объекту — изменение общественных отношений — является обязательным признаком преступления.

Таким образом, не вещь сама по себе, а вещь как совокупность сторон, свойств общественного отношения охраняется правом, и воздействие на эту вещь причиняет социально опасный вред в сфере этих общественных отношений. Без конкретизации этих отношений невозможно определить ни сути посягательства, ни его общественной опасности, как и дать ему правильную социально-политическую и юридическую оценку.

³⁹ См.: Уемов А. И., с. 70.

В то же время необходимо выделить, установить, конкретизировать и предмет преступления, так как одна и та же вещь может быть выражением различных общественных отношений⁴⁰. Преступное воздействие на один и тот же материальный объект может причинять вред различным общественным отношениям и потому иметь различное уголовно-правовое значение. Например, воздействие на транспортные средства может быть и их хищением, и угонем, и уничтожением либо повреждением, и самоуправством⁴¹.

Существенным свойством предмета преступления, его особенностью является его конкретность. Предметом определенного посягательства может быть не всякое имущество и не имущество вообще, а конкретная вещь, имеющая наименование, вес, цвет, размер, стоимость и т. п., не вообще человек, а конкретное лицо определенного возраста, пола, национальности, фамилии, не вообще документ, а паспорт Иванова П. Д., диплом Петрова И. В. и т. д.

Изложенное позволяет заключить, что предмет преступления — это конкретный материальный объект, в котором проявляются определенные стороны, свойства общественных отношений (объекта преступления), путем физического или психического воздействия на который причиняется социально опасный вред в сфере этих общественных отношений.

В философии предметом называется отдельная часть, единица существующего, все то, что может находиться в отношении или обладать каким-либо свойством. Предметы могут быть материальными или идеальными (понятия, суждения и т. п.). Для уголовно-правовой практики такое понимание предмета, на наш взгляд, неприемлемо. Прежде всего потому, что на идеальные предметы (идеи, суждения, понятия) нельзя оказать прямое,

⁴⁰ Авторы учебника по уголовному праву ГДР отмечают, что «в одном предмете могут найти свое выражение многие объекты. Благодаря этому воздействие на один предмет может быть направлено на многие объекты (Lehrbuch des Strafrechts der DDR, S. 324).

⁴¹ В. А. Владимиров обоснованно считает, что «отнюдь не свойства и характер похищенного имущества, а те общественные отношения, которые оно выражает, т. е. объект, а не предмет лежит в основе правовой оценки (квалификации) совершенного преступления» (Владимиров В. А. Квалификация преступлений против личной собственности. М., 1968, с. 21).

Классификация предметов преступления

Общий	Предмет		Статьи УК РСФСР, устанавливающие уголовную ответственность за воздействие на видовой предмет
	Родовой	Видовой	
Материальные объекты	Человек	Тело	66, 67, 77, 77 ¹ , 102—106, 108—117, 119—121, 125, 126, чч. 2 и 3 ст. 140, 191 ¹ , 211, 221, 227, 235, 265, 268
		Психика	70—72, 74—75, 79, 107, 118, 130—132, 133, 171—174 ¹ , 176—179, 180—181, 183—184, 190 ¹ , 191—193, 202—203, 207, 210, 227, 232—234, 240—232, 244, 267, 269
	Растения и животные	Животные, выращенные человеком	89—101, 144—151, 200, 206
		Дикие животные	163, 164—166
		Растения	168—169, 206
	Вещи	Имущество	68, 69, 79, 85, 86, 88 ² , 89—101, 144—151, 152—159, 162, 185, 189, 200, 205, 205 ¹ , 206, 208, 212 ¹ , 230, 251, 266
		Деньги	87, 88 ² , 89—101, 144—151
		Документы	64, 65, 69, 133, 152 ¹ , 175, 195, 196, 200, 206, 259
		Оружие	78, 88 ² , 218, 219 ¹
		Иные	64, 65, 84, 135, 136, 141—143, 167, 190 ² , 199, 222, 223, 228, 229, 230

непосредственное преступное воздействие с целью изменения определенных общественных отношений. Кроме того, при совершении многих преступлений социальная ценность как предмет, ради которой совершается такое деяние, находится не в сфере объекта посягательства, а в сфере иных общественных отношений. Например, злостное уклонение от уплаты алиментов посягает на отношения по коммунистическому воспитанию детей. Предметом этих отношений в философском смысле является идея коммунистического воспитания как социальная ценность. Однако не трудно увидеть, что данное преступление совершается не по поводу этой ценности, а по поводу ценностей материальных, находящихся в сфере отношений собственности. Идея воспитания в данном случае не подвергается непосредственному преступному воздействию, преступление совершается не по ее поводу, потому она как предмет не имеет иного уголовно-правового значения, кроме того, что характеризует одну из сторон объекта преступления. В силу этого идеальные предметы не могут быть предметами преступления⁴². Предмет преступления — это материальная сторона объекта, на которую оказывается преступное воздействие, но это не сам объект преступления. Многие общественно опасные деяния совершаются путем определенного воздействия на предмет преступления. Установление в каждом конкретном случае предмета преступления позволяет более полно уяснить объект преступления и его общественную опасность, облегчает квалификацию деяния, способствует осуществлению правосудия.

2. Классификация предметов преступления и их правовой режим

Для уяснения социальной сущности и юридической природы предмета преступления, его места в системе признаков преступления и влияния на квалификацию

⁴² По изложенным здесь соображениям мы не можем согласиться с Е. Каиржановым в том, что предметом преступления могут быть и идеальные предметы (см.: Каиржанов Е. Основные теоретические проблемы объекта уголовно-правовой охраны в СССР. Автореф. докт. дис. Киев, 1975, с. 23).

деяния немаловажное значение имеет научно обоснованная классификация предметов преступного посягательства. Классификация предметов преступления может быть проведена по различным основаниям в зависимости от ее целей. Для выяснения роли и места предмета в общем механизме совершения преступления она может быть проведена по социальным критериям: социальное назначение предмета, его особенность, ценность и другие.

По этим признакам все разнообразие предметов преступления можно разделить на три большие группы: 1) люди; 2) вещи; 3) животные и растения. В каждой группе предметы объединены по определенным родовым признакам. В родовой группировке можно выделить ряд общих характерных социальных особенностей, признаков (социальная роль, назначение, ценность и т. п.). В свою очередь родовая группировка распадается на несколько видовых. Видовой предмет преступления — это общее понятие того конкретного предмета, воздействуя на который совершаются преступления данного вида. Например, при совершении преступлений против собственности воздействие оказывается на имущество, которое в этом случае выступает родовым предметом преступления, а отдельные виды имущества — видовым. Конкретным предметом преступления при совершении этих преступлений будет определенная вещь. Вещи, в свою очередь, также распадается на видовые предметы — имущество, деньги, документы, оружие, наркотики и т. п. (см. таблицу 1).

Классификация предметов преступления в известной мере облегчает установление видового предмета, а он, в свою очередь, указывает на конкретный предмет преступного воздействия. Положение не меняется от того, что во многих составах преступления нет прямого указания на его предмет. Оно отсутствует в тех составах, в которых воздействие на любой предмет данного вида признается равноценным для основания уголовной ответственности. Например, в статье УК об ответственности за убийство называется лишь деяние и его последствия. Называть предмет преступления в данном случае нет необходимости, так как закон в равной мере охраняет жизнь всякого человека. Ошибка в предмете в таком случае не имеет юридического значения. Однако из

этого вовсе не вытекает, что преступления против личности — беспредметные. Известно, что К. Маркс, критикуя Г. Гегеля и Л. Фейербаха, обосновал материалистический взгляд на человека как на предметное природное существо: «Непредметное существо есть невозможное, нелепое, существо...»¹. Именно на эту предметную, природную сторону человека и оказывается во многих случаях преступное воздействие при совершении посягательств на личность (на жизнь, здоровье, половую свободу и т. д.).

При этом необходимо подчеркнуть, что при совершении посягательств против личности и некоторых других предметом преступления выступает не потерпевший, не люди вообще, а человек как живое биологическое существо, человек в своем природном предметном существе. Призывать потерпевшего предметом преступления нет оснований, так как это не тождественные понятия. Хотя предмет преступления и потерпевший часто совпадают в одном лице, однако потерпевший — это понятие больше процессуальное². Потерпевший во многих случаях ни в какой связи с объектом посягательства не состоит. Например, при посягательствах на социалистическую собственность, на личность, общественную безопасность и некоторые другие. Нетрудно увидеть, что при совершении многих преступлений предмет преступления и потерпевший не совпадают в одном лице. Потерпевшими могут быть признаны и те лица, на которых виновный прямо, непосредственно не воздействовал. Например, на собственника имущества при краже, на родителей или близких убитого и т. п. Поэтому для отождествления потерпевшего с предметом пре-

¹ Маркс К. и Энгельс Ф. Из ранних произведений. М., 1956, с. 630—631.

² В уголовно-процессуальной литературе признается, что потерпевшим может быть как физическое лицо — гражданин, так и юридическое лицо — организация, предприятие, учреждение (см.: Строгович М. С. Курс советского уголовного процесса. М., 1968, т. 1, с. 253). Но очевидно, что юридические лица не могут быть предметом преступления. Хотя в некоторых случаях закон и говорит о нападении на государственные учреждения или предприятия (ст. 77 УК), на администрацию (ст. 77¹ УК), о воспрепятствовании законной деятельности профсоюзов (ст. 137 УК), однако и эти преступления совершаются путем определенного воздействия на конкретных лиц или на отдельные материальные объекты, которые и должны признаваться предметом данных преступлений.

ступления нет оснований даже и в тех случаях, когда преступление было совершено путем воздействия на участника того общественного отношения, которое в данном случае выступало объектом посягательства. Понятия «потерпевший» и «предмет» преступления являются перекрещивающимися, а не совпадающими.

М. И. Федоров одним из первых в нашей литературе указал на необходимость различать личность как объект преступления и личность как его предмет³. Ошибка М. И. Федорова заключается лишь в том, что он предметом посягательства признает не человека как физическое, биологическое живое существо, а как личность. Б. С. Никифоров обоснованно критикует его за эту ошибку⁴.

В человеке следует различать его социальную и биологическую стороны⁵. Биологическая сущность человека заключается в его физическом состоянии, в состоянии и функционировании его тела и отдельных органов. В этом и состоит предметная, природная сущность человека. Социальная сущность человека — это его социальная характеристика: образование, род деятельности, место жительства и работы, семейное положение, общественное поведение.

С рассматриваемой стороны биологическое в человеке — это предмет преступления; социальное, его личность — объект. Причинить вред личности можно только воздействуя на предмет — на тело человека или на его психику. Замечание К. Маркса о том, что сущность «особой личности» составляет не ее борода, не ее кровь, не ее абстрактная физическая природа, а ее социальное качество⁶, в котором она выступает как «совокуп-

³ См.: Федоров М. И., с. 190.

⁴ См.: Никифоров Б. С. Объект преступления по советскому уголовному праву, с. 52.

⁵ «Содержание понятия «человек», — пишет В. П. Тугаринов, — включает в себя и социальные и биологические моменты, а личность есть понятие только социальное» (Тугаринов В. П. Теория ценностей в марксизме. ЛГУ, 1968, с. 75). «Личность, — отмечает А. Г. Спиркин, — это человек, взятый в определенном его аспекте, как член определенной социальной группы с ее системой общественно значимых черт и функций; это субъект деятельности, общения, сознания, самосознания и мировоззрения. Биологические его свойства... не включаются в это понятие» (Спиркин А. Г. Сознание и самосознание. М., 1972, с. 250).

⁶ Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., т. 1, с. 242.

ность всех общественных отношений»⁷, важно тем, что для понимания объекта и предмета посягательства следует различать личность как совокупность общественных отношений (объект) и ее бороду, ее кровь, физическую природу, тело (предмет).

По мысли К. Маркса, человек не может не быть природным, предметным существом. Человек является частью природы и выступает именно в качестве природного, предметного существа. К сожалению, на эту сторону человека в нашей уголовно-правовой литературе не обращается достаточного внимания. Это ведет к созданию некоей бестелесной, эфемерной сущности человека.

С научной точки зрения, такой подход является односторонним, неполным. В то же время и история показывает, что человек не всегда был «совокупностью общественных отношений». В частности, рабовладельческое право видело в рабе только его физическую, предметную сущность и не признавало раба личностью. Убивший раба отвечал как за уничтожение имущества, вещи.

Таким образом, человек, выключенный из общественных отношений, перестает быть личностью, оставаясь живым природным существом. В современной марксистской литературе последовательно проводится различие между человеком и личностью, между социальной и природной сущностью человека. Человек, по мнению В. П. Тугаринова, есть материальный субстрат, носитель личности, а личность есть совокупность свойств

⁷ Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., т. 3, с. 3. И. С. Кон, по нашему мнению, правильно заметил, что конкретная личность не может быть совокупностью всех общественных отношений (См.: Кон И. С. Социология личности. М., 1967, с. 9). В самом деле, трудно представить такую личность, которая была бы субъектом всего бесчисленного множества существующих общественных отношений. Однако для признания личности совокупностью общественных отношений этого и не требуется. В условиях социалистического общества круг общественных отношений, субъектом которых выступает индивид, достаточно широк и практически неограничен. Характерно, что в буржуазном праве не возникало сомнений насчет вещественной сущности человека. Например, известный цивилист Н. Л. Дювернуа писал: «В смысле естественного, природного явления и сам человек будет, взятый независимо от культурных воззрений той или другой исторической эпохи, представлять собой такой же объект внешнего мира, такую же вещь, какую нам являются и другие вещи внешнего мира» (Дювернуа Н. Л. Чтения по гражданскому праву. Введение и общая часть. СПб, 1898, т. 1, с. 548).

этого субстрата⁸. Между тем в юридической литературе такое различие, выделение в человеке его биологической и социальной сторон проводится не всегда. Некоторые авторы, в частности, возражая против ограничения половой свободы женщины (допущением или недопущением в отношении себя чужого полового чувства), отмечают, что в таком случае женщина сводится к объекту половых отношений, в то время как предоставление ей половой свободы предполагает, что она является полноправным субъектом этих отношений. Но все дело в том, что женщина в этом случае является одновременно и объектом общественного отношения. Как личность она есть субъект общественного отношения. Как биологическое существо женского пола она является объектом общественного отношения. В этом своем качестве женщина выступает предметом посягательства.

М. К. Аниязц, например, не различает в человеке его биологическую и социальную сущность. Это приводит к тому, что объектом посягательства на личность он считает личность и общественные отношения⁹. Такое определение объекта посягательств против личности неудачно, так как личность и есть общественные отношения. Указание еще раз на общественные отношения, хотя и «в целом», ничего не прибавляет к этому понятию.

На практике это приводит к неправильному определению и характеристике объектов некоторых преступлений. Например, в учебной литературе объектом изнасилования нередко называют половую неприкосновенность женщины¹⁰. Между тем взрослая женщина в половом отношении не является неприкосновенной. И поскольку большинство посягательств при изнасиловании совершается в отношении взрослых женщин, то очевидно, что объектом этих преступлений является не половая неприкосновенность, а половая свобода женщины. Половая

⁸ См.: Тугаринов В. П., с. 76. О человеке как о ценностном предмете говорят и другие философы (см.: Дробницкий О. Г. Мир оживших предметов. М., 1967, с. 294).

⁹ «Вместе с личностью человека, — пишет М. К. Аниязц, — объектом этих преступлений являются общественные отношения социального общества в целом» (Аниязц М. К., с. 18).

¹⁰ См.: Уголовное право. Часть Особенная. М., 1968, с. 226—227; Советское уголовное право. Часть Особенная. М., 1973, с. 248.

неприкосновенность является объектом только в случае посягательства на женщину, не достигшую брачного возраста.

В посягательствах на личность и многих других преступлениях, связанных с посягательствами на личность, необходимо различать личность как совокупность общественных отношений и человека как живое биологическое существо.

Наиболее четко это различие выступает при посягательствах на жизнь или здоровье. При совершении этих посягательств действия виновного характеризуются направленностью на нарушение функций или анатомической целостности важных органов человека (предмет). Обобщение судебной практики Верховного Суда РСФСР, — отмечает С. В. Бородин, — показывает, что при умысле на убийство действия виновного чаще всего направлены на нарушение анатомической целостности головы, шеи, левой стороны груди, области голени, левого и правого пахов¹¹. Эти органы человеческого тела и выступают предметом названных посягательств.

Направленность преступного воздействия на определенные предметы обнаруживает направленность посягательства на конкретный объект. Например, нанесение удара ножом в руку или в ногу может свидетельствовать о посягательстве не на жизнь, а на здоровье. Это обстоятельство требует выявления направленности преступного воздействия на определенный предмет независимо от того, назван ли он в диспозиции уголовно-правовой нормы.

Некоторые составы преступлений отличаются тем, что в них называется определенный, конкретный предмет преступления. Например, государственный герб (ст. 190² УК), телеграфный кабель (ст. 205 УК). В других составах преступлений предметом выступают разные вещи, но имеющие сходное или аналогичное назначение, например, документы, штампы, бланки, печати (ст. 195, 196 УК). Имеются и такие составы преступлений, в которых предметом преступления выступают предметы различного вида и относящиеся к различным родовым группам. Например, при разбое преступное

¹¹ См.: Бородин С. В. Квалификация убийства по действующему законодательству. М., 1966, с. 231.

воздействие оказывается на психику или на тело человека и на имущество. Аналогичное положение возникает при бандитизме, хулиганстве и некоторых других преступлениях. Иногда одна и та же вещь может быть предметом преступного воздействия разнообразных деяний. Например, золото может быть предметом нарушения правил о валютных операциях (ст. 88 УК), спекуляции (ст. 154 УК), хищения (ст. 89—93¹ или 144—147 УК) и нарушения правил сдачи государству (ст. 167 УК).

Приведенные примеры показывают, что определение видовой принадлежности предмета преступления не имеет решающего значения для установления объекта посягательства. Он носит подчиненный и зависимый характер. Вместе с тем представление о видовом предмете преступления облегчает установление того общественного отношения, которое существует по поводу этого предмета и которое выступает объектом преступления.

Предмет преступления является в этом случае своего рода исходным моментом, отправным пунктом, позволяющим выявить объект. Значение предмета здесь состоит в том, что сущностью предмета в известной мере определяется и круг возможных общественных отношений, существующих по его поводу. Круг этот в некоторых случаях бывает более или менее узким, а иногда по поводу предмета может существовать только определенное общественное отношение (таковы, например, тело человека, дикие звери, растения и т. п.). В настоящее время не являются объектом отношений собственности такие предметы, как дикие звери, птицы в лесах, рыба в естественных водоемах.

Предметы преступления и их классификация в этом смысле могут выполнить ту роль, которую авторы, признающие вещи (предметы, имущество) непосредственным объектом преступления, возлагают на него — быть конкретным, вещественным ориентиром, облегчающим на практике поиск объекта преступления. Дать работникам органов правосудия такой ориентир — задача большой практической важности. Однако при этом следует опасаться вместе с водой выплеснуть и ребенка. Отказ от выделения и самостоятельного исследования предмета преступления как раз ведет к этому. Признание предмета преступления его объектом скрывает

социальную сущность и опасность преступления, затрудняет возможность дать ему правильную политическую и юридическую оценку.

Установление предмета преступления, таким образом, является первым шагом на пути к отысканию того общественного отношения, которое является объектом преступления. Предмет уже с самого начала обнаружения преступления в значительной мере дает основание говорить о характере посягательства, его способах и направленности на определенный объект. Наряду с другими признаками состава преступления, правильное представление о его предмете создает более полную картину преступления, помогает выявить его особенности, облегчает отыскание того общественного отношения, которое было объектом посягательства, и уголовно-правовой нормы, предусматривающей ответственность за его совершение.

Важное значение для выявления объекта посягательства и квалификации деяния имеет и особый, выделяемый законом и определяемый подзаконными актами правовой режим некоторых видов предметов преступления.

Основаниями для установления особого правового режима в отношении тех или иных предметов преступления служат их физические, химические или иные особые свойства либо их хозяйственно-экономическое назначение, в связи с которыми существуют, возникают или могут возникнуть соответствующие общественные отношения. Из множества существующих предметов, в отношении которых установлен особый правовой режим, уголовный закон выделяет валютные ценности (ст. 88 УК), оружие (ст. 218 УК), наркотические вещества (ст. 224—226 УК), сильнодействующие и ядовитые вещества (ст. 226² УК), порнографические предметы (ст. 228 УК) и некоторые другие.

Особый правовой режим в отношении перечисленных предметов устанавливается в целях обеспечения и охраны общественной безопасности, физического и нравственного здоровья населения и других важных общественных отношений. Перечень таких предметов, равно как и ограничение и контроль за их приобретением, потреблением, использованием или сбытом (режим) не остается неизменным. Развитие социальных условий

жизни вызывает необходимость постоянного его совершенствования. При этом изменению подвергается и сам режим, и перечень предметов, в отношении которых он необходим. Данные изменения, в свою очередь, влекут за собой изменения в уголовном законодательстве и практике его применения. Например, правовой режим валютных ценностей определяется, главным образом, Указом Президиума Верховного Совета СССР от 30 ноября 1976 г. «О сделках с валютными ценностями на территории СССР»¹².

В ст. 1 Указа содержится полный перечень предметов, относящихся к валютным ценностям. К ним не относятся, в частности, ювелирные и бытовые изделия из золота, серебра, платины и других драгоценных металлов и драгоценных камней, равным образом, как и лом таких изделий. Следовательно, совершение различных сделок по поводу предметов, исключенных из перечня валютных ценностей, не образует нарушения правил о валютных операциях (ст. 88 УК). Наибольшего внимания в установлении в отношении их особого правового режима требуют источники повышенной опасности. Имеется достаточно оснований для установления ограничений в приобретении и использовании таких источников повышенной опасности, как автотранспортные средства. Постоянное и значительное увеличение числа автотранспортных средств ведет к увеличению числа дорожно-транспортных происшествий в стране, к гибели на дорогах многих людей.

Особо высока общественная опасность использования автотранспортных средств лицами, находящимися в нетрезвом состоянии. Поэтому, наряду с уголовной ответственностью за нарушения правил использования названных источников повышенной опасности (ст. 211—211¹ УК), целесообразно установить ограничения в приобретении и использовании автотранспортных средств для отдельных категорий лиц.

О большой общественной опасности нарушения правил использования автотранспортных средств свидетельствует и санкция статьи, предусматривающей ответственность за нарушение правил дорожного движения, повлекшее смерть потерпевшего: по ч. 2 ст. 211

¹² См.: Ведомости Верховного Совета СССР, 1976, № 49, ст. 712.

УК деяние наказывается лишением свободы на срок до 10 лет. Для сравнения отметим, что неосторожное причинение смерти в иных случаях по ст. 106 УК наказывалось лишением свободы на срок до 3 лет.

Устанавливая такую санкцию ч. 2 ст. 211 УК, законодатель, очевидно, наряду с другими факторами, имел в виду и большую распространенность автотранспортных средств. Но если распространенность данного вида источника повышенной опасности так существенно угрожает общественной безопасности, то ее необходимо в разумных пределах ограничить.

В связи с этим мы предлагаем установить ограничения в приобретении и использовании автотранспортных средств для трех категорий лиц: а) страдающих психическими заболеваниями, б) злоупотребляющих спиртными напитками или наркотическими веществами и в) судимых за тяжкие преступления, совершенные с использованием принадлежащих им транспортных средств. Устанавливаемый в отношении определенных предметов правовой режим оказывает влияние на квалификацию деяния и на содержание многих уголовно-правовых понятий, институтов. В частности, действующее уголовное законодательство СССР и союзных республик, наряду с нормами об ответственности за хищение имущества, содержит уголовно-правовые нормы об ответственности за хищение оружия, наркотических веществ и некоторых других предметов.

В этой связи практически важно выявить соотношение понятий «хищение имущества» и «хищение предметов, в отношении которых установлен правовой режим», и ответить на вопрос, применимо ли общее понятие хищения имущества к хищениям оружия, наркотических веществ, порнографических и других предметов. Хищением обычного имущества по советскому уголовному праву признается безвозмездное, корыстное, противоправное его изъятие из фондов социалистических организаций и обращение в свою пользу или передача в пользование третьим лицам. Безвозмездность, корыстность и противоправность изъятия являются основными признаками хищения обычного имущества. Только все в совокупности они характеризуют деяние как посягательство на отношения собственности. Отсутствие хотя бы одного из них свидетельствует о том, что в действи-

ях лица нет признаков хищения социалистического или личного имущества¹³. В этом проявляется особенность преступлений против собственности и значение общего понятия хищения имущества.

Анализ сущности хищений оружия и наркотических веществ, а также следственной и судебной практики по этой категории уголовных дел показывает, что названные деяния не обладают всеми признаками, присущими хищениям обычного имущества. Прежде всего для хищения оружия или наркотических веществ не характерен корыстный мотив, под которым мы понимаем стремление к неправомерному получению материальной выгоды без затрат общественно полезного труда. Поскольку в этих случаях посягательство направлено на завладение предметами, которые обладают особыми свойствами и в отношении которых установлен особый правовой режим, постольку виновный действует не в силу корыстных устремлений, не из-за материальной выгоды.

Не меняет сути дела тот факт, что хищение наркотических веществ во многих случаях совершается с целью их последующего сбыта. Общественная опасность этих деяний заключается, главным образом, не в неправомерном обогащении виновного лица и не в том, что этим собственник лишается своих правомочий. Этот социальный вред при таких посягательствах является второстепенным. В основном их общественная опасность заключается в том, что эти деяния создают угрозу общественной безопасности либо в результате использования, потребления наркотических веществ причиняется тяжкий вред здоровью населения.

Бесконтрольное распространение оружия или наркотических веществ создает угрозу общественной безопасности и здоровью населения, поэтому для основания ответственности за хищение этих предметов не имеет значения мотив совершения преступления.

По этим же основаниям для хищения оружия или наркотических веществ не обязателен признак безвозмездности их изъятия. Возмещение стоимости этих предметов при их незаконном изъятии не меняет социальной сути этих посягательств, поскольку и в этом слу-

¹³ См.: Постановление Президиума Верховного Суда Якутской АССР по делу Ледовского.— Бюллетень Верховного Суда РСФСР, 1979, № 2, с. 15.

чае создается угроза общественной безопасности и причинения вреда здоровью населения.

Поэтому включение некоторыми авторами в число признаков хищения наркотических веществ также и признака безвозмездности необоснованно¹⁴. Введение данного признака в понятие хищения наркотических веществ привело бы к тому, что многие случаи хищений неоправданно остались бы за его пределами, а само понятие не могло бы выполнить роли научного и практического инструмента.

В отличие от хищения обычного имущества, хищение наркотических веществ не зависит от количества похищенного. Пленум Верховного Суда в постановлении от 26 сентября 1975 г. № 7 «О судебной практике по делам о хищении наркотических веществ, незаконном изготовлении и распространении наркотических, сильнодействующих и ядовитых веществ» разъяснил, что для ответственности за хищение наркотических веществ не имеет значения их количество¹⁵. Такое решение обосновывается тем, что бесконтрольное потребление любого количества этих веществ наносит огромный вред здоровью людей. Между тем на практике не всегда привлекаются к уголовной ответственности лица, виновные в хищении или сбыте наркотических веществ в небольшом количестве¹⁶.

В отличие от хищения обычного имущества, квалификация хищения оружия или наркотических веществ не зависит также от источника или принадлежности этих предметов. Одинаковое юридическое значение имеет хищение оружия или наркотических веществ как из фондов социалистических организаций, так и у граждан¹⁷. В упомянутом выше постановлении Пленум Верховного Суда СССР разъяснил, что ответственность за хищение наркотических веществ наступает в случаях незаконного изъятия их не только из государственных или общественных организаций и учреждений, но и у граждан, владевших ими законно или незаконно¹⁸.

¹⁴ См.: Левицкий Г. Ответственность за хищение наркотических веществ.— Соп. законность, 1976, № 3, с. 53.

¹⁵ См.: Бюллетень Верховного Суда СССР, 1975, № 6, с. 19.

¹⁶ См. там же, 1976, № 5, с. 30.

¹⁷ См. там же, с. 31.

¹⁸ См. там же, 1975, № 6, с. 18.

В силу этих особенностей хищение предметов, в отношении которых установлен особый правовой режим, ответственность за которое особо выделена в законодательстве, должно иметь и особое юридическое определение.

На наш взгляд, хищение оружия или наркотических веществ можно определить как неправомерное изъятие этих предметов из фондов социалистических организаций или из владения частных лиц с целью их потребления или использования самим виновным или другими лицами.

Таким образом, хищение оружия и наркотических веществ характеризуется главным образом двумя признаками: противоправностью их изъятия и целью использования. Введение этого последнего в признаки хищения необходимо для отграничения его от хищения обычного имущества, иных преступлений, а также от различного рода юридических и фактических ошибок.

Различаются анализируемые преступления и по форме их законодательной конструкции. В отличие от хищений обычного социалистического или личного имущества, статьи об ответственности за которые содержат «материальные» составы преступлений, статьи об ответственности за хищение оружия, наркотических веществ и иных предметов, в отношении которых установлен особый правовой режим, содержат «формальные» составы преступлений. Эти деяния посягают на общественную безопасность или здоровье населения и причиняемый ими в сферах их непосредственных объектов социально опасный вред не является необходимым, обязательным признаком состава преступления. Последствия этих преступлений находятся за пределами состава преступления. Вменению и доказыванию эти последствия не подлежат.

Это, однако, не касается размера хищения и стоимости похищенных предметов. Эти признаки преступления должны быть точно установлены, доказаны и вменены виновному.

В силу названных особенностей статья 218¹ УК не содержит такого квалифицирующего признака, как крупный размер, а крупный размер в ч. 3 ст. 224¹ УК имеет совершенно иное содержание, чем крупный размер при хищении обычного имущества.

3. Взаимосвязь предмета преступления с объектом и объективной стороной

Рассмотрение сущности и содержания общественных отношений (объекта) показывает, что предмет преступления представляет собой совокупность его сторон, свойств. Практически важным является также вопрос о том, в какой взаимосвязи находятся предмет и объект преступления, является ли предмет обязательным или только факультативным признаком состава преступления. Далее важно также выяснить, в каком соотношении и взаимосвязи находится предмет с объективной стороной преступления. Вопрос о том, к объекту или к объективной стороне относится предмет преступления, долгое время дискутировался в юридической литературе, но не решен и до сих пор.

Все разнообразие взглядов на предмет преступления и его соотношение с объектом посягательства можно свести к двум разновидностям. Сторонники одной из них отождествляют предмет и объект, полагая, что непосредственный объект и есть предмет преступления¹. Другой взгляд на предмет преступления, разделяемый большинством криминалистов СССР и социалистических стран, состоит в их различии, в признании предмета преступления субстратом общественного отношения, существующего по поводу этого предмета².

Если исходить из того, что предмет преступления является совокупностью сторон, свойств объекта преступления, материальным выражением общественного отношения, выступающего объектом посягательства, то обоснованной является вторая точка зрения. Отождествление предмета преступления с его объектом вызывает возражение. В отличие от предмета, в качестве которого выступают реальные материальные объекты или существа, конкретные вещи реального мира, имеющие вес, цвет, стоимость, пол, возраст, конкретное наименование и

¹ См.: Прионтовский А. А., с. 141, 143.

² См.: Трайнин А. Н. Общее учение о составе преступления, с. 178; Загородников Н. И., с. 51; Кудрявцев В. Н. О соотношении объекта и предмета преступления, с. 70; Кригер Г. А. Борьба с хищениями социалистического имущества, с. 59; Полячек Ф., с. 80; Гельфер М. А. Объект преступления, с. 13; Федоров М. И., с. 193; Курс советского уголовного права. Часть Общая. ЛГУ, 1968, т. 1, с. 303.

другие признаки и особенности, объект преступления является социальной связью, отношением между людьми. Предмет— это конкретная вещь, объект же — социальное отношение по поводу вещи. Эти особенности не позволяют отождествить эти два различных в своей сущности явления. Они не только не тождественные в своей сущности, но и, как было показано выше, имеют различное уголовно-правовое значение.

Прежде всего различие предмета и объекта преступления состоит в том, что они различны по своей природе. Объект преступления — это определенные общественные отношения, которые по своей природе и сути чисто социальное явление. Они возникают и существуют только в обществе как непереносимое условие человеческого общежития. Общественные отношения невозможны вне общества и общество немислимо без этих отношений. Кроме этой социальной природы и социальной сущности общественные отношения ничего не имеют и ни в чем ином не проявляются.

Предмет преступления по своей природе характеризуется физической, вещественной сущностью. Это всегда определенный материальный (вещный) объект, по поводу которого возникают и существуют отношения между людьми.

Общественные отношения определенного вида как объект уголовно-правовой охраны характеризуются стабильностью своего существования, определенным постоянством, хотя в индивидуальном своем проявлении они во многих случаях изменяются или ликвидируются. Например, отношения собственности как определенный вид отношений неизменны, хотя отдельные отношения этого вида могут изменяться, отмирать или возникать вновь. Изменения в общественных отношениях всегда носят только социальный характер.

Предмет преступления, напротив, может быть изменен только в своей физической, вещной сущности, он может быть уничтожен или поврежден только физически. Повреждением предмета преступления причиняется социальный вред только через изменение общественных отношений, существующих по его поводу.

Различия между объектом и предметом преступления состоит еще и в том, что преступное посягательство всегда причиняет вред объекту, тогда как предмет пре-

ступления в большинстве случаев не повреждается³. За исключением преступлений против личности, причиняемый предмету посягательства вред может быть устранен или возмещен. Поврежденную вещь можно восстановить, уничтоженную заменить новой либо возместить ее стоимость. Затруднение в устранении вреда, причиняемого предмету преступления, возникает только в случае уничтожения индивидуально определенной или уникальной вещи.

Причиняемый объекту преступления вред, напротив, по общему правилу неустраним или его возмещение, устранение крайне затруднительно. Невозможно, например, устранить вред, причиненный здоровьем, чести или достоинству как невозможно восстановить нарушенную половую свободу или разглашенную тайну. Нельзя также устранить вред, причиняемый преступлением интересам правосудия, интересам государственного или общественного управления и некоторым другим общественным отношениям.

Если исходить из того, что преступление причиняет четыре вида социально опасного вреда: а) имущественный, б) физический, в) моральный и г) политический, то на уровне объекта преступления возмещением может быть только вред имущественный. Физический, моральный и политический вред от преступления устранить или возместить невозможно.

Хотя предмет преступления, по общему правилу, не терпит вреда от преступления, однако здесь нет той абсолютной его неуязвимости, о которой говорит Ф. Полячек. Утверждение о том, что вещь не меняется с изменением общественных отношений, и общественные отношения не меняются с изменением вещи, которая является их субстратом⁴, не является верным для всех случаев, оно не универсально. В некоторых случаях, действительно, вещь не меняется с изменением общественных отношений. Например, при хищениях имущества вещи не теряют своих хозяйственно-экономических цен-

³ Т. Л. Сергеева различает объект и предмет по характеру причиняемого им вреда. «...Именно в характере причиненного ущерба, если он причинен, или в отсутствии вообще какого-либо ущерба следует усматривать главное отличие предмета преступления от его объекта» (Сергеева Т. Л., с. 40—41).

⁴ См.: Полячек Ф., с. 81.

ностей и продолжают удовлетворять потребности похитившего их лица. Однако этого нельзя сказать в случае, например, уничтожения имущества. С уничтожением вещи исчезает и отношение собственности, которое существовало по ее поводу. То обстоятельство, что собственник имеет право на возмещение вреда, и действительное его возмещение не меняет сути дела, так как отношение собственности по поводу уничтоженной вещи не может быть восстановлено.

Предмет преступления нельзя отождествлять с общественным отношением (объектом), но их нельзя и противопоставлять, ибо предмет есть материальное выражение общественных отношений, определенные их стороны и свойства. Вещи не существуют вне отношений и их нельзя изолировать от отношений⁵.

М. А. Гельфер обоснованно отметил, что хотя предмет преступления и является составной частью объекта, однако при каждом новом преступлении предмет принимает новый вид, обрастает новыми признаками, которыми его наделяет законодатель при конструировании того или иного состава преступления, а потому его нельзя смешивать и отождествлять с объектом, ибо предмет является самостоятельным определенным юридическим понятием⁶.

Выяснение сущности объекта и предмета преступления и их соотношения (взаимосвязи) позволяет, по нашему мнению, дать ответы на многие практические вопросы. Прежде всего признаки предмета преступления во многих случаях позволяют выявить объект посяательства. Например, иногда возникают затруднения при квалификации подделки или сбыта поддельных облигаций государственных займов и государственных лотерейных билетов⁷. Между тем подделка билетов денежно-ве-

щевой лотереи не причиняет вреда в сфере отношений государственного кредитования, так как при получении «выигрыша» такой билет предъявляется в сберкасса, следовательно, он не попадает в обращение. Кроме того, билеты денежно-вещевых или иных лотерей не обеспечиваются государством как ценные бумаги, потому их подделка и использование образует только посяательства на отношения собственности. Эти признаки предмета преступления как раз и позволяют отграничить хищение социалистического имущества путем мошенничества (ст. 93 УК) от фальшивомонетничества (ст. 87 УК).

Всякое материальное общественное отношение имеет свой материальный объект, по поводу которого оно возникло и существует. Как невозможна мысль без мозга, так и общественное отношение немислимо без своего субстрата — определенного блага, явления⁸. И. С. Самошенко правильно заметил, что противопоставление объекта предмету, или наоборот, недопустимо. «Между тем, — пишет И. С. Самошенко, — отрыв предмета правонарушения от его объекта встречается довольно часто, вследствие чего сам объект правонарушения превращается в нечто эфемерно-бестелесное, терпящее вред от правонарушений лишь в конечном счете, так сказать, лишь в идее, в понятии»⁹.

Общественные отношения возникают между людьми по поводу вещей, явлений или в связи с ними. К. Маркс, например, рассматривал капитал как общественные отношения между людьми через посредство вещей, как историческое производственное отношение¹⁰. Говоря о роли вещей и предметов во взаимоотношении людей, Ф. Энгельс отмечал, что «...политическая экономия имеет дело не с вещами, а с отношениями между людьми... но эти отношения всегда связаны с вещами и проявляются как вещи»¹¹.

⁵ Наличие в каждом общественном отношении его объекта (материального или идеального) вовсе не означает, что всякое преступление совершается путем воздействия на его предмет. Многие преступления совершаются путем воздействия на другие стороны общественных отношений и поэтому они могут быть условно названы «беспредметными».

⁶ Самошенко И. С., с. 121.

⁷ См.: Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., т. 13, с. 7.

⁸ Там же, с. 498.

⁵ См.: Уемов А. И., с. 67.

⁶ См.: Гельфер М. А. Некоторые вопросы общего учения об объекте преступления в советском уголовном праве, с. 56.

⁷ См.: Определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда УССР от 12 марта 1971 г. — Радянське право, 1971, № 6, с. 107 (в данном определении Судебная коллегия указала, что подделка билетов денежно-вещевой лотереи и получение по ним выигрыша образует хищение государственного имущества путем мошенничества); Постановление Пленума Верховного Суда СССР по делу Гурского и др. от 24 февраля 1977 г. — Бюллетень Верховного Суда СССР, 1977, № 4, с. 22.

Общей методологической основой выявления соотношения предмета и объекта преступления служит марксистско-ленинская диалектика сущности и явления. В этой взаимосвязи объект является сущностью взаимоотношений людей в обществе, а предмет — проявлением или выражением этой сущности. Вместе с тем взаимосвязь объекта с предметом характеризуется некоторыми особенностями. В марксистской философии выделяется три таких особенности: относительность, качественность и вещьность. Относительность вещей проявляется в том, что они не существуют вне отношений к другим вещам. Вещь невозможно изолировать от отношений. Качественность вещей и отношений состоит в том, что вещь неотделима от своих качеств. Качественность вещи означает также качественность отношения. Вещность отношений заключается в том, что они не могут существовать вне и независимо от вещей. Категории вещи, свойства и отношения тесно связаны друг с другом и переходят друг в друга¹².

Эти общие философские положения позволяют выявить соотношение и взаимосвязь предмета и объекта преступления. Предмет преступления как разновидность вещей, материальных объектов может существовать только в каком-то определенном общественном отношении и это последнее не может существовать вне и независимо от материальной или идеальной вещи. Вместе с тем имеются и такие материальные объекты, которые находятся вне сферы общественных отношений. В марксистской философии признается, что субъект осваивает не бесконечный и безграничный материальный мир вообще, а лишь те его части, стороны, свойства, которые он превращает в объект деятельности и потому, что располагает соответствующими практическими и теоретическими способами действия. Предметы объективного мира остаются «вещами в себе» до тех пор, пока они не охвачены человеческой деятельностью, и лишь последняя превращает их в «вещи для нас»¹³. Находящиеся вне сферы человеческой деятельности материальные объекты находятся вместе с тем и вне общественных от-

¹² См.: Уемов А. И., с. 67—71, 175.

¹³ См.: Арефьева Г. С., с. 51—52; Василевская Э. Г. Освоение Луны: некоторые перспективы правового регулирования. — Сов. государство и право, 1971, № 4, с. 92.

ношений. Таковы, например, небесные тела, некоторые отходы производства и т. п.

Таким образом, приходим к выводу, что отрыв предмета преступления от объекта нельзя признать обособленным. Предмет и объект преступления между собой тесно взаимосвязаны. Тесная связь, которая существует между этими двумя явлениями, показывает, что путем изменения вещи, предмета можно изменить и общественные отношения. Социально опасный вред во многих случаях может быть причинен путем воздействия на определенный предмет. Например, при посягательствах на личность (убийство, причинение вреда здоровью и т. п.) деяние может быть совершено только путем определенного воздействия на человека как живое биологическое существо. Иначе эти преступления совершены быть не могут.

Взаимосвязь предмета с объектом не однозначна и во всех случаях не тождественна. Поскольку предмет преступления есть совокупность сторон, свойств общественного отношения, то оно проявляется в отдельных случаях различными сторонами. Иногда это материальная вещь, объект общественного отношения, а в некоторых случаях предметом преступления выступает субъект общественного отношения. Этим-то и определяются различные виды связей предмета и объекта. Вместе с тем все разнообразие связей предмета с объектом преступления может быть сведено к двум разновидностям.

1. Предмет преступления выступает материальной вещественной стороной общественного отношения. Таковы, например, отношения собственности, возникающие и существующие по поводу вещей (имущества), отношения управления, возникающие по поводу выдачи, изготовления и использования документов, земельных участков и др.

2. Предмет преступления выступает в качестве субъекта общественного отношения и является одной из сторон этой социальной связи. Таковы общественные отношения личности во всей их совокупности.

В литературе было высказано мнение о существовании трех видов связи предмета с объектом. Например, авторы учебника по уголовному праву ГДР полагают, что: а) отношение предмета к объекту может состоять в том, что он является материальным условием

существования общественного отношения; б) предмет может быть объективным вещественным выражением существующего общественного отношения; в) так как общественные отношения представляют собой отношения между людьми и под действием людей переходят в явления, то преступник может поражать общественные отношения, воздействуя на людей. Предметом преступления в отдельных случаях может быть тело и психика человека (убийство, сопротивление представителю власти)¹⁴. Однако нетрудно увидеть, что, по существу, между связью первого и второго вида нет различий.

Некоторые авторы называют третьим видом связи предмета с объектом форму закрепления общественного отношения (деньги, документы и т. д.)¹⁵. Однако внимательный анализ этого положения показывает, что форма закрепления общественного отношения сама по себе не является ни общественным отношением, ни его стороной и потому не может быть объектом преступления. Отсюда вытекает, что нет необходимости отыскивать и устанавливать связь между предметами, в которых закрепляются общественные отношения, и объектом преступления.

Вместе с тем необходимо иметь в виду, что в деньгах, документах проявляются общественные отношения, в которых названные и другие подобные вещи выступают в качестве материального объекта. В таких общественных отношениях деньги (в отношениях собственности) и документы (в отношениях управления, хозяйствования) являются материальным выражением этих общественных отношений. В этом случае предмет и объект преступления находятся в связи первого рода. Следовательно, все разнообразие связей предмета преступления с его объектом может быть сведено к двум разновидностям.

Тесная взаимосвязь предмета с объектом преступления вместе с тем не исключает известной самостоятельности предмета. В этом проявляется динамика общественной жизни, постоянное изменение, прекращение и возникновение общественных отношений. Общественные отношения по поводу одного и того же предмета, вещи могут часто меняться, даже по несколько раз в день.

¹⁴ См.: Lehrbuch des Strafrechts der DDR, S. 323—324.

¹⁵ См.: Никифоров Б. С. Объект преступления по советскому уголовному праву, с. 125; Кудрявцев В. Н. Теоретические основы квалификации преступлений, с. 166.

Имущество, например, может переходить из личной собственности в государственную или общественную и наоборот. В этой связи уголовно-правовое значение имеет выявление того общественного отношения, которое проявляется в данных условиях места, времени и обстоятельств в конкретном предмете, вещи в момент совершения преступления, равно как и установление конкретного предмета, воздействуя на который, виновное лицо причинило вред объекту преступления. Так, личное имущество гражданина может в момент его хищения находиться на хранении (в производстве, на транспортировке и т. п.) у социалистической организации, лицо в данный момент не является должностным или представителем власти, что существенно меняет социальную сущность деяния и его квалификацию.

Признание предмета преступления совокупностью свойств, сторон, в которых проявляются общественные отношения, позволяет выяснить взаимосвязь предмета и с объективной стороной состава преступления. В литературе по этому поводу было высказано мнение, что вопрос о предмете, в отличие от объекта, имеет значение лишь как принадлежность объективной стороны некоторых преступлений¹⁶.

Отнесение предмета преступления к объективной стороне вызывает возражения и оно подвергнуто критике¹⁷. Однако критика этих взглядов была недостаточно обоснованной и последовательной.

Отнесению предмета преступления к объективной стороне способствовало, очевидно, то обстоятельство, что нередко одни и те же предметы выступали в сходных преступлениях то предметом преступления, то орудием его совершения. Отсутствие необходимых для этого критериев, недостаточное исследование проблемы порождало известную путаницу и приводило к смешению этих явлений. Например, Т. Л. Сергеева считает, что документ следует рассматривать предметом преступления во

¹⁶ См.: Прионтовский А. А., Меньшагин В. Д. Курс советского уголовного права. Особенная часть. М., 1955, т. 1, с. 376; Тихенко С. И. Борьба с хищениями социалистической собственности, связанными с подлогами документов. Киев, 1959, с. 49.

¹⁷ Например, М. А. Гельфер писал: «Отрыв предмета от объекта посягательства и отнесение его к объективной стороне преступлений нам представляется... неправильным» (Гельфер М. А. Объект преступления, с. 17).

всех случаях преступного воздействия на него: подлога, приписок, хищений и других преступлений¹⁸. Между тем это не всегда так. В одних случаях документ выступает в качестве предмета преступления (подлог, похищение), в других — средством совершения преступления, например, при мошенничестве, хищении путем злоупотребления служебным положением, уклонении от очередного призыва на военную службу.

Документ может быть предметом преступления только в том случае, когда он взаимосвязан с объектом, когда в нем проявляются те общественные отношения, на которые направлено посягательство. В иных случаях он ни в какой связи с объектом не состоит и не может признаваться предметом. Например, при совершении мошенничества, когда виновный подделывает документ, похищает его с целью последующего завладения государственным, общественным либо личным имуществом граждан, этот документ ни в какой связи с отношением собственности не состоит. Поэтому он и не может быть предметом преступлений, предусмотренных ст. 93 и 147 УК. При совершении этих преступлений документ используется виновным как необходимое средство совершения преступления. Поэтому он выступает здесь в качестве орудия преступления. Данное обстоятельство необходимо выделить потому, что использование документа в качестве орудия или средства совершения преступления не влияет на квалификацию деяния. Например, если лицо с помощью подложных документов незаконно получает пенсию, пособие или другие выплаты, то его действия надлежит квалифицировать только как хищение социалистического имущества путем мошенничества. Как вытекает из п. 5 Постановления Пленума Верховного Суда СССР от 11 июля 1972 г. № 4, ответственность за выдачу фиктивных документов несут только должностные лица, выдавшие подложный документ¹⁹.

В данном случае использование документа является составной частью деяния против собственности и потому оно охватывается нормой об ответственности за посягательство на отношения собственности и дополнительной квалификации по другим статьям УК не требует.

¹⁸ См.: Сергеева Т. Л., с. 41.

¹⁹ См.: Бюллетень Верховного Суда СССР, 1972, № 4, с. 10.

Иная ситуация возникает при воздействии на документ в тех случаях, когда в свойствах документа проявляются определенные общественные отношения, на изменение которых направлено посягательство. Например, при приписках (ст. 152¹ УК), должностном подлоге (ст. 175 УК), подделке документов, штампов, бланков и печатей (ст. 196 УК). В этих составах преступления документом признаются только такие, в которых закрепляются важные сведения, данные (о выполнении государственных производственных планов), либо официальные документы, выдаваемые государственными учреждениями, предприятиями или общественными организациями. По поводу выдачи, оформления и использования таких документов складываются и существуют особые общественные отношения, составляющие порядок управления, хозяйствования. Поскольку документ в этих случаях выступает в качестве материального объекта, определенной стороной такого общественного отношения, то он и является предметом преступления.

Это обстоятельство имеет существенное практическое значение, так как влияет на квалификацию деяния. Если при совершении преступления виновное лицо воздействует на документы, по поводу которых существуют особые общественные отношения, то содеянное образует преступление против этих отношений. Например, Пленум Верховного Суда СССР в Постановлении от 11 июля 1972 г. № 4 указал, что хищение государственных или общественных средств или иных ценностей по заведомо фиктивным документам, совершенное по сговору между должностными и частными лицами, должно квалифицироваться по совокупности преступлений: для должностных лиц — как хищение и должностной подлог, а для частных лиц — как хищение и в соответствующих случаях — как соучастие в должностном подлоге²⁰.

Такая квалификация обосновывается тем, что при наличии сговора на подделку и использование фиктивных документов частное лицо становится соучастником должностного подлога, так как такое деяние направлено не только против отношений собственности, но и против отношений, существующих в сфере деятельности государственного и общественного аппарата.

²⁰ См.: Бюллетень Верховного Суда СССР, 1972, № 4, с. 10.

Что касается использования документов в таких преступлениях, как контрабанда, уклонение от очередного призыва на действительную военную службу, мошенничество, то в этих случаях они являются не предметом преступления, а орудием его совершения. Нетрудно увидеть, что при таком отграничении предмета от средств, орудий совершения посягательства предметом преступления не может быть признано имущество при взяточничестве. Имущество, ценности при взяточничестве служат средством воздействия на должностное лицо и в этом смысле они ничем не отличаются от всякого иного орудия совершения преступления.

Следует, однако, иметь в виду, что, как было показано выше, предмет преступления является обязательным признаком не всякого преступления. Многие преступления не имеют непосредственного предмета воздействия, например, преступления, совершаемые путем бездействия. Следовательно, предмет преступления является факультативным признаком состава преступления. При совершении «предметного» преступления необходимо обязательно установить, на что или на кого оказал преступное воздействие субъект. В равной мере это применимо к антисоветской агитации, бандитизму, хищениям, хулиганству. Без установления предмета, на который было оказано виновным преступное воздействие, не может наступить уголовная ответственность за эти преступления.

Хотя во многих уголовно-правовых нормах нет указания на предмет преступления, однако это не колеблет высказанного положения. Там, где нет прямого указания на предмет преступления, он всегда подразумевается. Поскольку уголовно-правовая норма представляет собой правовую формулу, то предмет преступления в ней подразумевается не конкретно, а обобщенно. В то же время практическое применение уголовно-правовой нормы, ее реализация требует точной конкретизации предмета преступления. Это означает, что в предъявленном субъекту обвинении необходимо конкретно указать предмет преступления: кто (фамилия, пол, возраст, место жительства и т. п.) подвергался нападению, оскорблению, в отношении кого было совершено сопротивление, хулиганство, агитация или что, какой предмет, вещь (наименование, вес, стоимость и другие признаки и свой-

ства) был похищен, подделан, уничтожен и т. д. Без такой конкретизации предмета преступления правосудие немыслимо.

Таким образом, предмет преступления как совокупность отдельных сторон и свойств общественного отношения принадлежит объекту. Относить предмет преступления к объективной стороне нет оснований.

Вместе с тем предмет преступления находится в известном соотношении, взаимосвязи и с объективной стороной преступления. Эта взаимосвязь выступает в виде взаимодействия. Прежде всего он находится во взаимосвязи с действием. Преступное деяние в виде жестов, угрозы, нападения, оскорбления, хищения и некоторых иных его видов заключается в психическом или физическом воздействии на предмет преступления. Это воздействие, составляющее сущность, основу внешнего проявления таких преступлений, является связующим звеном между объектом преступления и объективной стороной.

Преступление, совершаемое путем действия, возникает, как правило, только там, где обнаруживается воздействие на предмет. Относительно этих преступлений можно сказать, что нет преступления без действия и нет преступления, если действие не направлено на предмет. Действие, в сущности, означает определенное воздействие на что-то. Только взаимодействие этих двух моментов — действие и его направленность на предмет преступления — образует основание для признания действия преступлением. Эти положения, однако, не применимы к преступлениям, которые условно можно назвать беспредметными. Бездействие во многих случаях как раз означает, что субъект не оказал определенного воздействия на материальный объект, хотя на нем лежала правовая обязанность сделать это.

Предмет преступления, таким образом, находится в известной связи с объективной стороной преступления. Особенности и свойства предмета во многих случаях определяют содержание объективной стороны, так как «характер деятельности субъекта существенно зависит от особенностей объекта»²¹. Например, отчетные данные о выполнении производственных планов (ст. 152¹ УК) могут быть искажены внесением в них различного рода

²¹ Арефьева Г. С., с. 55.

прилисок, изменений, крепкие спиртные напитки получают только путем перегонки (ст. 158 УК)²², дикие звери добываются незаконной охотой с использованием оружия, автомототранспортных средств или особых приспособлений (ст. 166 УК), вред лесному хозяйству причиняется путем незаконной порубки леса (ст. 169 УК), надругаться над государственным гербом или флагом тоже можно только определенным способом (ст. 190² УК), равным образом, как и изготовить или подделать документ, бланк, штамп или печать (ст. 196 УК).

Именно предметом преступления в большинстве случаев определяется выбор способа и орудий воздействия на него²³.

Вместе с тем преступными признаются не все способы воздействия на предмет преступления, а только те из них, которые угрожают и причиняют объекту существенный вред. Например, изготовление, ношение или сбыт кинжалов, финских ножей или иного холодного оружия образует преступление (ч. 2 ст. 218 УК). Хранение же этих предметов состава преступления не образует²⁴. Предмет во многих случаях предопределяет и преступные последствия, являющиеся одним из основных признаков объективной стороны преступления. Например,

²² См.: п. 4 постановления Пленума Верховного Суда СССР от 12 января 1973 г. № 2 «О судебной практике по делам об изготовлении, сбыте, хранении крепких спиртных напитков домашней выработки». — В кн.: Сборник постановлений Пленума Верховного Суда СССР 1924—1977. М., 1978, ч. 2, с. 232.

²³ Мы не можем согласиться с Б. С. Никифоровым и В. Н. Кудрявцевым в том, что способ и орудия совершения преступления определяются только свойствами объекта преступления (см.: Никифоров Б. С. Объект преступления по советскому уголовному праву, с. 137; Кудрявцев В. Н. Теоретические основы квалификации преступлений, с. 178). Утверждение о том, что посягательство на некоторые общественные отношения может быть совершено только определенными способами, в общем виде, безусловно, верно. В самом деле, как отмечает В. Н. Кудрявцев, нельзя совершить поджог путем неуплаты алиментов. Однако при ближайшем рассмотрении обнаруживается, что способ и орудия совершения преступления при посягательстве на один и тот же объект применяются различные в зависимости от особенностей предмета преступления. Например, кража строительных материалов требует применения иных средств и способов, чем хищение денег или драгоценностей.

²⁴ См.: Определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РСФСР от 26 июня 1973 г. по делу Маргацкого. — Бюллетень Верховного Суда РСФСР, 1974, № 1, с. 12.

убийство предполагает лишение жизни только человека, разглашение тайны означает разглашение сведений секретного характера, нарушение правил о валютных операциях касается только валютных ценностей, причинение имущественного ущерба возможно только в связи с определенными деяниями в отношении имущества и т. д.

Во многих преступлениях предмет, таким образом, является связующим звеном между объектом преступления и объективной стороной, так как следствие принадлежит одновременно и действию, и объекту.

ПРЕСТУПНЫЕ ИЗМЕНЕНИЯ В ОБЪЕКТЕ ПОСЯГАТЕЛЬСТВА

1. Преступление — общественно опасное изменение общественных отношений¹

Преступный, социально опасный вред причиняется определенным поведением человека. Внутренним источником, побудительной силой преступного деяния являются потребности личности (как здоровые, нормальные, так и извращенные, ненормальные), удовлетворяемые общественно опасными, антиобщественными способами. Признание потребностей первопричиной преступного поведения имеет двойное уголовно-правовое значение. Во-первых, потребности определяют преступный интерес, противостоящий общественным интересам, во-вторых, потребности позволяют выявить целевую направленность и способы преступного изменения общественных отношений² и, таким образом, раскрыть социальную сущность преступного посягательства и причиняемого им общественно опасного вреда. Общим в удовлетворении потребностей выступает конкретная деятельность в виде воздействия субъекта на окружающие его объекты (предметы, вещи, людей). Поскольку нас интересует только общественно опасная деятельность, то мы имеем в виду и в дальнейшем будем говорить лишь о преступном воздействии субъекта на окружающие его материальные предметы и других субъектов общественных отношений. Удовлетворить потребность субъект может не иначе как только путем определенного воздействия

¹ Здесь, как и в предыдущем изложении, изменение общественных отношений понимается не в смысле замены одного вида другим, а изменение их в конкретном единичном проявлении, бытии.

² Основные положения «механизма» преступного нарушения объекта разработаны В. Н. Кудрявцевым, Е. А. Фроловым и другими советскими криминалистами (см.: Кудрявцев В. Н. К вопросу о соотношении объекта и предмета преступления, с. 52; Фролов Е. А. Автореф. докт. дис., с. 31—33).

на предметы, вещи, либо путем совершения определенного действия. Отсюда вытекает, что и преступное (общественно опасное) удовлетворение потребностей может быть достигнуто путем воздействия на определенные материальные объекты (предметы, вещи, людей) либо путем совершения действий, удовлетворяющих потребность деятеля.

Преступления против собственности, например, совершаются путем противоправного, безвозмездного, корыстного присвоения государственного, общественного или чужого личного имущества (хищения) либо путем уничтожения, повреждения имущества, что ведет к изменению отношений собственности. Преступление против личности совершается путем соответствующего воздействия на тело (телесные повреждения, лишение жизни, изнасилование, аборт и т. п.), на психику человека (угроза, оскорбление, клевета, хулиганство). При этом изменение различных общественных отношений нередко совершается путем воздействия на один и тот же предмет преступления. Например, воздействием на субъект отношения может быть причинен вред Советской власти и жизни (террористический акт, убийство); воздействием на вещь — отношениям собственности (хищения), социалистической системе хозяйства (браконьерство, лесонарушения); воздействием на психику — личности (оскорбление, клевета), правосудию (ложный донос), управлению (угроза). Общественные отношения всегда выступают в виде определенного социального поведения (отношения между людьми). Отмечая эту особенность общественных отношений, В. И. Ленин указывал, что «...исследуя *действительные* общественные отношения и их *действительное* развитие, я исследую именно продукт деятельности живых личностей»³. Эту связь или поведение людей преступление нарушает путем воздействия на участников отношения либо на материальные предметы, являющиеся выражением отдельных сторон, свойств общественных отношений.

— Нарушить, изменить общественные отношения можно опосредованно, путем воздействия на реальные, материальные предметы, вещи, людей, либо прямо, непо-

³ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 1, с. 427.

средственно, путем разрыва социальной связи. В. Н. Кудрявцев, например, полагает, что при сопротивлении представителю власти во время исполнения им возложенных на него обязанностей вред объекту преступления причиняется прямо, непосредственно, а при угрозе начальнику в связи с его служебной деятельностью — опосредованно⁴. На наш взгляд, и в том и в другом случаях вред объекту преступления причиняется не непосредственно, а опосредованно, путем соответствующего воздействия на конкретных лиц — носителей соответствующих общественных отношений. Различие обнаруживается только в способах этого воздействия. Механизм нарушения, изменения общественных отношений при этом аналогичен.

Всякое предметное преступление совершается путем воздействия субъекта на кого-то или на что-то. Большинство преступлений совершается путем соответствующего воздействия на определенный материальный объект (предмет, человека, животное, растение и т.п.). Исключение составляют только беспредметные преступления, совершаемые в большинстве случаев в виде бездействия, невыполнения социальной обязанности.

Причинить вред объекту преступления путем непосредственного воздействия на общественные отношения

⁴ Кудрявцев В. Н. Объективная сторона преступления. М., 1960, с. 148. Я. М. Браунинг высказал мнение, что в одних случаях преступление посягает на общественные отношения прямо, непосредственно (например, государственные преступления), а в других случаях через его материальное или иное выражение (см.: Браунинг Я. М. Уголовная ответственность и ее основание в советском уголовном праве, с. 168). С таким утверждением трудно согласиться, так как механизм преступного поведения не имеет различия при совершении государственных и иных преступлений. Например, диверсия в этом смысле ничем не отличается от умышленного уничтожения государственного имущества (ст. 98 УК) или от повреждения путей сообщения (ст. 86 УК). Б. С. Волков также полагает, что деяние проявляется в непосредственном физическом воздействии на предметы и явления внешнего мира, общественные отношения (см.: Волков Б. С. Проблема воли и уголовная ответственность. Казань, 1965, с. 12). Непонятно, однако, как можно непосредственно воздействовать на общественные отношения. В реальной действительности действие должно «опредметиться», найти материальный объект приложения. Иначе оно не действие, а мысль. Общественные отношения прямо, без какого-либо воздействия на материальные объекты, могут быть только разорваны, но непосредственность здесь лишь условная.

невозможно. Объект преступления как определенные общественные отношения недоступен для непосредственного воздействия на него. Объект — явление реальное, но не осязаемое. Это конкретная, определенная социальная связь между членами общества, обусловленная их совместным существованием, способом производства и распределения материальных благ и заключающаяся в определенном социальном поведении. Нарушить эту связь можно: а) путем воздействия на что-то материальное, вещественное, либо б) путем разрыва этой связи, т. е. путем изменения социально значимого поведения субъектов отношения.

Преступное нарушение общественных отношений может быть вызвано в любом из узловых пунктов этих отношений. Они повреждаются как воздействием на субъект отношения, так и на материальный объект, равно как и на условия, при которых могут существовать общественные отношения.

В свою очередь субъекты общественных отношений имеют две разновидности: а) один из участников отношения, выступающий действующим субъектом, и б) участник общественных отношений, выступающий объектом воздействия со стороны другого субъекта.

Сказанное позволяет выделить три разновидности преступного воздействия на элементы общественных отношений. Действующий субъект может: 1) изменить общественные отношения путем воздействия на вещь, предмет, по поводу которых они возникли, сложились и существуют (так причиняется социально опасный вред имуществомными преступлениями, преступлениями против собственности и др.), 2) изменить общественные отношения путем воздействия на тело участника общественных отношений (убийство, изнасилование, телесные повреждения и т.п.) либо на его психику (клевета, угроза, антисоветская агитация и т.п.), 3) нарушить общественные отношения изменением своего социального статуса путем исключения себя как участника данной социальной связи из отношения, разрывая его (так причиняется социально опасный вред при дезертирстве, уклонении от уплаты алиментов, от призыва на действительную военную службу и т.п.), либо путем неисполнения лежащей на нем обязанности, которая является содержанием общественного отношения.

Б. С. Никифоров признает обеспеченную правом возможность гражданам совершать определенные действия важнейшим элементом объекта правонарушения, той составной частью общественного отношения, против которого направлено правонарушение. «Механизм» же преступления при этом, по мнению Б. С. Никифорова, заключается в нарушении правомерной деятельности управомоченного лица — в лишении его возможности или в воспрепятствовании ему в реализации возможности осуществлять эту деятельность⁵.

Представляется, что в таком виде «механизм» совершения преступления не выявлен с достаточной полнотой, так как остается открытым вопрос о том, каким образом происходит нарушение обеспеченной возможности совершать определенные действия?

Признание деяния воздействием на различные стороны общественных отношений или их носителей позволяет показать связь объективной стороны преступления с объектом, взаимосвязь двух сторон объективного проявления преступного поведения. В этой взаимосвязи наглядно проявляется социальная суть преступного деяния, его общественная опасность, а также возможность и необходимость охраны общественных отношений уголовно-правовыми средствами. В отличие от признаваемого буржуазным уголовным правом «преступного состояния» как основания уголовной ответственности, подрывающего основы законности и правосудия и ликвидирующего остатки буржуазных свобод личности, советское уголовное право строится на марксистско-ленинском принципе возведения основания уголовной ответственности только за общественно вредоносные деяния.

В уголовно-правовом смысле действие включает в себя телодвижения и те силы, закономерности, которые субъект использует или учитывает при совершении преступления⁶. В общем это правильное положение нуждается в дополнении указанием на направленность действия. Деянием можно считать действие или бездействие в виде телодвижений, жестов, слов, направленных на

⁵ См.: Никифоров Б. С. Объект преступления по советскому уголовному праву, с. 71.

⁶ См.: Дурманов Н. Д., с. 54; Кудрявцев В. Н. Объективная сторона преступления. М., 1960, с. 67.

оказание определенного воздействия на различные стороны общественных отношений или их носителей. Без соответствующего воздействия на окружающие субъект материальные объекты (вещи, предметы, других людей) нет действия. Действие, деятельность — это акт, направленный на предмет, на цель⁷.

Преступное изменение общественных отношений осуществляется посредством воздействия на: 1) материальный объект (предмет, вещь, в том числе растение или животное); 2) тело человека; 3) психику. Воздействием на эти стороны общественных отношений или их носителей характеризуется всякое преступное действие, и в этом заключается его наиболее существенное, основное объективное проявление.

При рассмотрении способов преступного воздействия на общественные отношения следует иметь в виду, что далеко не всякое воздействие на человека или на вещь (материальный объект) имеет уголовно-правовое значение. Деянием признается только такое воздействие, которое в силу особых свойств охраняемого уголовным законом объекта причиняет социально опасный вред либо создает угрозу причинения такого вреда. Большинство способов общественно опасного воздействия на охраняемые уголовным законом общественные отношения закрепляется в Особенной части уголовного законодательства. Однако дать их полный перечень в законодательстве невозможно, так как невозможно втиснуть все многообразие жизни, поведения людей в определенную схему. Ввиду этого многие нормы Особенной части уголовного законодательства содержат обобщенные указания о способах повреждения охраняемого ими объекта либо признают любой способ преступного воздействия общественно опасным деянием. Например, ст. 69, 170, 206 УК.

Способы преступного воздействия, направленные на изменение общественных отношений, могут быть различными. Классификации способов преступного деяния значительное место уделил В. Н. Кудрявцев. В наиболее общем виде, как указывает В. Н. Кудрявцев, они сво-

⁷ Действие, как и деятельность, — писал С. А. Рубинштейн, — включает в себя отношение индивида к окружающему; это акт, направленный на предмет, на цель (см.: Рубинштейн С. А. Основы общей психологии, с. 451).

дятся к словам, жестам, воздействию на других людей или внешние предметы⁸.

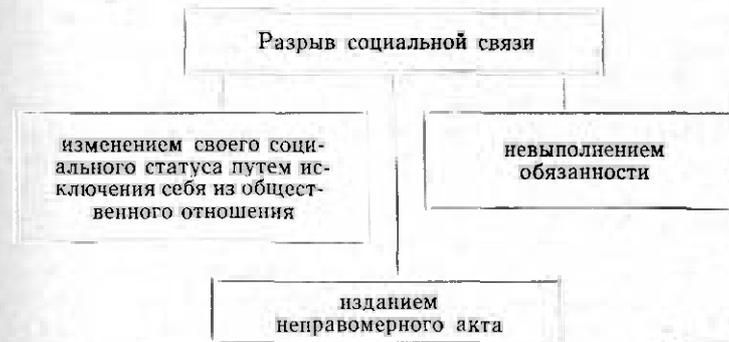
На наш взгляд, основанием для классификации способов воздействия на объект преступления могут служить свойства материального объекта-предмета воздействия: 1) предмет одушевленный (люди), 2) предмет неодушевленный (вещи, материальные объекты). Далее воздействие на людей распадается на две разновидности: а) воздействие физическое и б) воздействие психическое. Физическое воздействие в свою очередь делится на воздействие с повреждением материального объекта и без повреждения. Самостоятельным видом повреждения объекта является разрыв социальной связи путем исключения себя из общественного отношения либо путем невыполнения лежащей на субъекте обязанности. К этому же виду изменения общественных отношений следует отнести издание неправомерного акта управомоченным лицом. Все названные способы преступного воздействия на объект преступления можно представить в виде схемы (схемы 1, 2).

Представленные на схемах способы преступного воздействия на различные стороны общественных отношений или их носителей охватывают все их разновидности.

Таким образом, вред объекту посягательства причиняется воздействием на субъект отношения, на материальный объект — предмет преступления либо путем разрыва социальной связи (изменением своего социального статуса, невыполнением социальной обязанности) или изданием неправомерного акта.

Изложенное позволяет сделать вывод, что преступный, общественно опасный вред причиняется путем физического или психического воздействия на различные стороны общественных отношений или их носителей, изменяющего общественные отношения. Сущность этих изменений состоит в том, что субъекты общественных отношений лишаются возможности определенного поведения или оно значительно затрудняется, либо в нарушении их определенного состояния, что ведет к затруднению или невозможности реализации соответствующего общественного интереса.

⁸ См.: Кудрявцев В. Н. Объективная сторона преступления, с. 72 и далее.

2. Способы изменения объекта преступления

Преступное воздействие на субъект отношения характеризуется «полисоциальностью» личности, многообразием общественных отношений, субъектом которых выступает отдельная личность. Одно и то же лицо может быть участником общественных отношений, складывающихся в сфере государственной власти, управления,

производства, семьи, в различных сферах общественной жизни и т. п. Кроме того, всякий гражданин является участником тех общественных отношений, которые устанавливаются в обществе по поводу охраны его жизни, здоровья, чести, достоинства и т. п.

Несмотря на обилие общественных отношений, участником которых может быть отдельный член общества, все виды преступного воздействия на него по их особенностям можно объединить в две группы:

1) физическое — воздействие на тело человека, на его биологическую предметную сущность (телесные повреждения, побои, физическое насилие и т. п.);

2) психическое — воздействие на психику человека (угроза, сообщение фактов, сведений, оскорбление, обман, подкуп и т. п.).

Эти два вида преступного воздействия на субъект отношения охватывают все случаи изменения (повреждения) общественных отношений со стороны их субъекта. Воздействием на субъект отношения совершается большая часть преступлений, предусмотренных действующим уголовным законодательством СССР и союзных республик. К ним относятся не только преступления против личности, но и значительная часть государственных и воинских преступлений, преступлений против правосудия и против порядка управления, а также преступлений против общественной безопасности и здоровья населения.

При этом обнаруживается, что один и тот же вид преступного воздействия на субъект отношения во многих случаях изменяет различные общественные отношения. Например, преступное воздействие на тело человека может быть посягательством на основы советской власти (ст. 66 УК), на жизнь (ст. 103 УК), на здоровье (ст. 108—112 УК), на общественную безопасность (ст. 211 УК)¹.

Физическое воздействие на тело человека заключается в определенных повреждениях тканей кожи, отдельных органов или в нарушении их функций либо в причинении физической боли. Способы такого воздей-

¹ Это обстоятельство свидетельствует о том, что определение непосредственного объекта посягательства в таком общем виде, как «человек», «личность», как это делают некоторые криминалисты, недостаточно.

ствия, применяемые орудия, форма вины, а также цели виновного лица с учетом наступивших последствий позволяют определить те общественные отношения, на изменение которых было направлено посягательство.

В большинстве случаев определить эти отношения нетрудно. Однако иногда эта задача существенно усложняется некоторыми обстоятельствами, что нередко приводит к ошибкам. Например, неправильно определен объект посягательства Судебной коллегией по уголовным делам Верховного Суда УССР по делу Дребит. Дребит был признан виновным в том, что посадил к себе в кабину автомашины З., отвез ее в поле и там предложил вступить с ним в половую связь. Когда З. отказалась, Дребит стал бить ее руками по голове и лицу, душить руками за шею, пытаясь изнасиловать. Поскольку З. оказала упорное сопротивление, Дребит не смог осуществить свое намерение и отпустил З. Органы расследования и суд первой инстанции правильно квалифицировали действия Дребит как покушение на изнасилование. Судебная коллегия эти действия Дребит переqualificировала, признав их злостным хулиганством². Такая квалификация рассмотренного деяния не может быть признана правильной, ибо она не учитывает направленности действий виновного на конкретный объект. Безусловно, что при определенных условиях деяние, направленное на один объект, причиняет вред и в сфере других общественных отношений. Это обстоятельство может существенно влиять на квалификацию деяния.

Однако в рассмотренном случае этого нет. Характер совершенных виновным действий и обстановка, в которых они были совершены, достаточно ясно показывают направленность деяния на определенный, конкретный объект. Предложение совершить половой акт, попытка сломить сопротивление для этой цели свидетельствуют, что такое преступное воздействие на З. было посягательством на ее половую свободу. Все эти действия Дребит совершил в поле, находясь наедине с З., в отсутствие посторонних, и поэтому они «не были направлены на нарушение общественного порядка, что является, как указал Пленум Верховного Суда СССР по аналогично-

² См.: Радянське право, 1971, № 12, с. 95.

му делу по обвинению Кугаевских, определяющим при решении вопроса о наличии в содеянном признаков хулиганства»³.

Кугаевских, как и Дребит, завел девушку на безлюдный остров и пытался там ее изнасиловать. Потерпевшая оказала сопротивление и Кугаевских ударил её несколько раз по лицу и в живот, повалил на землю, но, увидев, что у потерпевшей пошла из носа кровь, отпустил ее. Хотя указанные действия Кугаевских совершил в общественном месте (в зоне отдыха), но в отсутствие посторонних и его действия не были сопряжены с грубым нарушением общественного порядка и явным неуважением к обществу. Поэтому Пленум Верховного Суда СССР обоснованно не признал их хулиганством и квалифицировал по ч. 1 ст. 112 УК.

Преступное воздействие на тело человека в общественном месте и в присутствии посторонних не всегда свидетельствует о направленности действий на нарушение общественного порядка. В общественных местах могут быть совершены и часто совершаются посягательства и на иные общественные отношения. Посягательство на общественные отношения, охраняемые уголовным законом, совершенное в общественном месте, не всегда является хулиганством. Например, необоснованно были квалифицированы как хулиганство действия Яценко, причинившего Орлову телесные повреждения при следующих обстоятельствах. Около своего дома на проезжей части улицы, которая была закрыта для проезда, Яценко посадил фруктовые деревья. 18 августа Яценко увидел, что по улице едет трактор и грозит поломать посаженные им деревья. С целью недопустить этого Яценко взял кирпич и бросил в лобовое стекло трактора, причинив этим трактористу Орлову легкие телесные повреждения. Судом первой инстанции эти действия были квалифицированы как злостное хулиганство. Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда УССР изменила эту квалификацию, признав Яценко виновным только в причинении легких телесных повреждений, повлекших кратковременное расстройство здоровья⁴.

Такое решение следует признать правильным, так как по своей сути эти действия были направлены не на нарушение общественного порядка, а на причинение вреда личности.

При совершении деяния путем преступного воздействия на тело человека объектом такого посягательства не может быть признано только тело человека или его жизнь в биологическом смысле либо здоровье в значении определенного физического состояния организма⁵. Исходя из того, что понятие «человек» включает в себя и социальную, и биологическую стороны, а «личность» есть понятие только социальной, Ю. А. Демидов правильно считает, что «советское уголовное право всесторонне охраняет человека, и с точки зрения его общественной сущности, и с точки зрения его физической целостности»⁶.

Жизнь и здоровье как объекты уголовно-правовой охраны могут быть выявлены только при анализе всех сторон одного и того же общественного существа, многообразии признаков которого диалектически выражают понятия «человек» и «личность». Эти понятия охватывают бесчисленную массу особенностей, свойств, признаков человека, которые отражают две его основные стороны: а) биофизическую, предметную (живая биологическая особь) и б) общественную — его социальные качества. Выделить одну какую-то сторону человека (биологическую или социальную) можно лишь условно. В действительности эти стороны человека неразрывно связаны и представляют собой единое целое. Поэтому общее утверждение, что уголовный закон охраняет жизнь и здоровье человека как в физическом, биологическом смысле, так и совокупность общественных отношений, существующих по поводу этих благ человека и направленных на их охрану, правильно. Однако при этом важно подчеркнуть и иметь в виду, что без человека как живой биологической особи общественные

⁵ В этом смысле тело человека можно было бы признать предметом преступления, хотя это имеет некоторые этические неудобства. Однако при этом не следует упускать из виду, что главное в человеке — его социальная сущность, в которой он выступает носителем общественных отношений, действующим субъектом. То, чем человек является в обществе, — это всецело социальная сторона его сущности.

⁶ Демидов Ю. А. Человек — объект уголовно-правовой охраны, с. 109.

³ Бюллетень Верховного Суда СССР, 1971, № 1, с. 23.

⁴ См.: Радянське право, 1971, № 12, с. 93—95.

отношения не могут существовать, тогда как в некоторых случаях общественные отношения, направленные на охрану жизни и здоровья конкретного индивида, могут быть аннулированы, не существуют (например, при исполнении приговора о смертной казни, при необходимой обороне и т. п.). В таких случаях жизнь в биологическом смысле и жизнь как объект уголовно-правовой охраны не совпадают.

Следовательно, жизнь как объект уголовно-правовой охраны обязательно включает в себя общественные отношения, существующие по поводу охраны этой жизни в биологическом смысле. Именно потому, что объект посягательства при убийстве — не только биологическая особь, но, главным образом, социальные качества этой особи — совокупность общественных отношений, направленных на охрану жизни этой особи (притом в каждом конкретном случае эта совокупность бывает самой разнообразной и особенной), существует целая группа уголовно-правовых норм, охраняющих эти отношения (пп. «а» — «к» ст. 102, 103, 104, 105, 106, 107, 127 УК). Кроме того, существует множество других уголовно-правовых норм, которые охватывают причинение смерти потерпевшему. (например, в ст. 66, 77, 191², 211, 213², 214—216 УК), а правомерное лишение жизни убийством не признается.

Важно также отметить, что уголовно-правовая охрана объекта носит всеобщий и постоянный характер. Если же признавать объектом преступления при убийстве не социальную сторону человека — личность, а жизнь в биологическом смысле, тогда невозможно объяснить правомерность лишения жизни при необходимой обороне, при исполнении приговора, причинения телесного повреждения, например, при хирургической операции, как невозможно обосновать квалификацию лишения жизни при террористическом акте по ст. 66 УК, при бандитизме — по ст. 77, при нарушении правил охраны труда — по ст. 140, при нарушении правил безопасности движения — по ст. 211 УК. Именно потому, что при лишении жизни посягательство направляется на какую-то сторону личности, на какую-то сторону ее сущности — отдельную группу общественных отношений, представляющих собой составную часть данной личности (представитель власти, пешеход, рабочий или служащий,

поворожденный и т. п.), это посягательство подлежит различной квалификации, т. е. образует самостоятельное, отдельное преступление.

В этой связи утверждение Ю. А. Демидова о том, что жизнь и здоровье человека выступают в уголовном праве как самостоятельные объекты, независимо от того, носителем каких общественных отношений он является⁷, следует признать необоснованным. Лишение жизни одного и того же человека (например, работника милиции) может быть посягательством на основы Советской власти (ст. 66 УК), на порядок государственного управления (ст. 191² УК), на личность (ст. 102—103 УК), на общественную безопасность (ст. 211 УК) либо вообще не быть преступным (ст. 13 УК) как раз в зависимости от того, на какие общественные отношения, носителем которых является потерпевший, направлено посягательство.

Нельзя также признать правильным противопоставление человека личности и на этой основе возникающее утверждение, что советский уголовный закон охраняет человека «и с точки зрения его физической целостности». Сама по себе физическая целостность уголовным законом не охраняется. Достаточно назвать общественно полезную работу врачей, чтобы убедиться в необоснованности такого вывода. Без учета общественных отношений, существующих по поводу физической целостности человека, невозможно обосновать уголовную ответственность за эти последствия, определить их правовую квалификацию.

В действительности уголовный закон охраняет не только человека как живое биологическое существо, но, главным образом, личность в ее социальном значении как совокупность общественных отношений. Понятие «человек» по своему содержанию не соответствует понятию «объект преступления». Поэтому и в уголовном законодательстве понятие «человек» в значении объекта преступления не употребляется. Наиболее часто в этом значении используются термины «личность», «лицо», «люди». Например, в главе третьей УК РСФСР употребляется понятие «личность», а соответствующая

⁷ См.: Демидов Ю. А. Человек — объект уголовно-правовой охраны, с. 108.

глава УК Азербайджанской ССР так и называется «Преступления против личности».

Следовательно, человеческая особь, ее существование и физическое состояние, телесная неприкосновенность охраняются уголовным законом не всегда. Уголовно-правовой охране человек, его тело, жизнь и здоровье подлежат только тогда, когда по поводу этих благ существуют общественные отношения, складывающиеся в обществе по поводу жизни (существования) и здоровья (физического состояния, телесной неприкосновенности) человека. Если же в каких-то случаях эти отношения не существуют (аннулированы, например, законом), то человек как биологическая особь, его телесная неприкосновенность уголовно-правовой охране не подлежат. Из этого вытекает правомерность и допустимость лишения жизни человека или причинения ему телесных повреждений при необходимой обороне, крайней необходимости, при задержании преступника. Поэтому следует прийти к выводу, что воздействие на тело человека только тогда попадает в сферу уголовно-правовой охраны, когда он является субъектом отношения, охраняемого уголовным законом, а это воздействие направлено на изменение общественных отношений⁸. В иных, весьма редких случаях, воздействие на тело человека не находится в сфере уголовно-правовой охраны.

Причинение вреда объекту преступления путем воздействия на психику субъекта отношения также может быть направлено на различные общественные отношения. Таким путем можно причинить вред личной безопасности (угроза убийством), отношениям собственности и личности (разбой), правосудию (угроза свидетелю, эксперту, потерпевшему), порядку управления (угроза должностному лицу или гражданину), порядку несения военной службы (угроза начальнику).

Характерная особенность преступного воздействия на психику субъекта отношения состоит в прямом и непосредственном психическом насилии. Это насилие возможно в различных формах (устно, письменно, жеста-

⁸ «Выведение из строя того или иного органа человеческого тела, — пишет Б. С. Никифоров, — признается советским уголовным правом преступлением тогда, когда соответствующим действием причиняется ущерб общественным отношениям...» (Никифоров Б. С. Объект преступления по советскому уголовному праву, с. 144).

ми) и всегда направлено на конкретное лицо или на конкретных лиц. Применяя психическое насилие, виновный добивается от потерпевшего определенного поведения (совершения в его интересах определенных действий либо воздержания от совершения нежелательных действий). Вред объекту преступления при этом причиняется изменением поведения субъекта отношения. Под влиянием угрозы субъект отношения действует вопреки своим личным или общественным интересам.

Возможность надлежащего поведения, отвечающего личным или общественным интересам, составляет ядро, социальную суть этих общественных отношений⁹. На реализацию этих возможностей и посягает виновное лицо.

Под влиянием угрозы как особого вида преступного воздействия на субъект отношения реализация названных возможностей (в данном конкретном случае) аннулируется либо ее осуществление затрудняется. При этом часто (в тех случаях, когда общественное отношение повреждается, аннулируется) на месте социалистических общественных отношений возникают отрицательные или, как их иначе называет Е. А. Фролов, конфликтные отношения¹⁰, чуждые по своей природе социалистическому общественному строю (религиозные отношения, отношения между правонарушителями, а также между правонарушителями и субъектами ранее существовавших социалистических общественных отношений). Эти отрицательные или конфликтные отношения, возникающие вследствие совершения преступления, уголовно-правовой охране не подлежат и объектом преступления быть не могут. Напротив, задача уголовного законодательства как раз в том и состоит, чтобы, с одной стороны, охранять социалистические общественные отношения, и, с другой стороны, вытеснить и ликвидировать отрицательные, вредные общественные отношения.

Вред объекту преступления может быть причинен и другими способами воздействия на психику субъекта

⁹ См.: Никифоров Б. С. Объект преступления по советскому уголовному праву, с. 69; Фролов Е. А. Объект уголовно-правовой охраны и его роль в организации борьбы с посягательствами на социалистическую собственность, с. 18, 22.

¹⁰ См.: Фролов Е. А., с. 8—9.

отношения. Это воздействие может заключаться во введении его в заблуждение (обман), в убеждении в чем-либо (агитация, пропаганда), в сообщении фактов, ложных измышлений (донос, подстрекательство, разглашение тайны).

Этого рода воздействие на субъект отношения можно назвать информационным, так как оно по преимуществу заключается в сообщении субъекту отношения различного рода сведений. В отличие от психического насильственного воздействия, информационное не направлено большей частью на конкретных лиц (например, при хулиганстве, разглашении тайны, агитации, пропаганде). Для виновного лица в большинстве случаев субъект отношения безразличен. Главную заботу виновного составляет изменение общественных отношений для достижения каких-то его личных целей. Осуществление этого умысла может быть достигнуто воздействием на любого члена общества, часто первого встречного. Однако в некоторых случаях это воздействие носит и более конкретный характер. Например, при ложном доносе, подстрекательстве.

В результате преступного воздействия на психику субъекта общественные отношения изменяются последующими действиями самого субъекта отношения (например, передачей имущества при мошенничестве), самим фактом доведения до сведения субъекта отношения определенных высказываний (оскорбление, угроза, агитация, пропаганда, клевета и т. п.) либо иными действиями, направленными на сознание субъекта.

Социально опасный вред может быть причинен как одним из названных выше видов преступного воздействия на субъект отношения, так и путем одновременного воздействия на тело и психику. Например, при угрозе убийством может быть воздействие на тело (побой, телесные повреждения) и на психику. Характер преступного воздействия на субъект отношения и его виды показывает направленность деяния на причинение вреда в сфере определенных отношений.

Преступное воздействие на предмет преступления может быть самым разнообразным в зависимости от способов воздействия, применяемых орудий и целей, которых стремится достичь субъект. По своему социальному значению все разновидности преступного воздействия

на предмет преступления можно разделить на несколько групп: а) изменение социального статуса или хозяйственно-экономического назначения предмета, вещи; б) изменение физических свойств или вида предмета; в) изготовление предмета, вещи.

Первую группу составляют все способы изменения фактического владения вещью, предметом без перехода права собственности на это имущество. При этом субъект, вопреки существующим отношениям по поводу этих вещей, неправомерно завладевает ими или передает их во владение третьим лицам. Таким путем совершается завладение имуществом при бандитизме, хищениях (ст. 77, 89—93, 144—147 УК) и ином неправомерном распоряжении имуществом (ст. 185, 250 и 266 УК). В других случаях виновное лицо удерживает у себя имущество, которое оно обязано передать государственной или общественной организации. Такое воздействие на предмет преступления оказывается при совершении преступлений, предусмотренных ст. 82, 94, 97, 167 УК.

Социальная сущность названных видов воздействия на предмет преступления заключается в изменении фактического отношения собственности по поводу конкретных вещей, предметов. Существовавшее отношение собственности по поводу этих предметов разрывается, аннулируется и фактическим собственником вещи становится субъект, завладевший вещью, или третье лицо, кому эта вещь была передана во владение. В равной мере эти положения аналогичны как для случаев неправомерного завладения, сопряженного с изъятием имущества, так и для случаев непередачи должного. При этом вещь не подвергается, как правило, никакому физическому изменению. Исключение составляет использование потребляемых вещей. Изменению подвергается только социальное положение вещи — принадлежность ее конкретному лицу. В результате неправомерного завладения вещью ее фактическим владельцем становится недобросовестный приобретатель, который пользуется, владеет и распоряжается ею до востребования собственником. Если же такое востребование не последует, то фактический владелец будет извлекать из этой вещи ее полезные хозяйственно-экономические свойства для удовлетворения своих потребностей. Право собственности остается у собственника, а использует вещь факти-

ческий, недобросовестный владелец. В этом заключается социальная суть вреда, причиняемого путем изменения отношений собственности.

Значительную группу образуют преступления, совершаемые путем изменения физических свойств вещи, предмета, т. е. путем их уничтожения или повреждения (ст. 68, 69, 79, 86, 98, 99, 163, 164, 166, 168, 169, 205, 223, 230, 251 УК).

Социальная сущность такого воздействия на предмет преступления заключается в том, что определенная вещь в результате физического уничтожения или повреждения не может быть в дальнейшем использована по своему хозяйственно-экономическому назначению либо для ее восстановления необходимо затратить значительные средства и время.

Путем уничтожения или повреждения вещи, предмета может быть причинен вред общественным отношениям, установленным в целях обеспечения обороноспособности и экономической мощи страны, отношениям собственности, социалистического хозяйства, отношениям, обеспечивающим порядок управления, несения воинской службы и некоторым другим.

Во многих случаях важное значение имеет и способ уничтожения или повреждения предмета преступления. Например, в УК выделяется уничтожение или повреждение имущества, совершенное путем поджога или иным общеопасным способом (ст. 98, 149), либо в результате небрежного обращения с огнем или источником повышенной опасности (ст. 99, 150), запрещенными орудиями и способами (ст. 163, 166). Иногда способ уничтожения или повреждения имущества, вещи существенного значения не имеет (ст. 68, 86, 168 УК). Любое воздействие на предмет преступления, повлекшее его уничтожение или повреждение, при определенных условиях образует состав преступления.

Самостоятельную группу образуют преступления, при совершении которых преступное воздействие на предмет заключается в изменении его вида или содержания. Так совершается фальшивомонетничество (ст. 87 УК), приписки (ст. 152¹ УК), подделка знаков почтовой оплаты и проездных билетов (ст. 159 УК), должностной подлог (ст. 175 УК), подделка документов, изготовление штампов и бланков (ст. 196 УК). Назван-

ные предметы являются совокупностью сторон, свойств общественных отношений, существующих по их поводу или находящихся в них свое закрепление, а потому изменение вида или свойств этих предметов ведет к неправомерному изменению отношений, охраняемых уголовным законом, либо возникновению отношений отрицательных, антиобщественных. Последние имеют место, например, при пуске в обращение фальшивых денежных знаков, использовании подложных документов и т. п., что ведет к вытеснению или изменению существующих социалистических общественных отношений. Такое воздействие на предмет или его изменение образует отдельное преступление и требует самостоятельной квалификации наряду с другими преступлениями. Например, Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда РСФСР обоснованно указала в своем определении по делу Файзрахмановой и Мухамедьяновой, что виновные совершили хищение, а затем путем составления фиктивных документов скрыли хищение 157 кг спирта на сумму 2198 руб. и потому их действия, наряду с ч. 2 ст. 92 УК, надлежит квалифицировать также по ст. 175 УК¹¹. Квалификация этих действий только по ст. 92 УК не охватывает всего содеянного, так как самостоятельное, обособленное воздействие на документы и причинение вреда государственному или общественному управлению остается без юридической оценки и уголовно-правового воздействия на виновных лиц.

В некоторых случаях изменение вида или содержания предмета, вещи выступает способом совершения преступления. Например, подделка документов или изменение вида вещей при контрабанде, мошенничестве, причинении имущественного ущерба и других подобных преступлениях. Поскольку, однако, изменяемые при этом вещи и документы не выступают в качестве свойств, сторон объекта посягательства, то они не могут быть признаны предметами преступления. При совершении подобных преступлений такие вещи являются орудиями совершения преступления. Например, при мошенничестве поддельный документ на получение имущества является лишь средством для введения в заблуждение

¹¹ См.: Бюллетень Верховного Суда РСФСР, 1973, № 9, с. 11—12.

собственника или владельца имущества, а это последнее и является предметом преступления.

При квалификации преступлений это обстоятельство необходимо учитывать, так как оно имеет существенное значение. Например, должностной подлог во многих случаях выступает способом злоупотребления служебным положением, является составной частью этого преступления и самостоятельного состава преступления не образует. В постановлении по конкретному уголовному делу Пленум Верховного Суда СССР, квалифицируя действия Николотова по ч. 1 ст. 170 УК, признал излишней квалификацию этих же действий еще и по ст. 175 УК, поскольку, указывается в постановлении, внесение неправильных записей в наряды являлось элементом объективной стороны злоупотребления служебным положением и полностью охватывается ст. 170 УК¹². Подобное преступное воздействие на документы причиняет вред в сфере только одного вида общественных отношений — государственного или общественного управления.

Для основания уголовной ответственности и квалификации деяния не имеет значения способ изготовления или подделки фальшивых денежных знаков, документов, печатей, бланков и т. п. предметов. Любые способы такого воздействия на предмет с целью пуска его в обращение или иного использования по прямому назначению образуют состав преступления, так как это ведет к изменению соответствующих общественных отношений.

Преступное воздействие на материальные объекты может заключаться и в изготовлении определенных вещей, товаров, изделий. Такое воздействие характеризуется производством запрещенных уголовным законом вещей, изделий. Перечень этих изделий небольшой. Многие из них прямо названы в законе. Уголовный закон запрещает изготовление тех изделий, использование которых причиняет вред в сфере важных социалистических общественных отношений и может причинить существенный вред социалистической системе хозяйства, общественной безопасности или здоровью населения. Действующее уголовное законодательство РСФСР за-

прещает изготовление литературы антисоветского содержания (ст. 70), денежных знаков (ст. 87), крепких спиртных напитков домашней выработки (ст. 158), оружия или взрывчатых веществ (ст. 218), наркотических и других сильнодействующих или ядовитых веществ (ст. 224), порнографических предметов (ст. 228).

Вместе с тем следует иметь в виду, что изготовление запрещенного предмета для общественно полезной цели, поскольку этим не создается угроза нарушения определенных общественных отношений, состава преступления не образует. Уголовно наказуемым следует признавать только такое изготовление запрещенных предметов, которое ставит в опасность объект уголовно-правовой охраны. Забвение этого положения может привести к ошибке в квалификации деяния. Такая ошибка была допущена, например, по делу Королева, изготовившего охотничий нож, который экспертизой признан холодным оружием. Королев был членом союза охотников и в его охотничьем билете был вписан изготовленный им охотничий нож — СКС № 1284. У следователя и суда, очевидно, не возникло сомнений в том, что Королев как член союза охотников не подлежит уголовной ответственности за незаконное ношение холодного оружия. Но закон (ч. 2 ст. 218 УК) предусматривает уголовную ответственность и за изготовление холодного оружия. Поэтому у следователя и суда возник вопрос: содержит ли состав преступления изготовление Королевым охотничьего ножа? На этот вопрос они ответили положительно, и суд осудил его по ч. 2 ст. 218 УК. Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда РСФСР признала осуждение Королева по ч. 2 ст. 218 УК неправильным и дело производством прекратила за отсутствием в действиях Королева данного преступления¹³. Такое решение Верховного Суда РСФСР обосновано тем, что изготовление ножа (холодного оружия) для целей охоты, впоследствии зарегистрированного в союзе охотников, не создает само по себе угрозы общественной безопасности, а потому не может считаться преступлением.

Воздействие на предмет преступления характеризует основу преступного деяния и выражается в его опреде-

¹² См.: Бюллетень Верховного Суда СССР, 1973, № 2, с. 17.

¹³ См.: Бюллетень Верховного Суда РСФСР, 1973, № 6, с. 9—10.

лении (хищение, уничтожение, подделка и т. д.). Способ же конкретизирует деяние и его особенности. Но нельзя не видеть, что способ воздействия на предмет преступления предопределяется свойствами этого предмета. Например, уничтожение строений требует иного способа воздействия, чем уничтожение животных.

Признаки и особенности предмета преступления, а также способы воздействия на него имеют существенное значение для квалификации деяния, так как они позволяют, во-первых, выявить видовой и непосредственный объекты посягательства, во-вторых, определить его преступные последствия и, в-третьих, отграничить от сходных деяний.

Повреждение значительной части общественных отношений заключается в разрыве субъектом отношения социальной связи, составляющей содержание этого отношения. Такое повреждение общественных отношений заключается в их аннулировании, ликвидации либо в существенном изменении. Общественные отношения как социальное явление никогда не остаются неизменными. Разнообразие общественной жизни, ее диалектика приводят к тому, что в системе общественных отношений происходит постоянное движение: одни общественные отношения возникают, другие изменяются, третьи ликвидируются, отмирают. Возникновение, развитие, изменение или прекращение общественных отношений вызывается действиями людей или событиями. Установление, изменение или прекращение многих социальных связей всецело зависит от усмотрения гражданина (например, супружеских, трудовых и др.). Другие отношения между людьми в обществе представляют более важное и по преимуществу не только личное отношение и потому их изменение или прекращение регулируется законом либо их изменение или прекращение волезапрещается.

Возникновение, изменение или прекращение общественных отношений в подавляющем большинстве случаев является социально необходимым и общественно полезным, а с точки зрения правовой либо безразличным (отношения дружбы, товарищества и т. п.), либо правомерным. Изменение или прекращение общественных отношений вопреки социальным требованиям (запретам) образует нарушение социальных норм. В от-

личие от способов правомерного прекращения и ликвидации общественных отношений, преступное их аннулирование характеризуется тем, что они (общественные отношения) охраняются уголовным законом и могут быть прекращены или изменены только в случаях, указанных в законе. Кроме того, некоторые из этих общественных отношений крайне редко подлежат прекращению (например, отношения, обеспечивающие неприкосновенность личности, отношения взаимопомощи между членами общества и др.).

Повреждение общественных отношений путем разрыва социальной связи имеет некоторые особенности. Прежде всего при этом виновный не оказывает непосредственного воздействия ни на субъект отношения, ни на его предмет. Исключение составляют случаи членовредительства при уклонении от очередного призыва на действительную военную службу (ст. 80 УК) и от воинской службы (ст. 249 УК), при котором виновное лицо оказывает физическое воздействие на свое тело и приводит себя в негодное для несения военной службы состояние. Однако объектом посягательства в этом случае выступает не здоровье лица, а обороноспособность, так как личное физическое состояние (здоровье, телесная целостность) уголовным законом, как было показано выше, не охраняется.

Кроме того, во многих случаях виновное лицо является одновременно и субъектом изменяемого им отношения. Так причиняется вред обороноспособности страны (ст. 64, 80, 81, 247 УК), экономике (ст. 69 УК), правосудию (ст. 88¹, 176, 177, 190 УК), личности (ст. 122, 123, 129 УК), трудовым правам граждан (ст. 138, 139, 140 УК) и некоторым другим общественным отношениям.

При совершении названных преступлений социальная связь может быть разорвана путем:

- а) невыполнения субъектом отношения лежащей на нем социальной обязанности (преступное бездействие);
  - б) исключения субъектом отношения себя из данной системы отношений (неправомерное изменение своего социального статуса);
  - в) издания должностным лицом неправомерного акта (приказа об увольнении, приговора, постановления об аресте, о привлечении в качестве обвиняемого и т. п.).
- Разрыв социальной связи путем невыполнения су-

объектом отношения лежащей на нем обязанности (бездействие), выполнение которой обеспечивается уголовным законом, может иметь место в области государственного или общественного управления (ст. 172, 198 УК), охраны прав граждан (ст. 140 УК), правосудия (ст. 88¹, 190 УК), общественной безопасности (ст. 214, 215, 216 УК), порядка несения воинской службы (ст. 238, 239 УК).

Обязанность лица совершить определенные действия устанавливается ради обеспечения реализации каких-то общественных интересов и составляет содержание этих общественных отношений. Названные отношения закрепляют важные стороны общественной жизни и потому общество заинтересовано в их осуществлении, в выполнении лицом этих обязанностей. Невыполнение или ненадлежащее их выполнение приводит к изменению этих общественных отношений, к причинению социально опасного вреда. Наступающие при этом последствия лежат в сфере смежных общественных отношений, наступающих при преступном бездействии дополнительным объектом. Общественные отношения, являющиеся основным объектом преступления, повреждаются только путем разрыва этого отношения без материальных последствий. Но эти основные общественные отношения возникают и складываются именно по поводу охраны дополнительных объектов. Например, именно в целях охраны личности складываются отношения по обеспечению нормальных и безопасных условий труда. Обязанность обеспечить эти условия возлагается на специальных должностных лиц. Невыполнение или ненадлежащее выполнение этими лицами возложенных на них обязанностей причиняет социальный вред тем, что общественные интересы в этой сфере не осуществляются. Поскольку виновное лицо не действует надлежащим образом, то общественное отношение омертвляется, как бы не существует, и этим социальная связь разрывается.

Сходен механизм причинения вреда объекту преступления путем разрыва социальной связи и при исключении субъектом самого себя из определенной системы общественных отношений. Такое исключение представляет собой активные действия, направленные к тому, чтобы изменить свой социально-правовой статус и освободиться от какой-либо обязанности. Достигая этой це-

ли, виновный разрывает существующую между ним и другими лицами или государством связь. Таким образом разрываются полностью или частично связи между государством или его отдельными учреждениями и виновным (ст. 64, 83, 247, 264 УК).

В указанных случаях общественные отношения не осуществляются, омертвляются. В силу этого какая-то часть отношений перестает существовать, поскольку они не могут быть односторонними. Отношение — это всегда двухсторонняя связь. Если же одна сторона исключает себя из отношения, не выполняет обязанностей, вытекающих из отношения, и не дает другой стороне оснований для ожидания соответствующего поведения, то эта связь прерывается.

Характерная особенность данного рода изменений общественных отношений состоит в том, что во многих случаях они не восстанавливаются (например, в случае бегства за границу или отказа возвратиться из-за границы при измене Родине и т. п.).

Социальные связи могут быть разорваны также путем издания должностным лицом неправомерного акта. При этом виновное лицо непосредственно не воздействует ни на субъект отношения, ни на его материальный субстрат. Общественное отношение ликвидируется или изменяется изданием акта, который меняет социальное положение субъекта отношения: субъект исключается из трудовых отношений или не может стать их субъектом либо его лишают возможности свободного передвижения, ограничивают его социальное поведение и т. п. Так причиняется вред трудовым правам гражданина (ст. 138, 139 УК), правосудию и неприкосновенности личности (ст. 176, 177, 178 УК) и некоторым другим общественным отношениям, охраняемым уголовным законом.

Не меняет сути дела то обстоятельство, что речь идет о ликвидации только части социальных связей личности и что эти связи в условиях социалистического общества в абсолютном большинстве случаев восстанавливаются. Не имеет существенного значения и объем (количество) разрушаемых при этом связей личности из всей совокупности, ее составляющих, поскольку каждая ее (личности) сторона представляет собой ценное социальное благо. Сам факт разрыва социальной связи, в сохране-

нии и осуществлении которой заинтересовано общество, представляя собой уголовно наказуемый вред¹⁴.

Очевидно, что речь идет только о противозаконном разрыве социальных связей. Их ликвидация в предусмотренных законом случаях не образует преступления. Правомерное увольнение с работы, арест или осуждение является общественно полезным или необходимым.

Совершение преступления путем разрыва социальной связи с наибольшей очевидностью показывает, что объектом преступления являются общественные отношения, а не вещи, материалы, предметы или люди. Виновный, разрывая социальную связь, не оказывает непосредственного воздействия ни на потерпевшего, ни на материальные объекты.

3. Социальные свойства и степень повреждения объекта преступления

В юридической литературе преступными последствиями или преступным результатом признаются изменения в объекте преступления, материальный или нематериальный вред, причиняемый в сфере охраняемых законом социалистических общественных отношений. Исходя из данного определения преступных последствий, важно выявить их содержание, а также степень повреждения социалистических общественных отношений и социальные свойства этих повреждений¹.

¹⁴ Это обстоятельство подтверждает тот факт, что беспоследственных преступлений не существует, что всякое преступление причиняет или создает опасность причинения (приготовление, покушение) вреда в сфере общественных отношений. Иначе невозможно обосновать уголовную ответственность за те преступления, которые иногда необоснованно называют беспоследственными. Признание отдельных преступлений беспоследственными, не причиняющими социального вреда, подвергнуто в юридической литературе обоснованной критике (см.: Кузнецова Н. Ф. Значение преступных последствий, с. 30—31; Кудрявцев В. Н. Объективная сторона преступления, с. 156—158; Михлин А. С. Последствия преступления, М., 1969, с. 28—32).

¹ М. П. Карпушин и В. И. Курляндский обоснованно считают, что проблема степени разрушительности объекта посягательства и соотношения объекта и преступных последствий является сложной и требующей самостоятельного исследования (см.: Карпушин М. П. и Курляндский В. И. Уголовная ответственность и состав преступления. М., 1974, с. 101—102).

Выше мы уже отмечали, что общественные отношения как объект уголовно-правовой охраны представляют собой специфическую форму проявления или выражения общественных интересов, которые выступают ядром общественных отношений. Причиняемый преступлением социально опасный вред состоит в том, что преступление изменяет общественные отношения и этим затрудняет или уничтожает возможность реализации, осуществления общественного интереса. При этом интересы как определенные осознанные потребности субъекта, по общему правилу, преступлением не изменяются и не уничтожаются. Определенный интерес (в имуществе, здоровье, в определенном порядке управления и других социальных благах) и после совершения преступления остается в виде потребности. Преступление только затрудняет или ликвидирует возможность удовлетворения этой потребности, реализации интереса. От преступления страдают не интересы сами по себе как таковые, а только социальные условия (в виде обеспечиваемых обществом и государством возможностей) их реализации, осуществления.

В этой связи следует признать необоснованным разделение преступных последствий на ущерб, причиняемый объекту преступления, и преступные последствия в виде материального, политического, морального и т. п. вреда, который причиняется участникам общественных отношений и тем социальным ценностям, по поводу которых устанавливаются эти отношения².

Для такого разделения преступных последствий нет оснований, так как причинение вреда объекту преступления в виде изменения общественных отношений и есть причинение имущественного или политического вреда субъектам общественных отношений. Если бы в общественных отношениях не проявлялись общественные интересы, если бы общественные отношения не были формой реализации, осуществления общественных интересов, то и сами общественные отношения и их изменения были бы для права безразличными и они не выступали бы объектом уголовно-правовой охраны. Именно потому, что определенные общественные инте-

² См.: Курс советского уголовного права. Часть Общая. ЛГУ, 1968, т. 1, с. 329—330.

рессы составляют «ядро» общественных отношений³, эти последние охраняются уголовным законом. Преступное изменение общественных отношений временно или навсегда, полностью или частично ликвидирует обеспеченную обществом субъектам общественных отношений возможность осуществления, реализации своих интересов. Лишенный социальной возможности осуществления, интерес так и остается лишь в виде абстрактной, осознанной, но не реализованной потребности. В этом и состоит, на наш взгляд, содержание преступных последствий как результат преступного изменения общественных отношений.

Криминалисты некоторых социалистических стран под последствиями преступления понимают изменения, производимые преступлением в объекте и в предмете⁴. Выделение тех изменений, которые производятся преступлением в предмете посягательства, вполне правомерно. Однако следует иметь в виду, что сами по себе изменения в предмете, без учета изменений в объекте, не могут выразить всей социальной сущности преступных последствий⁵. Например, разрушение какого-либо материального объекта само по себе не раскрывает всей сути преступления. Если же мы выявим объект преступного посягательства, то преступные последствия предстанут во всей своей полноте и они будут иметь различный характер в зависимости от свойств и особенностей объекта. В одних случаях это может быть посягательство на отношения собственности (ст. 98 и 149 УК), в других — на общественную безопасность (ст. 86 УК), в третьих — на экономическую основу СССР (ст. 68 УК).

Таким образом, преступные последствия — это противоправное изменение общественных отношений, заключающееся в полном или частичном, временном или постоянном затруднении или ликвидации возможности осуществления субъектом общественных отношений своих интересов.

Преступные последствия всегда выступают в виде определенного вреда. В зависимости от объективных

³ См.: Фролов Е. А. Спорные вопросы общего учения об объекте преступления, с. 198; Каиржанов Е. К. Интересы трудящихся и уголовный закон, с. 50—56.

⁴ См.: Trestní zakon. Kommentar. Praha, 1964, S. 30.

⁵ См.: Кузнецова Н. Ф. Преступление и преступность, с. 51.

особенностей преступных последствий в них можно выделить четыре разновидности вреда, причиняемого преступлением: 1) физический, 2) имущественный, 3) моральный и 4) политический. Для большинства преступлений характерно наличие в преступном их последствии нескольких видов вреда. Например, хищение социалистического имущества причиняет имущественный, моральный и политический вред, преступления против здоровья причиняют физический, моральный и политический вред и т. п.

Моральный и политический вред являются общими видами вреда, присущими всем преступлениям. Поскольку всякое преступление аморально и противостоит государственной воле, выраженной в законе, постольку каждое преступление причиняет моральный и политический вред. Размер этого вреда во многих случаях не влияет на основание уголовной ответственности и потому он не включается в признаки состава преступления, образуя так называемые «формальные» составы преступлений.

Физический и имущественный вред причиняют только отдельные виды преступлений, которые наряду с этим причиняют моральный и политический вред.

В преступных последствиях важно различать их физическую и социальную стороны. Физическая сторона заключается в определенных внешних изменениях в предметах, вещах, людях. Например, уничтожение имущества, причинение телесных повреждений и т. п. Социальная сторона представляет собой их социальное свойство и выступает в виде определенного вреда в сфере общественных интересов — лишение возможности пользоваться имуществом, ухудшение здоровья, ослабление обороноспособности страны и т. п. Наглядно эти стороны преступных последствий выступают в преступлениях против здоровья, физическая сторона которых выступает в виде телесных повреждений, прерывания беременности, заражения венерической болезнью, а социальная их сторона — причинение определенного вреда здоровью.

Социальная сторона преступных последствий входит в объект преступления. Причинение имущественного, морального или политического вреда является одним из основных, обязательных признаков объекта преступ-

ления. Физические свойства преступных последствий входят в объективную сторону преступления⁶.

Наиболее существенной особенностью преступных последствий является их неустрашимость. Физический, моральный и политический вред, причиняемый преступлением, невозможно возместить или устранить. Невозможно устранить или восстановить, например, поруганную честь, половую свободу, телесную целостность поврежденных органов или тканей тела, сделать тайной те сведения, которые были выданы врагу, вернуть к жизни убитого и т. п. Преступление потому и признается общественно опасным, что оно причиняет тяжкий и невосполнимый вред общественным интересам. Не меняет положения тот факт, что в какой-то части преступный вред может быть возмещен или восстановлен. Например, в некоторых случаях можно возместить имущественный вред. Однако возмещение стоимости похищенной вещи не всегда свидетельствуют о полном возмещении причиненного вреда. Возмещенная стоимость вещи во многих случаях неравноценна самой вещи. Например, в случае хищения или уничтожения уникальных вещей, фамильных ценностей, памятников и т. п., денежная оценка которых не является полным ценностным эквивалентом. Кроме того, следует также учитывать, что преступление вызывает у потерпевших страдания и переживания, которые нередко влекут за собой расстройство здоровья, а потому эти последствия тоже не могут быть устранены⁷.

В нашей уголовно-правовой литературе неустрашимость как свойство преступных последствий особо не выделяется. Между тем оно имеет немаловажное практическое значение для обоснования общественной опасности конкретных деяний, характеристики вреда, причиняемого объекту уголовно-правовой охраны, выбора

⁶ Физическую сторону преступных последствий и, в частности, особенности физического и имущественного вреда мы не рассматриваем, поскольку эта проблема выходит за пределы темы данного исследования. Кроме того, эта сторона преступных последствий достаточно освещена в уголовно-правовой литературе.

⁷ Такие отдаленные последствия мы рассматриваем лишь для анализа их социальной стороны и такого их свойства, как неустрашимость, но вовсе не касаемся проблемы их вменения. Вмененными могут быть лишь те ближайшие последствия, которые указаны в уголовном законе.

объектов уголовно-правовой охраны и средств их защиты, конструкции уголовно-правовых норм. Вся социальная и юридическая характеристика преступления исходит главным образом из данного свойства преступных последствий, которые всецело определяются объектом уголовно-правовой охраны и принадлежат ему.

Характер преступных последствий, наряду с социальной ценностью общественных отношений, охраняемых уголовным законом, составляют основные признаки объекта преступления. Аналогично тому, как действие (бездействие) характеризует объективную сторону, так и социальная ценность (важность) общественных отношений и причиняемый их изменением социально опасный вред являются признаками, характеризующими преступление со стороны объекта посягательства.

Неустрашимость преступных последствий как социальное свойство еще не раскрывает степени повреждения (разрушения) общественных отношений конкретными преступлениями, но создает для этого необходимые предпосылки.

Анализ конкретных видов и способов изменений общественных отношений показывает, что повреждение объекта преступного посягательства может быть различным. Одни преступления производят в общественных отношениях лишь частичные изменения в их содержании. Такого рода последствия выражаются только в изменении поведения одного субъекта отношения без нарушения социальных возможностей или состояния других субъектов. Например, приготовление к преступлению и некоторые виды покушения на преступление, а также клевета, оскорбление, агитация, пропаганда и некоторые виды нарушения правил представляют собой лишь изменения в социально значимом поведении одного из субъектов отношения. При подобных посягательствах охраняемое уголовным законом общественное отношение не аннулируется, оно продолжает существовать. Его изменение касается только одной стороны, одного момента проявления — изменения поведения одного из взаимосвязанных, состоящих в отношении субъектов. Это изменение затрудняет осуществление общественно-го интереса, ибо он может быть реализован только при взаимном определенном поведении участников общест-

венных отношений. Это наименьшая степень повреждения общественных отношений. Преступные последствия такого деяния состоят лишь в причинении морального и политического вреда. Этот вред, во-первых, количественно нельзя выразить и, во-вторых, он неустраним и возмещению не подлежит.

Вторая степень повреждения общественных отношений заключается во временном их разрушении, аннулировании. Общественные отношения при этом в своем единичном проявлении ликвидируются. Например, хищение или уничтожение имущества, побег из-под стражи или из места заключения, уклонение от призыва на действительную военную службу или уплаты алиментов и другие подобные виды преступного поведения характеризуются тем, что определенные единичные общественные отношения временно ликвидируются. Отсутствие соответствующего общественному интересу поведения состоящего в отношении субъекта или совершение им действий вопреки этим интересам ликвидирует возможность осуществления общественных интересов. Но это нарушение в большинстве случаев лишь временное, ибо по своему характеру оно поддается восстановлению. Похищенное имущество может быть отыскано и возвращено собственнику, поврежденная вещь восстановлена, а уничтоженная — заменена такой же новой и т. п.

Тот факт, что иногда общественные отношения при названных посягательствах не восстанавливаются (например, в тех случаях, когда похищенное имущество и похитившее его лицо не обнаружены, совершивший побег не задержан и не явился с повинной), не меняет сути дела, но показывает, что такие разрушения общественных отношений значительно более опасны.

Для характера и степени повреждения общественных отношений решающее значение имеет существование реальной возможности их восстановить. При надлежащей работе правоохранительных органов и широкого участия общественности в борьбе с преступностью возможность восстановления измененных подобными деяниями общественных отношений вполне реальна.

Первые два вида повреждений объекта преступления являются разовыми и частичными. И поскольку объект посягательства в данных случаях не уничтожается и может быть восстановлен, то такое нарушение не отража-

ется на его существовании, а потому всякое новое его нарушение образует самостоятельное преступление.

Третья степень преступного повреждения общественных отношений состоит в их полном разрушении. В большей части общественные отношения при этом разрушаются потому, что один из субъектов навсегда выбывает из взаимосвязи с другими субъектами (лишается жизни, порывает связь) или совершает действия, которые уничтожают «ядро» общественного отношения — общественный интерес (разглашение тайны, уничтожение уникальной вещи и т. п.). Разрушение общественных отношений третьей степени полное и абсолютное. В своем индивидуальном, единичном проявлении общественное отношение перестает существовать. Такие разрушения в общественных отношениях производят убийство и другие случаи лишения жизни, разглашение тайны, измена Родине. Возобновить эти отношения в той части, в которой они разрушены, невозможно, хотя на уровне вида эти отношения продолжают существовать. Преступление всегда изменяет или разрушает только единичное проявление общественных отношений, только в той части, в которой общее проявляется в единичном. Общественные отношения отдельного вида могут быть ликвидированы только государством или обществом, но не преступлением. Основные общественные отношения как форма бытия общества меняются только при смене общественно-экономической формации.

Третья степень разрушения общественных отношений наиболее тяжкая. Однако надо иметь в виду, что степень разрушения общественных отношений сама по себе не определяет степени общественной опасности деяния вообще. Степень общественной опасности деяния, очевидно, определяется совокупностью основных признаков объекта — степенью разрушения общественных отношений и их социальной ценностью. Общественную опасность деяния в полной мере можно выявить только с учетом этих признаков объекта, которые для данной цели являются определяющими, главными. Например, повреждение общественных отношений, составляющих основу советского строя или личности, первой степени может быть более общественно опасным, чем некоторых отношений второй степени. Наиболее очевидно это в тех случаях, когда аналогичное нарушение касается различ-

ных по социальной ценности отношений. Например, разглашение сведений, составляющих государственную тайну (ст. 75 УК), более общественно опасно, чем разглашение тайны усыновления (ст. 124¹ УК).

Выявление степени преступного разрушения общественных отношений, наряду с их социальной ценностью, имеет важное практическое значение для выбора объектов и средств уголовно-правовой охраны, для конструкции составов преступлений, а также для выбора вида, меры наказания и для других целей осуществления правосудия. Социальная сущность преступных последствий является основным в содержании преступления и создает предпосылки для научного определения понятия преступления. Это необходимо сделать потому, что законодательное определение понятия преступления в ст. 7 Основ уголовного законодательства Союза ССР и союзных республик имеет существенные логические и смысловые недостатки. Прежде всего это определение является описательным. В нем называются формы проявления преступления (действие, бездействие), дается перечень основных объектов, на которые оно посягает, а также указывается, что преступлением является и инс, посягающее на социалистический правопорядок общественно опасное деяние. Сама суть преступления в данном определении раскрыта недостаточно полно. Не способствует выяснению сути преступления определение его через недостаточно ясное содержание термина «деяние». По крайней мере, из законодательного определения не ясно, включает ли «деяние» последствия преступления, поскольку оно характеризуется только как действие или бездействие. Если же оно их не охватывает, то в таком случае данное определение не содержит основного социального свойства преступления.

Пространная описательность и недостаточно четко выраженная социальная сущность преступления вызывают необходимость научного определения его понятия.

В определении понятия преступления главным образом необходимо выразить социальную сущность преступления — его направленность на социалистические общественные отношения и причинение в их сфере социально опасного вреда. Как было показано выше, общественная опасность преступления заключается в изменении общественных отношений, которые (изменения)

являются преступными последствиями и выступают в виде общественно опасного вреда. В определении необходимо также закрепить принцип виновности причинения социально опасного вреда в сфере соответствующих общественных отношений и противоправность их изменения. С учетом этих наиболее существенных признаков преступление можно определить как **общественно опасное, виновное и противоправное посягательство на социалистические общественные отношения, причиняющие в их сфере социально опасный вред или создающее угрозу его причинения.**

ОСНОВАНИЯ ВЫБОРА ОБЪЕКТОВ УГОЛОВНО-ПРАВОВОЙ ОХРАНЫ И СРЕДСТВ ИХ ЗАЩИТЫ

1. Основания и критерии выбора объектов уголовно-правовой охраны

Основной задачей советского уголовного закона является охрана социалистических общественных отношений (ст. 1 Основ). Однако далеко не все из них берутся под уголовно-правовую охрану¹. Возникает вопрос: какие социалистические общественные отношения требуют такой охраны и какими критериями руководствуется (и должен руководствоваться) законодатель при выборе объектов уголовно-правовой охраны из общей массы социалистических общественных отношений².

Поскольку правовая надстройка всегда соответствует определенному экономическому базису, то совокупность тех общественных отношений (благ, ценностей, интересов), которые охраняются уголовно-правовыми мерами, определяется, главным образом, социально-политическим строем общества, его классовой структурой, уровнем исторического и культурного развития. В условиях зрелого социализма такая обусловленность вытекает из задач коммунистического строительства, важным условием которого является охрана социалистических общественных отношений и перерастание их в коммунистические. Уголовно-правовая политика КПСС и Советского государства направлена главным образом на достижение этой цели. Необходимость достаточной обеспеченности охраны материальных, политических

¹ См.: Загородников Н. И., с. 36; Никифоров Б. С. Объект преступления по советскому уголовному праву, с. 20—21; Смирнов В. Г., с. 16—29.

² Общие требования, предъявляемые к правотворческой деятельности в социалистическом государстве, в данной работе не рассматриваются.

и духовных интересов общества, государства и личности отмечается во многих партийно-государственных решениях, постановлениях, в ст. 10, 31, 32, 39, 61, 62 Конституции СССР.

Социальная обусловленность уголовно-правового запрета определяется в основном социальной ценностью общественных отношений, экономическими факторами и эффективностью правовой охраны. При выборе объектов уголовно-правовой охраны законодатель учитывает в первую очередь объективные факторы, основными из которых являются: а) место, роль и социальная ценность определенных общественных отношений, б) распространенность общественно опасных нарушений данных общественных отношений, в) размеры и характер причиняемого этими нарушениями социально опасного вреда, г) эффективность тех или иных средств охраны.

Важное значение для этой цели имеет также уяснение законодателем: а) закономерностей общественного развития, б) экономических последствий издания и применения конкретных уголовно-правовых норм³ и в) возможности, необходимости и целесообразности применения в конкретных случаях уголовно-правовых средств. «Законодатель... должен смотреть на себя как на естествоиспытателя, — писал Карл Маркс. — Он не *делает* законов, он не изобретает их, а только формулирует, он выражает в сознательных положительных законах внутренние законы духовных отношений»⁴.

Выбирая объекты уголовно-правовой охраны и устанавливая уголовно-правовые запреты, законодатель должен учитывать прежде всего социальную обусловленность правового предписания, ценность определенных общественных отношений, их роль и значение для всей системы социалистических общественных отношений. Например, суверенитет страны, государственная независимость, территориальная неприкосновенность СССР, равно как и основы Советской власти, а также личность в условиях социалистического общества являются наиболее социально ценными из всех поставленных под охрану уголовного закона объектов. Само при-

³ См.: Кузнецова Н. Ф., Злобин Г. А. Социальная обусловленность уголовного закона и научное обеспечение нормотворчества. — Сов. государство и право, 1976, № 8, с. 77—78.

⁴ Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., т. 1, с. 162.

готовление к совершению посягательства на указанные отношения образует опасное государственное преступление (ст. 72 УК).

Особую ценность и значимость в системе социалистических общественных отношений представляют также отношения, составляющие основные блага личности (жизнь, здоровье, половая неприкосновенность и др.). Эти отношения настолько важны и общественная опасность посягательства на них настолько велика, что к ним неприменимо положение части 2 ст. 7 Основ уголовного законодательства Союза ССР и союзных республик. Не могут быть признаны не представляющими общественной опасности по признаку малозначительности такие преступления, как бандитизм, разбой, убийство, дезертирство.

Наступление тяжких последствий, в большинстве своем неустрашимых, является одним из основных факторов необходимости уголовно-правовой охраны определенных общественных отношений, независимо от того, поддается ли учету, измерению социально опасный вред в конкретном случае.

В частности, в отличие от измены Родине, убийства, дезертирства и подобных преступлений, при совершении которых социальный вред не поддается количественной дифференциации, хищение, спекуляция и некоторые другие посягательства могут влечь значительные изменения в сфере охраняемых объектов, но могут быть и малозначительными, не требующими уголовно-правовой охраны. Некоторые общественные отношения характеризуются тем, что причиняемый в их сфере вред поддается измерению, количественному определению. Так, хищение в зависимости от размера причиняемого вреда имеет несколько видов — мелкое (на сумму до 50 руб.), значительное (до 2500 руб.), крупное (до 10 000 руб.) и особо крупное (свыше 10 000 руб.). В то же время хищение путем кражи, присвоения, растраты, мошенничества, совершенное впервые на сумму менее 10 руб., не признается преступлением в силу малозначительности. Сходная дифференциация преступлений по размерам социального вреда применяется при спекуляции, самоуправстве и некоторых других посягательствах.

При определенных условиях охрана общественных отношений может быть обеспечена только уголовно-пра-

вовыми средствами. Эти условия характеризуются рядом объективных особенностей (признаков) преступного изменения общественных отношений, основными из которых, на наш взгляд, являются следующие: а) невозможность организации иных форм контроля в этой сфере социальной жизни или его организация крайне затруднительна (скрытность, неожиданность посягательства); б) причинение тяжких последствий; в) невозможность восстановления нарушенных общественных отношений (либо их восстановление затруднительно); г) неустрашимость причиненного социально опасного вреда.

Разумеется, здесь перечислены не все наиболее характерные особенности общественно опасного изменения общественных отношений, а только основные, наиболее существенные. Их практическое значение в том, что они являются основой классификации правонарушений: если определенные посягательства не обладают такими свойствами, то эффективность борьбы с ними может быть обеспечена применением административно-правовых, гражданско-правовых и других не уголовно-правовых мер. Это положение можно принять за один из критериев для отнесения соответствующих деяний к разряду административных (или, как их иначе называют, судебных) проступков при разработке кодекса проступков.

В частности, на этом основании такие деяния, как выпуск недоброкачественной продукции (ст. 152 УК), самовольное строительство (ст. 199 УК) и некоторые другие, могут быть декриминализованы, так как посягательство здесь совершается открыто, продолжительное время. Вредные социальные последствия при этом наступают не сразу и вполне могут быть устранены путем возмещения причиненного ущерба, увольнением от должности, сношением строения и т. п. Кстати, ст. 152 УК в качестве альтернативной санкции предусматривает увольнение от должности. Если к данной мере прибавить обязанность возместить в полном объеме либо в какой-то части причиненный ущерб, то в применении в таких случаях уголовно-правовых мер не будет необходимости.

Кроме того, практика показывает, что в силу различных обстоятельств расчеты на уголовно-правовые меры как наиболее эффективные не оправдываются.

Например, Верховным Судом Чечено-Ингушской АССР осуждены по ст. 152 УК Нунаев (директор), Степанов (старший технолог) и Басханов (главный инженер Гудермесского хлебозавода), которые в течение 1971—1972 гг. систематически и в крупных размерах допускали выпуск в магазины и предприятия общественного питания города недоброкачественных хлебобулочных изделий. Выпуск хлебозаводом продукции низкого качества неоднократно регистрировали работники торговли и общественного питания. Представители государственной торговой инспекции браковали отдельные партии хлебопродуктов и запрещали их реализацию, о чем каждый раз составлялись акты. Гудермесский райпотребсоюз неоднократно устно и письменно ставил в известность руководство завода о случаях поставки в магазины недоброкачественного хлеба⁵.

Продолжительное время Камышинский хлопчатобумажный комбинат поставлял швейным фабрикам Горького, Челябинска, Сызрани, Чебоксар и Львова недоброкачественную ткань. Камышинский комитет народного контроля в 1972 г. выявил выпуск комбинатом недоброкачественной продукции и ограничился наложением на директора комбината денежного взыскания в размере месячного оклада. После этого комбинат еще полтора года возглавляли нерадивые руководители и по их вине комбинат продолжал выпускать брак. За это время по 322 рекламациям было зарегистрировано 329 500 метров ткани и комбинат выплатил свыше 127 000 руб. штрафа⁶.

О выпуске в течение нескольких лет этими предприятиями недоброкачественной продукции было известно широкому кругу лиц, в том числе и контрольному органу — Государственной торговой инспекции. Не целесообразнее ли после двух-трех фактов выпуска недоброкачественной продукции использовать административные и гражданско-правовые меры: отстранить таких руководителей от должностей и обязать возместить причиненный ущерб? Эти меры позволили бы сэкономить значительное количество хлебопродуктов, хлопчатобумажного сырья и избежать необходимости привлекать

⁵ См.: Бюллетень Верховного Суда РСФСР, 1974, № 2, с. 9—10.

⁶ См.: Правда, 1974, 7 окт.

их к уголовной ответственности⁷. Приведенные примеры показывают, что угрожать уголовно-правовыми мерами и не использовать при этом административных мер⁸ нецелесообразно и социально не оправдано.

Вместе с тем некоторые важные общественные отношения подвергаются изменениям в условиях, при которых социальный контроль невозможен или крайне затруднителен. При этом причиняется тяжкий и не всегда устранимый вред, а потому их охрана требует применения уголовно-правовых норм. Таковы, например, поставление жизни в опасность; поборы с граждан, совершаемые должностными лицами; должностная (профессиональная) халатность, повлекшая за собой причинение тяжкого вреда; нарушение личной тайны; некорыстное насилие над личностью и некоторые другие. В связи с принятием новой Конституции СССР, закрепившей в ст. 39 важное положение о том, что граждане СССР обладают всей полнотой социально-экономических, политических и личных прав и свобод, провозглашенных и гарантируемых Конституцией СССР и советскими законами, заслуживает особого внимания уголовно-правовая охрана этих прав и свобод, а также степень их защиты уголовным законом⁹. Сравнение перечней субъективных прав граждан как объектов уголовно-правовой охраны в действующих законодательных актах социалистических стран (УК РСФСР 1960 г., УК НРБ 1968 г., УК ПНР 1969 г., УК ГДР 1968 г.) показывает, что они примерно равны по числу гарантируемых и охраняемых законом основных благ личности.

⁷ О неэффективности ныне действующей системы контроля за качеством выпускаемой продукции свидетельствует, в частности, тот факт, что Камышинский хлопчатобумажный комбинат до сих пор продолжает выпускать недоброкачественную продукцию.

Эффективной мерой борьбы с выпуском недоброкачественной продукции было бы, на наш взгляд, выведение технического контроля из подчинения администрации предприятий и создание самостоятельного государственного контрольного органа — Государственной технической инспекции, контролирующей качество выпускаемой предприятиями продукции. Признано ведь, что работники автопредприятий не могут обеспечить надлежащего контроля за выпуском на линию исправных транспортных средств и успешно эти обязанности выполняют работники госавтоинспекции.

⁸ См.: Волин П. Непотопляемость. — Лит. газ., 1980, 16 янв.

⁹ Развитие советского уголовного права в свете новой Конституции СССР. — Сов. государство и право, 1978, № 8, с. 136.

Вместе с тем некоторые из них, охраняемые уголовными кодексами ряда других социалистических стран, УК РСФСР не охраняет. Например, в нем не предусмотрена охрана личной тайны (ст. 145 УК НРБ — разглашение чужой тайны, § 136 УК ГДР — нарушение профессиональной тайны), неприкосновенности огороженной территории или нежилого помещения (§ 1 ст. 171 УК ПНР, абзац 1 § 134 УК ГДР), свободы брака (ст. 177 УК НРБ).

Конституция СССР гарантирует гражданам СССР неприкосновенность личности (ст. 54), жилища (ст. 55), охрану личной жизни, тайну переписки, телефонных переговоров и телеграфных сообщений (ст. 56), защиту чести, достоинства и личную свободу (ст. 57). Обеспечение этих конституционных прав и свобод требует усиления их уголовно-правовой охраны¹⁰.

На степень охраны влияет не только круг охраняемых благ, но и объем охраны каждого из них, т. е. число видов уголовно-наказуемых посягательств на каждое из них.

С этой точки зрения уголовное законодательство СССР и других социалистических стран не имеет существенных различий. Однако в отдельных случаях уголовные кодексы НРБ, ГДР, ПНР более полно охраняют субъективные права граждан, чем УК РСФСР. Так, УК НРБ содержит 18, а УК ГДР — 15 видов посягательств на интересы семьи и малолетних граждан. В УК РСФСР 10 видов таких посягательств. В названных социалистических государствах более полно охраняются личная свобода граждан, личная безопасность, тайна переписки и некоторые другие конституционные права. УК НРБ, кроме незаконного лишения свободы гражданина (ст. 142), наказывает также всякое принуждение к совершению каких-либо действий против воли принуждаемого, а равно и принуждение не совершать какого-либо действия (ст. 143). Ответственность за принуждение к определенному поведению путем применения

насилия или угрозы причинения серьезного вреда содержит УК ГДР (§ 129) и УК ПНР (ст. 167)¹¹.

Наряду с этим и ответственность за посягательства на личную безопасность в названных УК значительно расширена. Уголовная ответственность за угрозу не ограничивается случаями угрозы убийством, причинением тяжких телесных повреждений или уничтожением имущества путем поджога, а охватывает все случаи угрозы совершения преступления (ст. 166 УК ПНР, ст. 144 УК НРБ, § 130 УК ГДР) против личности или имущества. Кроме того, УК ПНР и УК НРБ наказывают также угрозу совершением преступления против интересов лиц, близких тому, кому высказывается угроза.

Значительно расширяют сферу защиты личной безопасности граждан те нормы УК социалистических государств, которые предусматривают уголовную ответственность за поставление в непосредственную опасность жизнь или здоровье гражданина. Например, ст. 160 УК ПНР предусматривает наказание в виде лишения свободы на срок до 3 лет тем, кто умышленно подвергает непосредственной опасности жизнь человека или создает непосредственную опасность причинения тяжкого телесного повреждения или тяжкого расстройства здоровья. За совершение этого деяния по неосторожности предусматривается лишение свободы до одного года.

Более полно, чем УК РСФСР, охраняют УК социалистических стран неприкосновенность жилища и тайну переписки. Неприкосновенность жилища советского гражданина является его конституционным правом (ст. 55 Конституции СССР). Однако содержание этого права в уголовном законодательстве не раскрывается. Не конкретизирует его и ст. 136 УК РСФСР, что приводит к затруднениям в применении ее на практике, так как неясно, что закон имеет в виду, говоря о неприкосновенности жилища. Отсюда возникают важные практические вопросы: а) о каком жилище идет речь; может ли быть

¹⁰ В. Н. Кудрявцев отметил, что охрана личности гражданина и его интересов от преступных посягательств является важной проблемой совершенствования уголовного законодательства (см.: Кудрявцев В. Н. Актуальные проблемы научных исследований в свете новой Конституции СССР. — Сов. государство и право, 1978, № 9, с. 138).

¹¹ Отсутствие такой нормы в нашем уголовном законодательстве приводит к тому, что на практике некоторые случаи общественно опасного насилия или принудительных действий в отношении граждан не содержат состава преступления. Например, насильственное обрезание у девушек кос для шиньонов (см.: В а ш у р а П. Встреча у колодца. — Комс. правда, 1972, 11 июня).

признана жилищем дача, комната в общежитии и т. п. и б) насколько жилище гражданина неприкосновенно, т. е. кто, когда и при каких условиях вправе нарушить эту неприкосновенность, а когда и при каких условиях она не может быть нарушена?

Равным образом и ст. 135 УК РСФСР только в общей форме излагает сущность посягательства на тайну переписки как «нарушение тайны переписки граждан». Между тем самое расширительное толкование данной нормы не позволяет отнести к ней такие посягательства, как подслушивание телефонных разговоров, похищение или уничтожение корреспонденции, использование для получения сведений, составляющих личную тайну, различных средств телекоммуникации и т. п. В этой связи заслуживают предпочтения ст. 171 УК НРБ и ст. 172 УК ПНР, которые более полно охраняют уголовно-правовыми средствами личную тайну гражданина. УК НРБ, например, карает вскрытие, подделку, сокрытие или уничтожение чужих писем, телеграмм, запечатанных документов, пакетов и т. п. (ч. 1 ст. 171); ознакомление с чужими вскрытыми письмами и телеграммами, передачу чужих писем, телеграмм другому лицу (ч. 2 ст. 171); ознакомление путем использования специальных технических средств с сообщением, переданным кому-либо по телефону, телеграфу или по другим средствам связи (ч. 3 ст. 171).

УК ПНР карает всякое получение обманным путем сведений, отправленных путем использования средств телекоммуникации, если эти сведения не предназначались для получившего их (§ 1 ст. 172); подлежит наказанию не только тот, кто эти сведения незаконно получил, но и лицо, которое таким образом полученные сведения распространяет (§ 2 ст. 172).

Такое законодательное решение имеет основания, так как оно учитывает современные условия жизни, когда переписка не является единственным или основным средством связи. Более того, в век электроники, телевидения, телефона, видеотелефона переписка как средство связи утрачивает свое значение. В современных условиях охрана только тайны переписки (ст. 135 УК РСФСР) не обеспечивает в полной мере личную тайну гражданина. Поскольку Конституция СССР гарантирует эти права граждан, то они должны быть вклю-

чены в число объектов уголовно-правовой охраны. Для обеспечения надлежащей охраны субъективных прав граждан необходимо расширить круг субъективных прав граждан, охраняемых уголовным законом, и усилить их охрану уголовно-правовыми средствами. С этой целью необходимо УК РСФСР и УК других союзных республик дополнить нормами, предусматривающими уголовную ответственность за разглашение личной тайны; уничтожение, похищение, сокрытие корреспонденции и подслушивание телефонных разговоров; принуждение или воспрепятствование совершению дозволенных законом действий; за любое неправомерное вторжение в жилище и отказ оставить жилище по требованию проживающих в нем лиц¹².

При выборе объектов уголовно-правовой охраны важно также учитывать распространенность нарушений определенных общественных отношений в конкретных исторических условиях. Частое их нарушение может свидетельствовать, с одной стороны, о том, что надлежащее применение используемых средств их охраны недостаточно и требует применения более эффективных мер. С другой стороны, это может свидетельствовать о том, что применение предусмотренных законом мер необоснованно, нецелесообразно. Например, социологические исследования показывают, что ст. 156 УК РСФСР применяется не чаще, чем в 12—15% случаев выявления торговой инспекцией и ОБХСС обмана в торговле. Г. Ф. Кузнецова и Г. А. Злобин обоснованно полагают, что «для борьбы с такими правонарушениями, особенно с первыми совершенными, достаточны меры административной, дисциплинарной и гражданской ответственности...»¹³. По данным нашего исследования, большинство опрошенных следователей (69%) считает, что многие хозяйственные преступления должны быть переведены в разряд административных проступков.

В общем виде выбор объекта уголовно-правовой охраны определяется главным образом общественной опасностью посягательства на конкретные обществен-

¹² Необходимость совершенствования уголовно-правовых норм, обеспечивающих охрану прав и интересов личности, отмечает и А. Кузнецов (см.: Кузнецов А. Правовые гарантии конституционных прав личности.— Сов. юстиция, 1978, № 13, с. 3—4).

¹³ Кузнецова Н. Ф., Злобин Г. А., с. 77.

ные отношения. Общественная опасность — наиболее существенный признак преступления, его основное свойство, присущее только преступлению¹⁴. Все иные нарушения общественных отношений можно считать только общественно вредными. Нельзя согласиться с тем, что между общественной опасностью и общественной вредностью различие только в терминах¹⁵. «Вредность» и «опасность» в русском языке выражают угрозу наступления качественно различных последствий. Курение, например, вредно, а прикосновение к электропроводам высокого напряжения опасно; физическая боль для здоровья вредна, а проникающее ранение в брюшную или грудную полость опасно и т. п. Опасными для определенной системы являются такие изменения в естественном функционировании, которые нарушают условия ее существования. Вредными же можно считать только такие изменения (или в большей части лишь их угрозу), которые не нарушают условия существования системы, а создают лишь временные или локальные для него (существования) помехи.

Таким образом, общественно опасные нарушения могут привести к разрушению и ликвидации системы, вредные нарушения этими последствиями не угрожают. Следовательно, в данном случае спор не о терминах, а по существу. Преступление — это деяние, опасное для интересов общества, так как оно нарушает условия его существования¹⁶. Ни административные, ни дисциплинарные проступки такими свойствами не обладают¹⁷. Этим и объясняется необходимость защиты общества от опасных для него посягательств наиболее суровыми — уголовно-правовыми средствами. В то же время и уголовно-правовые меры надлежит применять только за

¹⁴ См.: Дурманов Н. Д., с. 135; Лейст О. Э. Санкции в советском праве. М., 1962, с. 62; Самошенко И. С., с. 53.

¹⁵ См.: Кузнецова Н. Ф. Преступление и преступность, с. 123; Курс советского уголовного права. Часть Общая, ЛГУ, 1968, т. 1, с. 167.

¹⁶ См.: Маркс К и Энгельс Ф. Соч., т. 8, с. 531.

¹⁷ Нельзя согласиться с П. А. Фефеловым, что опасность для общества представляют и нарушения моральных норм (см.: Фефелов П. А. Критерии установления уголовной наказуемости деяния. — Сов. государство и право, 1970, № 11, с. 102). Аморальные поступки можно считать только вредными, так как они не создают опасности для общества, не нарушают условий его существования.

такие правонарушения, которые являются общественно опасными.

Не менее важное значение для выбора объектов уголовно-правовой охраны имеет знание законодателем закономерностей общественного развития и оценочно-волевое суждение о социальной ценности конкретных общественных отношений, о возможности, необходимости и целесообразности охраны их именно уголовно-правовыми средствами (субъективные факторы). Издавая уголовно-правовую норму об охране определенных общественных отношений, законодатель должен учитывать прежде всего объективные факторы, реальные условия жизни общества. Социалистическое законотворчество должно базироваться на знаниях, накопленных специалистами различных областей науки, на обобщении коллективного опыта масс, их чаяний и потребностей. Чтобы оценочно-волевая природа уголовного закона не стала волюнтаристской, ошибочно субъективной, она должна основываться на глубоком изучении социального основания будущего запрета, на правильном социологическом прогнозе¹⁸.

Сравнительная важность и социальная ценность общественных отношений, а также необходимость и целесообразность их уголовно-правовой охраны в социалистическом обществе определяются задачами коммунистического строительства. При этом следует принимать во внимание не только социальную ценность, особую важность тех общественных отношений, которые законодатель считает необходимым и целесообразным охранять уголовным законом, но и многие другие факторы. В частности, не менее важно при выборе объекта уголовно-правовой охраны учитывать также уровень правосознания граждан, нравственные основы жизни общества.

Одним из условий жизнеспособности уголовно-правовой нормы является правосознание большинства членов общества, в том числе и работников правоприменительных органов. Особое значение здесь приобретает правосознание граждан, они должны быть убеждены

¹⁸ См.: Кузнецова Н. Ф. Проблемы изучения эффективности уголовно-правовых норм и институтов, с. 35; Нашиц А. Правотворчество. Теория и законодательная техника. М., 1974, с. 225—227; Кузнецова Н. Ф., Злобин Г. А., с. 77—78.

в необходимости такого закона и в справедливости уголовного наказания за совершение указанного в нем преступления. Как показывает практика, те нормы уголовного закона, которые не соответствуют правосознанию большинства членов общества, практически не действуют, не выполняют своей социальной роли, не оказывают общепредупредительного влияния, т. е. они социально «мертвы». В литературе уже отмечалось, что некоторые нормы действующего законодательства являются «мертвыми», не применяемыми¹⁹. К ним можно отнести ст. 154¹, 155, 159, 199 УК. Выявление таких уголовно-правовых норм в действующем уголовном законодательстве имеет важное значение в связи с принятием Основ законодательства Союза ССР и союзных республик об административных правонарушениях и разработкой кодексов административных правонарушений.

Не менее важно при выборе объектов уголовно-правовой охраны учитывать и нравственные воззрения общества, его моральные принципы, устои. В нашей уголовно-правовой литературе нравственные основы уголовного закона, взаимосвязь норм морали (нравственности) с правовыми нормами еще недостаточно исследованы²⁰. Такое положение отрицательно сказывается на нормотворчестве, так как оно, во-первых, не позволяет в полной мере выразить в уголовном законе нормы морали, нормы нравственности и, во-вторых, не обеспечивает перспективы нравственного развития уголовного закона.

Между тем этическое основание является необходимым условием возникновения новых правовых норм, а этическое содержание нормы права — частью ее общего содержания. Поэтому при выборе объекта охраны, во-первых, необходимо учитывать этическое основание будущей уголовно-правовой нормы²¹ и, во-вторых, наиболее полно выразить в этих нормах нравственные иде-

¹⁹ См.: Карпец И. И. Наказание. Социальные, правовые и криминологические проблемы. М., 1973, с. 89.

²⁰ См.: Дурманов Н. Д., с. 242—243; Кузнецова Н. Ф. Уголовное право и мораль. МГУ, 1967, с. 50; Стручков Н. А. Советская исправительно-трудовая политика и ее роль в борьбе с преступностью. Саратов, 1970, с. 28—31.

²¹ В. Г. Беляев обоснованно считает, что без этического начала правовая норма не может ни жить, ни действовать, ни оказывать воздействия на поведение людей (см.: Беляев В. Г. Право. Правосудие. Этика.— Труды ВШ МВД СССР, 1974, вып. 9, с. 172).

алы общества. Любой нормативный акт,— отмечает Н. А. Стручков,— должен основываться на требованиях справедливости²².

Важно также иметь в виду неизбежные противоречия, вызываемые диалектикой жизни, между нормами уголовного права и нормами морали, нравственности²³, которые должны разрешаться путем соответствующих изменений уголовного законодательства. Практика высших законодательных органов СССР и союзных республик показывает, что такие противоречия не ускользают от их внимания. Совершенствование советского уголовного законодательства проводится постоянно.

Вместе с тем уголовное законодательство СССР и союзных республик в ряде случаев не в полной мере закрепляет и реализует принципы коммунистической морали. Это относится, в частности, к уголовно-правовым нормам, охраняющим жизнь, здоровье, честь и достоинство личности и некоторые другие отношения. Этические, нравственные основы уголовного закона — это отдельная, особая, весьма обширная тема, требующая самостоятельного глубокого исследования. Мы ограничимся здесь только самым общим замечанием об этических основах уголовно-правовой охраны жизни, здоровья, чести, достоинства и некоторых других общественных отношений.

Названные и сходные с ними общественные отношения характеризуются некоторыми особенностями. Во-первых, тем, что жизнь, здоровье и другие блага являются социально равноценными объектами уголовно-правовой охраны, независимо от психофизиологического состояния субъекта отношения, его общественного положения и других свойств. Во-вторых, жизнь, здоровье, честь, достоинство и другие неотъемлемые личные блага человека принадлежат конкретным индивидам, которые являются не просто единицами человеческого общества. Каждый индивид тысячами «нитей» этически, социально связан со множеством других членов общества. Каждая такая «нить», в свою очередь, не просто нейтральное соединительное средство. Всякая такая связь,

²² См.: Стручков Н. А., с. 30.

²³ См.: Алексеев Л. И. О связи правовых и моральных норм.— Сов. государство и право, 1965, № 4, с. 33; Кузнецова Н. Ф. Уголовное право и мораль, с. 54.

отношение имеют социальную оценку. Одни связи признаются высоко нравственными (например, пронесенная через всю жизнь крепкая дружба), другие — аморальные — безнравственными. Предательство, измена во все времена считалась самым низким, самым гнусным и тяжким поступком и вызывала тяжелую обиду, боль и страдания в значительной мере потому, что это делал свой, иногда близкий человек. Но близкий может не только предать, но и убить, оскорбить и т. п. Между аналогичными деяниями, совершенными чужим и близким человеком, огромная нравственная дистанция. И разделяют их главным образом особые свойства отношений — близость, родство, дружба. Наиболее ярко нравственные устои общества проявляются в отношениях к самым близким людям: к матери, отцу, брату, сестре, дочери, сыну. Отсюда вытекает необходимость и важная задача общества оберегать основы общественной нравственности, постоянно воспитывать, развивать нравственные начала жизни людей. Как раз поэтому в ст. 27 Конституции СССР нравственное и эстетическое воспитание советских людей определено в качестве важной государственной задачи.

Как и насколько учитывает этические основы действующее уголовное законодательство СССР и союзных республик? Анализ показывает, что с этих позиций имеются возможности дальнейшего его совершенствования. В частности, в законе не выделены как деяния с отягчающими обстоятельствами убийство матери или отца, а также и другие преступления в отношении близких людей (изнасилование, клевета, нанесение телесных повреждений и т. п.)²⁴.

В нашем действующем законодательстве не различается укрывательство преступлений, совершенных посторонним и близким человеком. Закон в равной мере возлагает обязанность донести об известном готовящемся или совершенном преступлении как на постороннего, так и на близкого человека.

В этой коллизии предпочтнее, очевидно, следует отдать нравственным устоям общества как более ценному социальному благу. Разрушение нравственности

²⁴ Законодательство некоторых социалистических стран признает особо тяжким преступлением убийство отца, матери, сына или дочери. Например, п. 3 ст. 116 УК НРБ.

может привести к более тяжким последствиям, чем вред, причиняемый правосудию отдельными случаями недонесения о преступлении.

Поэтому целесообразно, на наш взгляд, с одной стороны, усилить уголовную ответственность за преступления против близких лиц, а с другой — исключить уголовную ответственность за недонесение о преступлениях и укрывательство преступлений, совершенных близкими²⁵. Возникающие в последнем случае некоторые затруднения в отправлении правосудия можно компенсировать повышением профессионального уровня следователей, судей, более четкой организацией их работы и надлежащим техническим оснащением. Отметим, что все новые законодательные акты социалистических государств содержат положения об освобождении от уголовной ответственности родственников и близких за укрывательство и недонесение (например, п. 3. § 233 УК ГДР, § 2. ст. 252 УК ПНР, п. 3 ст. 194 УК НРБ).

В литературе высказывалось мнение, что при выборе объекта уголовно-правовой охраны законодатель должен учитывать также возможность такой охраны. В. И. Каминская, например, считает, что не со всяким общественно опасным явлением можно бороться путем уголовно-правового запрета и угрозы наказанием, хотя и не называет конкретных видов таких явлений. По ее мнению, неэффективна борьба с деяниями, которые: а) не поддаются четкой формализации в уголовно-правовой норме в виде определенных признаков состава преступления и б) заведомо не поддаются доказыванию²⁶.

Такие опасения, на наш взгляд, необоснованны,

²⁵ Специальные социологические исследования показывают, что подавляющее большинство граждан из числа опрошенных считают, что уголовная ответственность не должна наступать за укрывательство преступлений, совершенных близкими людьми, и за недонесение о таких преступлениях (см.: Проблемы социологии права. Вильнюс, 1970, вып. 1, с. 223—229). Заслуживает также одобрения и поддержки предложение В. Г. Беляева об освобождении по этическим основаниям некоторых категорий лиц от допросов и дачи показаний, изоблицающих близких, родных допрашиваемого (см.: Беляев В. Г. с. 184).

²⁶ См.: Каминская В. И. Теоретические проблемы социальной обусловленности и эффективности уголовного правосудия. — В кн.: Эффективность применения уголовного закона, М., 1973, с. 60—61.

а трудности формализации состава преступления или его доказывания преувеличены. Решение как той, так и другой задачи действительно иногда бывают трудным, но практически и то и другое возможно. Поэтому такие основания не могут быть препятствием для постановки тех или иных отношений под охрану уголовного закона, для установления определенных уголовно-правовых запретов, ибо преодоление возникающих при этом трудностей оправдывается важностью цели — охраны социалистических общественных отношений.

Принимая решение поставить под уголовно-правовую охрану какой-то объект посягательства, охранять уголовно-правовыми мерами определенное благо, законодатель должен учитывать и виктимологию. Поведение потерпевшего, т. е. субъекта, интерес которого законодатель имеет намерение защищать уголовно-правовыми средствами, в некоторых случаях может существенно влиять на выбор средств либо вовсе исключать их применение, особенно в тех случаях, когда поведение потерпевшего стимулирует посягательство. Например, вызывающее поведение при посягательстве на личность, если противоправные действия потерпевшего не вызвали сильного душевного волнения, не породили права на необходимую оборону и т. п. Наиболее часто такая ситуация возникает при посягательствах на половую свободу или половую неприкосновенность женщины, поведение которой провоцирует посягательство, так как дает виновному основание рассчитывать на ее согласие.

Проведенная по проблеме виктимологии дискуссия показала ее важное практическое значение²⁷. Выводы авторов дискуссии заслуживают одобрения, а внесенные ими предложения должны быть использованы в нормотворчестве при выборе объектов уголовно-правовой охраны, при конструировании конкретных уголовно-правовых норм.

²⁷ См.: Кузнецова Н. Уголовно-правовое значение «вины потерпевшего». — Сов. юстиция, 1967, № 17, с. 16; Дагель П. Имеет ли «согласие потерпевшего» уголовно-правовое значение? — Сов. юстиция, 1972, № 3, с. 25; Филановский И. Влияние поведения потерпевшего на ответственность субъекта преступления. — Сов. юстиция, 1972, № 14, с. 13; Красиков А. Понятие «согласие потерпевшего» и его значение в уголовном праве. — Сов. юстиция, 1972, № 22, с. 17; Красиков А. Н. Сущность и значение согласия потерпевшего в советском уголовном праве. Саратов, 1976.

2. Основания выбора средств уголовно-правовой охраны

Если в основе выбора объектов уголовно-правовой охраны лежит принцип полноты охвата наиболее важных социалистических общественных отношений, то в основе выбора средств их охраны главным является принцип экономии уголовной репрессии.

Разумеется, что принцип экономии уголовной репрессии не является первоосновой уголовно-правовой политики Коммунистической партии и Советского государства. Он выступает частью и способом реализации более общего принципа уголовно-правовой политики — использования мер государственного принуждения (наказания) для осуществления задач коммунистического строительства.

Осуществление названных принципов выдвигает задачу установления наиболее оптимальных мер защиты общественных отношений от преступных посягательств: при максимальной экономии уголовной репрессии не допустить «пробелов» в уголовном законе, т. е. наиболее полно охватить круг объектов уголовно-правовой охраны с наименьшей затратой уголовно-правовых средств.

Решение этой задачи усложняется диалектикой жизни, постоянным возникновением и изменением общественных отношений, возникновением новых видов общественно опасных посягательств, появление которых невозможно предвидеть. Например, в момент издания Основ уголовного законодательства СССР и союзных республик и УК союзных республик (1958—1961 гг.) трудно было предположить, что бурное развитие авиации приведет к возникновению такого преступления, как угон воздушного судна, а мода на шиньоны — к насильственному обрезанию женских кос.

Так называемый «пробел» в уголовном законе есть не что иное, как незащищенность определенного социального блага уголовно-правовыми средствами. Считать такое положение исполнотой уголовного закона нет оснований. Изданный уголовный закон всегда полон и, по мысли законодателя, достаточен. Нельзя издавать уголовные законы впрок, про запас. Кроме того, законодатель может сознательно, в целях экономии уголовной репрессии не ставить определенные общественные

отношения под охрану уголовного закона или какое-то общественно вредное посягательство на охраняемый объект не признавать преступлением.

Вместе с тем было бы упрощением проблемы исходить из того, что «в условиях развитой системы законодательства в уголовном праве в принципе не может быть пробелов»¹. На самом деле проблема совершенствования законодательства всегда актуальна, особенно в настоящее время. Следует, очевидно, согласиться с В. Глушковым в том, что в наше время функция совершенствования управления и законодательства «становится настолько важной и сложной, что требует своего выделения в самостоятельную, специализированную организацию на весьма высоком уровне»².

Дело, однако, не только в том, что законодатель в известной мере не поспевает за развитием общественной жизни. Проблема наиболее полного охвата общественных отношений уголовно-правовой охраной упирается в не менее важную задачу — максимальной экономии уголовной репрессии. Государство не может легкомысленно подходить к применению наказания, ибо оно «...отсекает от себя свои живые части всякий раз, когда оно делает из гражданина преступника»³.

В своей уголовно-правовой политике, в применении уголовной репрессии государство должно исходить из того, что в правонарушителе оно «...должно видеть... человека, живую частицу государства, в которой бьется кровь его сердца, солдата, который должен защищать родину... члена общины, исполняющего общественные функции, главу семьи, существование которого священо, и, наконец, самое главное — гражданина государства»⁴.

Принцип экономии уголовной репрессии обеспечивается, во-первых, установлением в уголовном законе оптимальных, соответствующих по тяжести совершенным преступлениям наказаний и, во-вторых, предоставлением суду права и возможности корректировать нака-

¹ Пиголькин А. С. Обнаружение и преодоление пробелов права. — Сов. государство и право, 1970, № 3, с. 52.

² Беседа специального корреспондента «Литературной газеты» В. Моева с академиком В. Глушковым. — Лит. газ., 1974, 6 марта.

³ Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., т. 1, с. 132.

⁴ Там же, с. 132.

зание с учетом индивидуальных особенностей совершенного деяния и личности преступника.

В самом общем виде пределы выбора средств уголовно-правовой охраны должны ограничиваться, с одной стороны, целесообразностью, гуманностью и справедливостью наказания, с другой — социальной необходимостью их применения.

Правда, названные критерии носят общий характер и в значительной мере совпадают по содержанию, ибо гуманное наказание является в то же время и справедливым, а справедливое — целесообразным и наоборот. И все же главным, основным в наказании должно быть выражение социальной справедливости. Справедливость, обоснованно утверждал М. Д. Шаргородский, необходима обществу, она дает людям сознание физической и духовной безопасности⁵. Несправедливое наказание, напротив, не имеет общественно-моральной поддержки, а без этого наказание теряет свое основное социальное назначение и не оказывает положительного воздействия на членов общества⁶.

Однако указание на то, что наказание должно быть справедливым, все же не дает ясного ответа на вопрос о том, какое же наказание следует считать справедливым. Иными словами, необходимо найти критерий справедливости и более конкретное обоснование применения наказания.

Таким критерием, на наш взгляд, является общественная польза, интересы общества. В этом единственное оправдание наказания. Но интересы общества в известной мере включают в себя и интересы отдельной личности. Интересы личности и интересы общества взаимосвязаны. Нельзя причинить вред личности, не причиняя вреда обществу. Поэтому чрезмерно жестокое наказание безрезультатно, оно не устрашает и не перевоспитывает⁷, поскольку от чрезмерно жестокого наказания не меньше вреда, чем пользы. Всякое тяжкое наказание (смертная казнь, лишение свободы) имеет

⁵ См.: Шаргородский М. Д. Наказание, его цели и эффективность. ЛГУ, 1973, с. 83.

⁶ См.: Самощенко И. С., Фариукшин М. Х. Ответственность по советскому законодательству. М., 1971, с. 142—160; Стручков Н. А., с. 46.

⁷ См.: Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., т. 1, с. 123, т. 8, с. 530.

как положительные, так и отрицательные стороны, оно не только полезно, но и вредно для общества. Известно, что лишение свободы способно не только исправлять, но и портить⁸.

Советские криминалисты обоснованно считают, что эффективность наказания — это степень реального обеспечения безопасности общества⁹. Именно в целях охраны общества, его основных интересов применяется уголовное наказание. Но применение наказания не всегда полезно. Кроме причинения вреда преступнику, общество причиняет наказанием вред и себе самому, так как благополучие общества — в благополучии всех его членов. При выборе уголовно-правовых средств охраны общественных отношений законодатель должен учитывать эти отрицательные последствия применения наказания.

Обеспечение принципа экономии уголовной репрессии может быть достигнуто осуществлением ряда мер. Наиболее важно, на наш взгляд, при выборе уголовно-правовых средств охраны соблюдать следующие правила: а) не издавать «мертвых» уголовно-правовых норм (на практике не применяемых), а изданные — отменять; б) устанавливать оптимальные верхние и нижние пределы санкции за конкретное деяние; в) выбирать оптимальный разрыв между нижним и верхним пределом санкции (т. е. разумно ограничивать судебское усмотрение); г) ограничивать с учетом социальных особенностей объекта уголовно-правовой охраны минимальный и максимальный возраст уголовной ответственности за отдельные виды преступлений (в частности, есть все основания установить уголовную ответственность за преступления, предусмотренные ст. 80, 122—124, 209—210¹, 237—269 УК, с 18-летнего возраста, а уголовную ответственность за преступления, предусмотренные ст. 80, 81,

⁸ См.: Шаргородский М. Д., с. 89; Шмаров И. В. Преодоление отрицательных последствий отбывания уголовного наказания. — Сов. государство и право, 1977, № 2 с. 84.

⁹ См.: Яковлев А. М. Об эффективности исполнения наказания. — Сов. государство и право, 1964, № 1, с. 101; Наташев А. Е., Стручков Н. А. Основы теории исправительно-трудового права. М., 1967, с. 164; Курс советского уголовного права. Часть Общая. ЛГУ, 1970, т. 2, с. 229; Дагель П. С. Основания установления уголовной наказуемости деяния. — В кн.: Ученые записки Дальневосточного ун-та. Владивосток, 1961, вып. 3, с. 186.

209, 237—269 УК, до 60-летнего возраста); д) при равной эффективности уголовно-правовых и иных средств охраны предпочтение должно быть отдано последним, т. е. для применения уголовного наказания в этом случае нет оснований¹⁰.

Следует отметить, что советское уголовное законодательство, по общему правилу, построено с учетом этих требований. Советский законодатель в применении мер уголовной репрессии экономичен, может быть, в некоторых случаях даже чрезмерно. Вместе с тем в действующем уголовном законодательстве имеются нормы, практически не применяемые, что в известной мере является нарушением принципа экономии репрессии¹¹.

При издании уголовно-правовой нормы очень важно соизмерять цели уголовного закона со средствами, применяемыми для их достижения. Воздействие уголовного закона на поведение людей несомненно, однако общепреventивное значение наказания действительно только до определенных пределов. Это ставит задачу выбора оптимального размера санкций уголовно-правовых норм. Оптимальный размер санкции уголовно-правовой нормы может быть выявлен только путем глубокого исследования общественного правосознания и правосознания работников правосудия, а также практики применения уголовного закона и назначения различных видов наказания¹².

Анализ действующего законодательства и практики его применения свидетельствует, что размеры санкций некоторых уголовно-правовых норм не оптимальны. Некоторые из них завышены и поэтому не всегда в полной мере реализуются¹³. Например, практика назначения

¹⁰ П. А. Фефелов считает, что при установлении уголовной наказуемости деяний следует также использовать критерий наличия необходимых условий для реализации принципа неотвратимости наказания (см.: Фефелов П. А., с. 103). На наш взгляд, критерий наличия необходимых условий для реализации принципа неотвратимости наказания относится не к нормотворческой, а к правоприменительной деятельности.

¹¹ См.: Карпец И. И., с. 89.

¹² На наш взгляд, эта тема самостоятельного социологического исследования, далеко выходящая за пределы данной работы.

¹³ М. И. Ковалев и В. Н. Кудрявцев отмечают, что чрезмерно завышенная санкция редко применяется в полном объеме (см.: Ковалев М. И., Кудрявцев В. Н. Комплексные криминологико-правовые исследования. — Сов. государство и право, 1975, № 1, с. 60).

наказания за злостное хулиганство (ч. 2 ст. 206 УК) показывает, что суды в большинстве случаев назначают минимальное наказание, а в значительной части даже наказание ниже низшего предела. Назначение наказания по ч. 3 ст. 206 УК тоже не превышает в среднем 3,5 лет лишения свободы, а часто не достигает санкции этой нормы, то есть практически суды, осуждая по ч. 3 ст. 206 УК, придерживаются пределов санкции ч. 2 ст. 206 УК¹⁴.

Представляются завышенными также санкции в ст. 87, 88, 93¹ УК. В некоторых уголовно-правовых нормах санкции, наоборот, занижены. Например, вымогательство государственного или общественного имущества (ст. 95 УК) во многом сходно с разбоем, имеет высокую степень общественной опасности, однако максимальное наказание за него в УК установлено в виде лишения свободы на срок до 4-х лет, тогда как разбой наказывается по ч. 1 ст. 91 УК лишением свободы до 10 лет с конфискацией имущества. Наиболее очевидно несоответствие санкции данного деяния в случае удовлетворения требования вымогателя за счет государственного имущества в крупном или особо крупном размере.

Занижены, на наш взгляд, санкции и в ст. 112, 130, 131, 135, 136, 138, 149, 178, 193, 200, 207 УК. В большинстве случаев содержащиеся в названных статьях нормы предусматривают минимальные меры наказания. В статьях УК, предусматривающих ответственность за все виды оскорбления (ст. 131), незаконное увольнение трудящегося с работы из личных побуждений (ст. 138), умышленное уничтожение личного имущества гражданина, причинившее значительный ущерб (ч. 1 ст. 149), заведомо незаконное задержание гражданина (ч. 2 ст. 178), самоуправство, причинившее гражданину существенный вред (ст. 200), такое наказание, как лишение свободы, не предусмотрено вовсе.

За аналогичные преступления УК НРБ, ПНР и ГДР предусматривают наказание, как правило, в виде лишения свободы. Для сравнения приведем таблицу с указанием максимальных санкций за некоторые посягатель-

¹⁴ Аналогичные данные назначения наказания за хулиганство получены и другими авторами (см.: Кондусов А. П., с. 24—25).

ства на основные права и свободы гражданина (таблица 2).

Таблица 2

Наименование преступления	Уголовные кодексы			
	РСФСР	НРБ	ГДР	ПНР
Оскорбление	1 г. н. р.	3 г. л. св.	1 г. л. св.	2 г. л. св.
Нарушение тайны переписки	6 м. н. р.	2 г. л. св.	условн. осужд.	2 г. л. св.
Нарушение неприкосновенности жилища	1 г. л. св.	3 г. л. св.	условн. осужд.	2 г. л. св.
Нарушение трудовых прав	1 г. н. р.	—	—	3 г. л. св.
Незаконное лишение свободы	3 г. л. св.	5 л. л. св.	10 л. л. св.	10 л. л. св.
Угроза убийством	6 м. л. св.	6 м. л. св.	1 г. л. св.	2 г. л. св.

Как видно из таблицы, в большинстве случаев УК ПНР, НРБ и ГДР значительно более строго наказывают преступления против перечисленных прав граждан, предусматривая за них лишение свободы на значительные сроки. УК РСФСР, напротив, такие преступления признает малозначительными и наказывает либо лишением свободы на минимальные сроки, либо наказаниями, не связанными с лишением свободы. В частности, в ст. 51 УК деяния, предусмотренные ст. 112, 130, 131, 144 УК, признаются малозначительными преступлениями. Такая оценка посягательств на конституционные права граждан не соответствует социальным условиям зрелого социализма, указаниям КПСС о всемерной охране прав и интересов личности, закреплению и гарантиям широких прав и свобод граждан СССР в ст. 39—69 Конституции СССР.

Следует также отметить, что на практике очень редко виновные в посягательстве на конституционные права граждан подвергаются наказанию в виде лишения свободы¹⁵. По 1500 изученным нами уголовным делам о кле-

¹⁵ См.: Коржанский Н. И. О недостатках уголовно-правовой охраны чести и достоинства личности.— Труды ВСП МВД СССР, 1970, вып. 3, с. 40—41.

вете и оскорблениях, рассмотренных народными судами в 1970—1975 гг., наказания в виде лишения свободы составили около одного процента.

С другой стороны, некоторые уголовно-правовые нормы, предусматривающие ответственность за посягательства на права и свободы граждан, недостаточно дифференцированы, что приводит к необоснованно суровым наказаниям за совершение преступления при особых обстоятельствах. Например, посягательство на половую свободу женщины в соответствии со ст. 117 УК наказывается лишением свободы на срок от 3 до 7 лет (ч. 1) или смертной казнью (ч. 4). В общем такое суровое наказание за данное преступление обоснованно и возражений не вызывает. Однако нередко посягательство на половую свободу женщины совершается при особых обстоятельствах, которые весьма существенно понижают его общественную опасность. Например, применение насилия к жене или к другой женщине, с которой у виновного уже длительное время существуют близкие интимные отношения, несравненно менее общественно опасно, чем изнасилование незнакомой женщины, часто случайно встретившейся виновному. Кроме того, в некоторых случаях поведение женщины дает серьезные основания виновному рассчитывать на ее согласие вступить с ним в близкие интимные отношения. При таких особых обстоятельствах, стимулирующих преступление, на наш взгляд, посягательство на половую свободу женщины должно влечь наказание, по общему правилу, не связанное с лишением свободы, а в некоторых случаях может быть целесообразно освобождать виновного от наказания. Как врач, лечащий желудок, не должен вредить сердцу, так и законодатель, охраняя права и интересы одного гражданина, не должен упускать из виду права и интересы другого.

Для обеспечения надлежащей охраны прав и свобод граждан, предусмотренных ст. 39—69 Конституции СССР, необходимо также значительно повысить санкции за посягательства на права и свободы граждан в ст. 112, 130, 131, 135, 136, 138, 149, 178, 193, 200, 207 УК РСФСР и соответствующих статьях УК других союзных республик. Как завышенные, так и заниженные санкции не должны удовлетворять законодателя, ибо первые нарушают принцип экономии репрессии, а вторые — не обес-

печивают надлежащей охраны общественных отношений.

Не менее важно в целях экономии репрессии установить оптимальный разрыв между верхним и нижним пределами санкции. Этот разрыв в некоторых санкциях настолько широк, что почти равен всей мере наказания, предусмотренной действующим законодательством. Например, санкция ст. 79 УК предусматривает лишение свободы от 2 до 15 лет, т. е. разрыв между ее пределами составляет 13 лет; санкция ч. 1 ст. 87 — от 3 до 15 лет лишения свободы, с разрывом в 12 лет. Некоторые санкции имеют только верхний предел, но довольно высокие. Например, ч. 2 ст. 98 УК предусматривает наказание в виде лишения свободы на срок до 10 лет, не ограничивая нижнего предела; санкция ч. 1 ст. 108 УК ограничивает только верхний предел 8 годами лишения свободы.

Оптимальным был бы, на наш взгляд, разрыв между верхним и нижним пределами санкции, предусматривающей лишение свободы, в 5 лет. Такого разрыва вполне достаточно для того, чтобы обеспечить, с одной стороны, возможность индивидуализации наказания (с учетом, разумеется, ст. 43 УК) и, с другой стороны, обеспечить назначение хотя бы примерно равного наказания за совершение одного и того же преступления. Этого требует соблюдение принципов законности и справедливости.

При выборе средств охраны объекта особенно внимательно следует обсуждать вопрос о возможности защиты данного общественного отношения иными, не уголовно-правовыми средствами. Для этого необходимо применительно к охране каждого отдельного общественного отношения выявить эффективность как уголовно-правовых, так и иных средств охраны. И если сравнительная эффективность этих средств окажется равной, то в целях экономии уголовной репрессии предпочтение следует отдать иным мерам воздействия (общественным, административным и др.).

Сравнительная эффективность различных средств охраны общественных отношений может быть проверена только практикой применения этих средств. В поисках наиболее оптимального варианта законодатель вынужден испытывать различные средства, неоднократно ме-

нять средства защиты отдельных общественных отношений, изучать эффективность их охраны всеми возможными средствами: уголовно-правовыми, административными, мерами общественного воздействия¹⁶. По этим основаниям отменена, например, уголовная ответственность за прогулы, аборт, незаконное ношение орденов, мелкое хулиганство, мелкую спекуляцию.

Следовало бы, на наш взгляд, испытать (на примере, может быть, одной союзной республики) эффективность гражданско-правовых средств и мер общественного воздействия к лицам, виновным в небрежном использовании сельскохозяйственной техники (ст. 99¹ УК), незаконном пользовании товарными знаками (ст. 155 УК), самовольном строительстве и захвате земли (ст. 199 УК).

Много эффективнее было бы, например, лишить права собственности владельца личного автотранспортного средства, повторно в течение года управляющего им в состоянии опьянения, чем признавать его преступником и лишать свободы, оставляя ему возможность продолжать в будущем угрожать общественной безопасности.

3. Способы и приемы закрепления объекта уголовно-правовой охраны

Выбор объекта уголовно-правовой охраны и средств его защиты завершается изданием уголовно-правовой нормы. Немаловажное практическое значение имеют способы законодательного описания объектов уголовно-правовой охраны и конструкция уголовно-правовых норм и статей уголовного закона.

В действующем уголовном законодательстве СССР и союзных республик объект преступления определяется как в общем виде (общий объект), так и в отдельных случаях конкретно (видовой объект). Родовой объект посягательства законом не определяется. В большинстве случаев на него указывает наименование глав отдельных частей уголовных кодексов союзных республик. Под

¹⁶ Н. Ф. Кузнецова отмечает, что, например, норма об ответственности за самогоноварение с 1918 г. изменялась с этой целью десять раз (см.: Кузнецова Н. Ф. Уголовное право и мораль, с. 16—17).

это правило не подпадают только часть вторая гл. 1 — «иные государственные преступления» и гл. 5 УК РСФСР — «преступления против личной собственности граждан».

Общий объект уголовно-правовой охраны указан в ст. 1 и 7 Основ уголовного законодательства СССР и союзных республик. В этих статьях общий объект преступления определяется как советский государственный и общественный строй, социалистическая собственность и система хозяйства, личность, политические, трудовые, имущественные и другие основные права граждан и социалистический правопорядок в целом. В таком виде объектом уголовно-правовой охраны выступает вся совокупность основных социалистических общественных отношений.

Статьи 1 и 7 уголовного законодательства СССР и союзных республик содержат лишь примерный перечень наиболее важных социалистических общественных отношений, поставленных под охрану уголовного закона. Давать полный перечень этих отношений в законе нет необходимости. Однако некоторые из названных отношений нуждаются в законодательном уточнении. В частности, представляется, что объектом уголовно-правовой охраны должны быть признаны все конституционные права и свободы граждан.

Уголовный закон должен охранять все права и свободы гражданина, вытекающие из его статуса, закрепленного в Конституции СССР: право личной свободы, право свободного передвижения, честь, достоинство, неприкосновенность личности и жилища и другие права и свободы, а если они уголовным законом не охраняются, их необходимо поставить под охрану.

Наиболее важно с интересующей нас стороны выявить определение законом видового объекта отдельных преступлений и его соответствие определенному нами видовому объекту преступления как реализации возможности определенного социального поведения или состояния субъектов отношения.

Объекты конкретных посягательств определяются законом различным образом. В одних случаях в законе называется только сущность социального блага, на которое направлено посягательство, в других — объект преступления определяется через интересы участников от-

ношения, в третьих — называются те конкретные общественные отношения, которые призваны охранять социальная норма.

Так, в ст. 64 УК непосредственный объект измены Родине определяется как государственная независимость, территориальная неприкосновенность и военная мощь СССР. В этих определениях выражена сущность многих общественных отношений, направленных на обеспечение государственной независимости, территориальной неприкосновенности и военной мощи Советского государства. К ним можно отнести отношения гражданства, отношения по обеспечению сохранности государственной тайны, обороноспособности и т. п.

Конкретизируя названный в данной статье объект уголовно-правовой охраны, обнаруживаем, что он представляет собой осуществление Советским государством независимой внешней и внутренней политики, состояние неприкосновенности его границ и территории, обеспечение своего экономического и военного могущества. На реализацию возможностей такого поведения и состояния Советского государства как участника общественных отношений со своими гражданами и посягает измена Родине.

Аналогично характеризуется объект посягательства и в ст. 74, 102—106, 108—114, 130, 131, 153, 154 УК.

В некоторых уголовно-правовых нормах наряду с указанием на социальную сущность деяния называется и его предмет. Таковы, например, хищения — ст. 89—93¹ и 144—147, фальшивомонетничество — ст. 87, браконьерство — ст. 163—164, 166, подделка документов — ст. 196, порнография — ст. 228, мародерство — ст. 266 УК. Указание в законе на предмет посягательства позволяет более точно определить те общественные отношения, которые существуют по его поводу и которые являются объектом данного преступления.

В ст. 65, 170, 171, 172 УК объект преступления определяется через интересы участников общественных отношений (интересы СССР, интересы службы, интересы граждан). Названные интересы проявляются в определенных социальных возможностях участников общественной жизни. Реализация указанных возможностей и является видовым (непосредственным) объектом преступлений, ответственность за которые установлена

ст. 65, 170—172 УК. Возможность обеспечить сохранность государственной тайны (ст. 65, 75, 76), возможность выполнения учреждениями, организациями и предприятиями задач коммунистического строительства (ст. 170), возможность гражданину беспрепятственного осуществления и защиты его прав органами власти или управления (ст. 171 УК) являются видовыми (непосредственными) объектами этих посягательств.

Сходно определяется объект преступления через права участников общественных отношений в ст. 132, 134, 170, 171, 172 и 227 УК. Видовым объектом этих преступлений выступают социальные возможности определенного поведения, которые закреплены в соответствующих правах граждан, социалистических организаций, учреждений или предприятий. Иногда указание на видовой объект посягательства содержится в наименовании нормы (в заглавии) и отсутствует в диспозиции. Например, ст. 137 и 141 УК именуются как «нарушение законных прав профсоюзов» и «нарушение авторских и изобретательских прав», однако прямого указания на нарушение прав в диспозиции этих статей нет. Такое наименование следует считать законодательным определением видового объекта данных посягательств.

В некоторых уголовно-правовых нормах видовым объектом преступления называются конкретные общественные отношения. Например, Советская власть (ст. 66, 70), честь и достоинство (ст. 131), советский государственный и общественный строй (ст. 190¹), здоровье людей (ст. 223, 227), военная служба (ст. 240, 241, 242, 243, 244, 249 УК).

В этих определениях видовой объект посягательства имеет различный объем. В одних нормах называется целая область общественных отношений (Советская власть, советский государственный и общественный строй), в других — отдельные общественные отношения (здоровье, боевое дежурство). Конкретизация видового и непосредственного объектов перечисленных выше преступлений через социальные возможности вызывает в связи с этим трудности.

Посягательство на определенные общественные отношения, равно как и на однородную совокупность общественных отношений, причиняет вред или угрожает причинением вреда в сфере этих отношений всегда с ка-

кой-то одной стороны. Отдельное преступление не может одновременно уничтожить или повредить всех носителей этих отношений или их субстраты — материальные объекты. Отдельное преступление посягает только на одну сторону отношения, входящего в определенную систему, группу. Например, посягательство на Советскую власть может быть направлено на жизнь ее представителей (ст. 66) или на ее экономическую основу (ст. 68, 69 УК). Террористические акты, вредительство и диверсии прежде всего причиняют вред жизни и отношениям собственности. Политический или экономический вред в сфере этих отношений может быть причинен только с какой-то одной стороны — либо со стороны жизни ее представителей, либо экономического могущества, либо авторитета и уважения (антисоветская пропаганда и агитация).

Как раз эти стороны общественных отношений, составляющих Советскую власть, и призваны охранять уголовно-правовые нормы, содержащиеся в ст. 66, 68, 69 и 70 УК. Отмеченные стороны названных отношений составляют возможность представителей Советской власти жить и осуществлять ее, развивать и упрочивать ее экономическую основу, поддерживать международный авторитет и всеобщее уважение со стороны трудящихся масс и реализовывать эти возможности. Таким образом, реализация названных возможностей является видовым объектом преступлений, предусмотренных ст. 66, 68, 69 и 70 УК.

Значительная часть уголовно-правовых норм сконструирована так, что в них не содержится указания на объект посягательства или на его предмет. Например, нормы, закрепленные в ст. 71, 143, 162, 173—174¹, 209, 235, 264 и некоторых других статьях УК. Такой технико-юридический прием неоправдан. Предпочтения заслуживают те нормы, в которых имеется определенное указание на объект охраны, поскольку оно показывает социальную направленность и общественную опасность деяния и облегчает его квалификацию.

Важно также при конструировании уголовно-правовых запретов учитывать удобства и трудности применения уголовного закона, пользования им. Издавая уголовно-правовые нормы, законодатель должен заботиться о том, чтобы их содержание было простым и обще-

понятным. С этой точки зрения конструкция некоторых уголовно-правовых норм, статей, разделов и глав в действующем законодательстве несовершенна. Прежде всего, далеко не все главы Особой части построены строго по родовому объекту. От этого система Особой части уголовного законодательства не обладает достаточной логической стройностью. Этого недостатка можно избежать, если в законодательной практике соблюдать правило: в одну главу (раздел) могут быть помещены только те деяния, которые посягают на один и тот же родовой объект. Строго выдержанная по родовому объекту преступления структура глав (разделов) Особой части уголовного законодательства значительно облегчила бы его изучение и применение на практике.

Не обладает достаточной четкостью также структура построения уголовно-правовых норм и статей. Многие уголовно-правовые нормы и статьи уголовного закона не имеют достаточно четко очерченных пределов со стороны объекта преступления. В значительной мере УК союзных республик сконструированы так, что одна статья и даже одна уголовно-правовая норма охватывает деяния, посягающие на различные видовые объекты. Этот конструктивный недостаток уголовного закона значительно затрудняет его применение.

Для облегчения пользования УК его структуру целесообразно строить таким образом, чтобы в одной статье содержалась одна уголовно-правовая норма или нормы, посягающие на один и тот же видовой объект. Конструкцию статей, в которых предусматривается ответственность за посягательство на различные видовые объекты, как это имеет место в ст. 88, 121, 153, 193, 196, 199, 226, 232 УК, следует признать неудачной. И совсем неоправданным с этой точки зрения представляется помещение посягательств на различные объекты в одной уголовно-правовой норме, например, в ст. 226 УК. Такая конструкция статей УК и уголовно-правовых норм значительно затрудняет выявление видового объекта посягательства.

Этих затруднений можно избежать, если при построении структуры уголовного закона соблюдать правило: в одной статье может быть помещена одна или несколько уголовно-правовых норм, предусматривающих

ответственность за посягательства на один и тот же видовой объект.

Идеальной, очевидно, была бы такая конструкция УК, при которой одна статья содержала бы одну уголовно-правовую норму. Таковы, например, ст. 65, 71, 84, 97, 103, 120, 172, 194, 200 УК. Кроме удобства пользования, такая конструкция уголовного закона необходима еще и для того, чтобы выработать меру преступления, или точнее, единицу измерения преступления. Такой единицей может быть уголовно-правовая норма. С учетом способа совершения преступления и формы вины посягательство на один и тот же видовой объект можно принять за единицу преступления, которая должна, во-первых, всегда подлежать вменению и самостоятельной квалификации, и, во-вторых, влечь при прочих равных условиях назначение примерно равного наказания.

Принципы законности и справедливости социалистического правосудия настоятельно требуют выработки и принятия масштаба, единицы измерения преступления. Без такого масштаба правосудие подобно торговле без гирь и весов. Это положение приводит к тому, что за одинаковые преступления во многих случаях назначаются явно не равные наказания. Например, Цаплин по ч. 2 ст. 108 УК осужден к 10 годам лишения свободы¹, а Азаров за такое же преступление — к 2 годам и 2 месяцам лишения свободы².

Для правосудия важно не только соответствие санкции тяжести деяния, описанного в законе, но и сравнительное соответствие назначаемого наказания за сходные по тяжести преступления. При всех условиях (с учетом как отягчающих, так и смягчающих обстоятельств) более тяжкое преступление не должно наказываться менее строго, чем преступление меньшей тяжести. Учет смягчающих обстоятельств в одном случае и отягчающих в другом не должен стирать различия в социальной опасности деяний и назначаемых за них наказаний.

Например, Соломенцева обманным путем брала у граждан деньги в сумме 500—600 руб. якобы для покупки им ковров и присваивала их, расходуя на свои

¹ См.: Бюллетень Верховного Суда РСФСР, 1971, № 11, с. 7.

² См. там же, 1974, № 2, с. 7.

нужды. Всего таким путем Соломенцева похитила у нескольких потерпевших 2274 руб. За указанные действия Дзержинским районным народным судом г. Волгограда Соломенцева осуждена по ч. 2 ст. 147 УК к одному году лишения свободы условно³. А Сафронов за покушение на угон автомобиля, что несомненно является менее тяжким преступлением, чем совершенное Соломенцевой, по ст. 15 и ч. 1 ст. 212¹ УК осужден к одному году лишения свободы с отбыванием в ИТК общего режима⁴.

Наиболее очевидны эти несовершенства правосудия при назначении наказаний за неосторожные преступления, которые не имеют существенных различий и особенностей. Например, Карташов по ч. 2 ст. 211 УК осужден к 7 годам лишения свободы⁵, а Шапошников — к 3 годам лишения свободы⁶. За значительно более тяжкое однородное преступление (ч. 3 ст. 211 УК) Тадевосян осужден к 4 годам лишения свободы⁷.

Кроме того, отсутствие единицы измерения преступления восполняется «теорией» поглощения одного преступления другим. Эта «теория» характеризуется крайней неопределенностью, так как она не дает и не может дать критериев для разграничения единичного преступления и их совокупности. Например, при совершении преступлений, предусмотренных частями первыми и частями третьими ст. 89, 90, 92, 93, 130, 140 УК, подлежат вменению только части третьи этих статей. Но если совершены преступления, предусмотренные ч. 1 и ч. 3 ст. 117 УК, ч. 1 и ч. 3 ст. 206 УК или ч. 1 и ч. 3 ст. 211 УК, то деяние образует совокупность преступлений и вменению подлежат части первые и части третьи этих статей⁸.

Введение в теорию и практику единицы измерения

³ См.: Архив Дзержинского районного народного суда г. Волгограда, 1973, уголовное дело № 1—413.

⁴ См.: Бюллетень Верховного Суда РСФСР, 1969, № 12, с. 10.

⁵ См. там же, 1968, № 4, с. 16.

⁶ См. там же, 1971, № 2, с. 8.

⁷ См.: Бюллетень Верховного Суда СССР, 1973, № 6, с. 29—30.

⁸ См.: п. 7 постановления Пленума Верховного Суда СССР от 25 марта 1964 г. «О судебной практике по делам об изнасиловании» (Сборник постановлений Пленума Верховного Суда СССР 1924—1977. М., 1978, ч. 2, с. 196) и п. 22 постановления Пленума Верховного Суда СССР от 16 октября 1972 г. «О судебной практике по делам о хулиганстве» (Бюллетень Верховного Суда СССР, 1972, № 6, с. 24).

преступления устранило бы эти затруднения, так как каждая уголовно-правовая норма, будучи единицей преступления, подлежала бы вменению и самостоятельной квалификации. Но для того, чтобы уголовно-правовая норма могла выполнить функцию единицы преступления, она должна обладать единичностью с точки зрения всех элементов преступления, т. е. иметь, во-первых, одно действие или бездействие, а не несколько их видов или альтернативных разновидностей, во-вторых, один видовой объект посягательства, в-третьих, один вид и форму вины и, в-четвертых, одни и те же общие или близко сходные признаки субъекта.

Такая уголовно-правовая норма является идеальной по форме первичной структурной ячейкой уголовного закона и обладает всеми признаками единицы преступления. Использование единицы преступления на практике облегчило бы решение многих вопросов вменения, квалификации и наказания.

Применение в нормотворчестве предложенных правил построения структуры уголовного закона и уголовно-правовых норм в значительной мере облегчит квалификацию преступлений, позволит свести до минимума допускаемые на практике ошибки и создаст основу для использования в практике органов правосудия кибернетических и электронных устройств.

Глава V

ОБЪЕКТ. ПРЕДМЕТ. КВАЛИФИКАЦИЯ

1. Способы выявления видового и непосредственного объектов — конкретного посягательства

В практической деятельности органов правосудия проблемы выявления общего объекта преступления не возникает. Не вызывает в большинстве случаев затруднений и обнаружение родового объекта посягательства. По общему правилу, отнесение деяния в определенную главу или раздел уголовного закона значит, что его родовым объектом выступают те отношения, на которые посягают помещенные в ней деяния. Эти отношения обычно называются в наименовании главы или раздела уголовного закона, хотя исключения из этого правила значительны. Если структуру уголовного законодательства в этом отношении надлежит выдержать, то в науке уголовного права можно будет закрепить адресованное практике правило: деяния, помещенные в одной главе УК (в одном разделе Закона, Указа и т. п.), посягают на один и тот же родовой объект.

Трудности в выявлении объекта преступления возникают в основном на уровне видового объекта, т. е. объекта отдельного вида преступления, а на практике — объекта конкретного деяния. Вопрос о том, что является объектом, например, шпионажа, контрабанды, спекуляции, занятия запрещенным промыслом, взяточничества, угрозы убийством и т. п. деяний нередко вызывает затруднения.

Выявление видового объекта преступления затрудняет, во-первых, то обстоятельство, что в теории и практике непосредственным объектом признается тот, который в действительности является видовым, и, во-вторых, что родового и видового объектов во многих случаях невыявлено и видового объектов во многих случаях не выдержана. Отсутствие правил выявления видового объек-

та затрудняет его отыскание в сложном лабиринте общественных отношений. Решение этой проблемы может быть плодотворным при достаточной конкретизации видового объекта преступления и выработки правил его обнаружения.

Если в нормотворческой деятельности соблюдать вышеуказанное правило построения статей и отдельных норм, то для его обнаружения можно будет пользоваться общим правилом: деяния, предусмотренные одной статьей УК, посягают на один и тот же видовой объект.

Нетрудно убедиться, что это принесёт практике существенную помощь, так как значительно облегчит отыскание объекта посягательства при квалификации деяния.

Отмеченные правила должны соблюдаться как в правоприменительной, так и в нормотворческой деятельности. Иначе изучение, исполнение и применение закона чрезвычайно затрудняется, так как отсутствие подобных правил или несоблюдение их приводит к тому, что исполнитель закона иногда не понимает его творца. Простоты, общедоступности закона в известной мере можно добиться соблюдением общих правил его построения. Однако само по себе это положение не может решить всей проблемы выявления видового и непосредственного объектов посягательства. Поскольку видовой объект преступления в уголовно-правовой норме в большинстве случаев не указывается, то в каждом случае совершения преступления необходимо отыскать его объект посягательства.

Первым шагом на пути к обнаружению видового объекта должно быть выявление родового объекта преступления, т. е. прежде всего необходимо выявить, к какой группе общественных отношений, охраняемых уголовным законом, относится общественное отношение, в сфере которого деянием причинен вред. При соблюдении общих правил построения уголовного закона по признаку родового объекта обнаружить его несложно. Дальнейший поиск видового объекта следует вести в пределах родового. Для этого необходимо выявить все видовые объекты этого родового объекта. Анализ действующего законодательства показывает, что каждый родовый объект посягательства имеет ограниченное количество видовых. Установление родовой принадлеж-

ности объекта определенного вида, как и знание видовых объектов определенного рода, является основой для выявления непосредственного объекта посягательства. Но для того, чтобы непосредственный объект мог быть назван определенно, точно, необходимо конкретизировать видовой. Для этого следует использовать законодательные определения видового объекта преступления.

В тех случаях, когда объект посягательства отдельного вида преступления прямо называется в законе (народное хозяйство, интересы граждан, здоровье и др.), конкретизация его и определение непосредственного объекта не представляет трудности. Например, если видовым объектом преступления, предусмотренного ст. 131 УК, выступает честь и достоинство личности, то непосредственным объектом посягательства будет честь и достоинство отдельного гражданина или нескольких граждан. Видовым объектом преступлений, предусмотренных ст. 223 и 227 УК, является здоровье людей. При совершении конкретного деяния, предусмотренного этими нормами, непосредственным объектом посягательства будет здоровье конкретного гражданина или нескольких граждан. Конкретизируя непосредственный объект посягательства при совершении названных деяний, придем к выводу, что им является обеспеченная этому гражданину (или гражданам) возможность находиться в здоровом состоянии. Таким образом, реализация этой возможности, нахождение в состоянии здоровья конкретного гражданина и будет непосредственным объектом отдельного деяния, предусмотренного указанными нормами УК.

Аналогично может быть конкретизирован объект посягательства при совершении преступлений, предусмотренных ст. 66, 70, 152¹, 168, 190¹, 199, 206, 240—244 УК.

При совершении преступлений, в законодательной обрисовке которых объект посягательства определяется через интересы участников общественных отношений, выявление видового и непосредственного объектов следует проводить с помощью анализа соответствующих интересов. Поскольку общественные отношения всегда проявляются как определенные интересы участников общественной жизни, то с их помощью нетрудно обнаружить соответствующие общественные отношения. На-

пример, в ст. 170 УК называются «интересы службы», «государственные или общественные интересы», «интересы граждан». В «интересах службы» проявляются те общественные отношения, которые установлены и существуют в социалистическом обществе для обеспечения возможности государственному и общественному аппарату выполнять функции государственного и общественного управления. В «государственных или общественных интересах» находят выражение разнообразные отношения, складывающиеся в отдельных сферах государственной власти или управления (авторитет органов власти или управления, возможность беспрепятственного осуществления гражданами и социалистическими организациями своих прав, возможность наиболее эффективного использования материальных ресурсов в интересах коммунистического строительства и т. п.), а равным образом и в сфере деятельности общественных организаций. Наиболее часто государственные или общественные интересы страдают, как показывают специальные исследования¹, от использования материальных и финансовых ресурсов в корыстных целях виновных должностных лиц. Это обстоятельство даст основание сделать вывод о том, что наиболее часто должностные преступления посягают на реализацию социалистическими организациями предоставленных им возможностей использования выделенных им материальных и финансовых ресурсов по назначению. Такая возможность конкретной организации и будет непосредственным объектом отдельного должного преступления.

Несколько шире объем и содержание указанных в диспозиции ст. 170 УК интересов граждан. Такие интересы могут быть выражением самых разнообразных общественных отношений. Круг этих отношений практически не ограничен. Исключение могут составлять только те общественные отношения, посягательство на которые со стороны должностного лица образует самостоятельное преступление (право на труд — ст. 138, 139, 140 УК, свобода — ст. 178 УК). Характерная особенность указанных в ст. 170 УК интересов граждан состоит в том, что во многих случаях они не персонифици-

¹ См.: Лысов М. Д. Личность преступника, совершающего должностное преступление. — В кн.: Личность преступника. Казань, 1972, с. 85—93.

рованы, а носят общий видовой характер. Причинение вреда интересам граждан вообще, а не конкретным лицам, тоже признается преступным и наказуемым деянием. Например, должностные лица торговых предприятий, получающие с покупателей вознаграждение за продажу им товаров повышенного спроса с нарушением правил торговли, причиняют вред интересам покупателей вообще, а не конкретным лицам. Тем не менее такое нарушение интересов граждан признается уголовно-наказуемым². Нарушение определенных интересов граждан всегда нарушает какую-то обеспеченную социальную возможность. Эта возможность отдельного гражданина и есть непосредственный объект конкретного преступления, совершаемого должностным лицом.

Аналогично можно выявить непосредственный объект посягательства и при совершении преступлений, предусмотренных ст. 171—175 УК.

При совершении преступлений путем определенного воздействия на предмет преступления выявление видového и непосредственного объектов посягательства следует проводить, исходя из признаков и особенностей предмета, так как по поводу отдельных видов предметов преступлений могут существовать только определенные общественные отношения. Например, по поводу товаров народного потребления существуют, как правило, отношения собственности и монополия их изготовления. Эти особенности предметов преступления во многих случаях могут указывать на те общественные отношения, которые существуют по их поводу и которые были повреждены или нарушены при воздействии на эти предметы.

Анализ следственной и судебной практики показывает, что при рассмотрении конкретного деяния не всегда выявляются те общественные отношения, которые существуют по поводу предмета преступления, что приводит к ошибке в квалификации. Характерным в этом отношении является уголовное дело по обвинению Арсеньева и Пискарь³. Оба они признаны виновными в том, что ночью 28 мая 1972 г. похитили с кладбища металлическую ограду стоимостью 100 руб. Следователем и судом их

² См.: Бюллетень Верховного Суда РСФСР, 1971, № 7, с. 8—9.

³ См. там же, 1973, № 5, с. 15—16.

действия были квалифицированы по ст. 144 УК. Между тем по поводу предметов, находящихся в могиле или на могиле, не существует отношений личной собственности, а потому похищение таких предметов образует не кражу личного имущества, а самостоятельное, особое преступление, предусмотренное ст. 229 УК.

Особенности предмета преступления и способы воздействия на него почти всегда обнаруживают характер посягательства, его социальную сущность и направленность. Например, завладение чужим имуществом и обращение его в свою пользу (распоряжение им и использование его как своего) указывает, что посягательство направлено против собственности и конкретно заключается в лишении гражданина или социалистической организации владения, пользования и распоряжения этим имуществом. Преступное воздействие на тело человека или отдельные его органы указывает, что деяние направлено против личности и состоит в лишении субъекта общественных отношений возможности пользоваться благами жизни (убийство), здоровьем (телесные повреждения), половой свободой (изнасилование) и т. п. Различного рода воздействия на дикорастущий лес, рыбу в естественных водоемах или на имущество без цели неправомерного обращения его в свою собственность нарушает использование отдельными отраслями народного хозяйства природных ресурсов в интересах коммунистического строительства. Эти конкретные возможности и будут непосредственным объектом отдельных хозяйственных преступлений.

Таким образом, направленность деяния на конкретный материальный предмет указывает и на его объект, т. е. на те общественные отношения, которые существуют по поводу этого предмета и на которые направлено посягательство. Значительные затруднения, однако, возникают в тех случаях, когда по поводу определенного материального объекта существует несколько охраняемых уголовным законом общественных отношений. Например, по поводу вещей существуют отношения собственности, оперативного управления, хозяйствования, хранения, перевозки и т. д. Для выявления из всех возможных конкретного общественного отношения необходимо установить его родовую принадлежность. Этому могут способствовать другие признаки состава преступле-

ния (принадлежность имущества, способы воздействия на него, выявление лица, потерпевшего от преступления и т. д.). С учетом всех особенностей и признаков деяния, а также его родового объекта (собственность, хозяйство, монополия торговли или изготовления некоторых видов изделий) можно установить ту социальную возможность, которая была нарушена этим конкретным деянием. Например, по поводу денежных знаков существует два вида общественных отношений, охраняемых уголовным законом, — отношения собственности и монополия их изготовления. Следовательно, преступное воздействие на денежные знаки может нарушать любой из этих двух видов общественных отношений. Выявить конкретный вид позволяет анализ признаков объективной стороны преступления. Способ воздействия на денежные знаки показывает направленность деяния на определенный вид отношений: изготовление или иная подделка денежных знаков посягает на возможность государства только ему осуществлять выпуск денег в обращение, а завладение чужими денежными знаками — на возможность распоряжаться ими.

Вместе с тем в конкретных случаях завладения или присвоения денег необходимо выявить их принадлежность, собственника. Недостаточное внимание к этому может повлечь ошибку в квалификации деяния. Такая ошибка, например, была допущена по делу Пичугина, который признан виновным в присвоении крупной суммы денег и осужден по ст. 93¹ УК⁴.

Было установлено, что сотрудники Тамбовского областного управления сельского хозяйства и члены колхоза в порядке общественной инициативы собрали соответственно 13 500 и 29 500 руб. для закупки картофеля. Эти суммы были переданы Пичугину, командированному на Алтай. Пичугин закупил на Алтае для сотрудников управления картофеля на сумму 4580 руб., 8920 руб. присвоил. Для членов колхоза Пичугин закупил картофеля на 11 761 руб., а 17 738 руб. присвоил.

Квалифицируя действия Пичугина по ст. 93¹ УК, областной суд исходил из того, что он присвоил государственные и общественные деньги. Изменяя квалификацию, Президиум Верховного Суда РСФСР указал,

⁴ См.: Бюллетень Верховного Суда РСФСР, 1974, № 8, с. 9—16

что деньги, собранные в порядке общественной инициативы с сотрудников областного управления сельского хозяйства и с членов колхоза для закупки для них картофеля, принадлежат гражданам, а не организациям. Присваивая эти деньги, Пичугин знал, что причиняет ущерб частным лицам, а не колхозу и государству. Эти организации не стали собственниками денег, несмотря на то, что деньги были собраны с граждан должностными лицами колхоза и управления сельского хозяйства. Собранные гражданами деньги имели строго определенное целевое назначение. Право хозяйственного использования этих средств ни, у государства, ни у колхоза не наступило, а потому завладение ими образует хищение личного имущества граждан (мошенничество).

В значительной мере свойства и признаки предмета преступления позволяют определить преступные последствия деяния, что также облегчает квалификацию преступления. Во многих случаях для правильной квалификации необходимо точно выявить свойства предмета преступления, его хозяйственно-экономическое назначение, стоимость, принадлежность и т. п. При квалификации хищений, хозяйственных преступлений и некоторых других иногда допускаются ошибки именно потому, что органы следствия и суд не учитывают особенностей предмета преступления. Например, Радаев и Балабанов были осуждены по ст. 93¹ УК. Они признаны виновными в том, что, работая шоферами грузового автотранспортного предприятия с материальной ответственностью, во время перевозки шерсти по сговору между собой совершили хищение импортной шерсти на сумму 20 976 руб. Не проявив внимания к свойствам и особым признакам предмета преступления, органы расследования и суд признали, что Радаев и Балабанов похитили шерсть-пряжу и определили размер ущерба, стоимость похищенного, исходя из розничных цен на шерсть-пряжу. В действительности виновные похитили не шерсть-пряжу, а импортную шерсть-сырье (мытую импортную шерсть), стоимость которой составляет 8746 руб.

С учетом этого областной суд переквалифицировал действия Радаева и Балабанова со ст. 93¹ УК на ч. 3 ст. 92 УК⁵.

Поскольку, — указал Президиум Верховного Суда РСФСР в своем постановлении от 26 февраля 1969 г. по делу Рыжова, — размер ущерба, причиненного хищением, является таким элементом состава преступления, без установления которого невозможно правильное разрешение дела по существу⁶, то выявление особых свойств и признаков предмета преступления при квалификации деяния заслуживает самостоятельного расследования. Это необходимо еще и потому, что стоимость различных предметов преступления определяется с применением различных цен, хищению и сбыт одних вещей охватывается статьями об ответственности за хищение, а других — требует дополнительной квалификации и по иным статьям УК.

В частности, постановлением Совета Министров СССР от 17 февраля 1954 г. «О материальной ответственности лиц, виновных в гибели или хищении скота, принадлежащего колхозам и совхозам» установлено, что при хищении крупного рогатого скота, свиней, коз, овец и лошадей сумма убытков определяется в размере полуторной стоимости этих животных по закупочным ценам. Как показывает следственная и судебная практика, некоторые практические работники считают, что и размер хищения следует определять исходя из этих повышенных цен. Например, по делу Ложникова и Гроголь, осужденных за хищение трех поросят, президиум областного суда указал, что квалифицировать действия Ложникова и Гроголь следует, исходя из стоимости похищенного в полуторном размере. Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда РСФСР в своем определении по данному делу указала, что квалификацию хищения нельзя связывать с установлением повышенной материальной ответственности этих лиц. Их действия, выразившиеся в хищении скота, должны квалифицироваться, исходя из однократной его стоимости⁷.

В подобных случаях следует различать сумму ущерба, которая подлежит взысканию с виновного и которая определяется, исходя из кратной стоимости похищенного скота, и стоимость похищенного как размер причиненного ущерба, по которому проводится квалификация

⁵ См.: Бюллетень Верховного Суда РСФСР, 1973, № 9, с. 12—13.

⁶ См.: Бюллетень Верховного Суда РСФСР, 1969, № 7, с. 12.

⁷ См. там же, 1972, № 9, с. 9—10.

деяния и которая определяется, исходя из однократной стоимости похищенного скота⁸.

По общему правилу, совершение различных действий в отношении похищенных вещей (уничтожение, потребление, сбыт и т. п.) охватывается статьями об ответственности за хищение и дополнительной квалификации по другим статьям УК не требует.

Исключение составляют те случаи, когда похищенные предметы обладают особыми свойствами и по поводу их существуют не только отношения собственности, но и иные общественные отношения, нарушаемые последующими после хищения действиями. Таковыми, в частности, являются валютные ценности, хищение и последующий сбыт которых не охватывают статьи о хищениях. Поскольку по поводу валютных ценностей существуют не только отношения собственности, но и отношения по монопольному совершению большинства сделок с ними, то их хищение и последующие сделки надлежит квалифицировать по совокупности преступлений.

Например, Севастьянов, Андреев и Малахов, продавшие похищенную с завода платину, обоснованно были осуждены по совокупности преступлений: за хищение платины и за нарушение правил о валютных операциях⁹ по ст. 88 и 89 УК⁹.

С этими общими положениями не согласуется рекомендация Пленума Верховного Суда СССР, содержащаяся в постановлении от 13 декабря 1974 г. «О судебной практике по делам о спекуляции», о квалификации соучастия в хищении имущества и последующей его перепродаже по совокупности преступлений¹⁰. Кстати, в этом же Постановлении Пленум Верховного Суда дает обоснованное, на наш взгляд, разъяснение: не может рассматриваться как спекуляция продажа товаров или иных предметов, приобретенных не в результате их скупки, а полученных, например, по наследству, в качестве зарплаты, выигранных по лотерее и т. п.

⁸ См.: п. 23 постановления Пленума Верховного Суда СССР от 11 июля 1972 г. «О судебной практике по делам о хищениях государственного и общественного имущества». — Бюллетень Верховного Суда СССР, 1972, № 4, с. 13.

⁹ См.: Бюллетень Верховного Суда РСФСР, 1973, № 4, с. 12—13.

¹⁰ См.: Бюллетень Верховного Суда СССР, 1975, № 1, с. 15.

2. Квалификация преступлений при конкуренции непосредственных объектов

В уголовно-правовой литературе квалификацией преступлений называется установление соответствия конкретному деянию признакам того или иного состава преступления, предусмотренного уголовным законом (А. А. Герцензон), установление соответствия рассматриваемого действия (бездействия) составу преступления, описанному в законе (А. Н. Трайнин), установление и юридическое закрепление точного соответствия между признаками совершенного деяния и признаками состава преступления, предусмотренного уголовно-правовой нормой (В. Н. Кудрявцев).

Приведенные определения в общем виде правильно раскрывают сущность квалификации преступления. В них отражены наиболее существенные моменты квалификации преступления — установление соответствия признаков совершенного деяния признакам определенного состава преступления, описанного в законе.

Вместе с тем названные определения не охватывают некоторых существенных особенностей и свойств квалификации преступлений как правоприменительного процесса. Прежде всего в определении квалификации преступления необходимо указать, что она заключается в уголовно-правовой оценке преступления. Такая оценка дается наименованием преступления и отнесением его к определенному роду (убийство, хищение, злоупотребление, халатность и т. п.). Уголовно-правовую оценку совершенного преступления можно назвать родовой квалификацией.

Далее в определении понятия квалификации преступления важно выделить установление соответствия признаков конкретной уголовно-правовой нормы признакам совершенного деяния. Приведенные выше определения не дают ответа на такой вопрос и в этом их недостаток.

Указание на признаки конкретной нормы необходимо потому, что в уголовном законе имеется немало уголовно-правовых норм, которые по большинству признаков сходны, многие из них конкурируют между собой и т. д. Поэтому правильная квалификация преступления заключается в применении той уголовно-правовой нормы,

которая с наибольшей полнотой описывает признаки совершенного деяния. Например, признаки умышленного убийства содержат нормы, описанные в ст. 66, 67, 102, 103, 104, 191² УК (всего 16 норм). Какая из них подлжет применению? Очевидно та, которая более полно описывает признаки совершенного конкретного убийства.

Поэтому квалифицировать преступление — значит дать уголовно-правовую оценку совершенному деянию, выявить и применить к нему ту уголовно-правовую норму, которая наиболее полно описывает его признаки.

Указание в определении на юридическое закрепление квалификации, на наш взгляд, излишне, ибо оно, во-первых, не характерно только для квалификации деяния и, во-вторых, охватывается более широким понятием применения уголовно-правовой нормы.

Самостоятельной частью квалификации является установление в конкретном деянии признаков объекта преступления. При этом выявление видового и непосредственного объектов посягательства нередко затрудняется тем, что преступление причиняет социальный вред, как правило, в сфере не одного, а двух или даже нескольких непосредственных объектов одновременно. Одновременное повреждение преступлением нескольких объектов можно назвать конкуренцией непосредственных объектов преступления. Она возникает, например, при разбое (ст. 91 и 146 УК), при хищении путем злоупотребления служебным положением (ст. 92 УК), убийстве, сопряженном с изнасилованием (п. «е» ст. 102 УК), нарушении правил охраны труда (ст. 140 УК), при ложном доносе (ст. 180 УК), нарушении правил дорожного движения (ст. 211 УК) и некоторых других преступлениях.

Поскольку в таких случаях каждый из конкурирующих непосредственных объектов является самостоятельным объектом уголовно-правовой охраны, то квалификация таких деяний вызывает известные трудности и при этом нередко допускаются ошибки. Нет единства в квалификации подобных преступлений и в практике высших судебных органов.

В частности, не всегда одинаково квалифицируется терроризирование осужденных, вставших на путь исправления (ст. 77¹ УК), соединенное с причинением по-

терпевшим тяжких телесных повреждений, с убийством или покушением на убийство. Например, Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда РСФСР в своем определении по делу К. указала: «При квалификации действий виновного по ст. 77¹ УК РСФСР дополнительной квалификации того же преступления по другим статьям УК РСФСР не требуется»¹, все содеянное охватывается ст. 77¹ УК.

Аналогичное решение приняла Судебная Коллегия по уголовным делам Верховного Суда РСФСР и по делу Сидорова, пытавшегося убить осужденного Сыскова². Пленум Верховного Суда СССР в постановлении от 3 декабря 1962 г. № 16 «О судебной практике по делам об уголовной ответственности за действия, дезорганизующие работу исправительно-трудовых учреждений» в пункте 7 разъяснил, что «нападение на администрацию или терроризирование заключенных, вставших на путь исправления, если они сопровождалось угрозами, нанесением телесных повреждений и другими подобными деяниями (разрядка наша — Н. К.), охватываются составом преступления, предусмотренным ст. 77¹ УК РСФСР и соответствующими статьями УК других союзных республик и дополнительной квалификации по иным статьям УК не требуют»³. Хотя в данном разъяснении Пленум Верховного Суда СССР не называет таких последствий, как тяжкие телесные повреждения и смерть потерпевшего, однако, указав на телесные повреждения, Пленум, очевидно, имел в виду и тяжкие телесные повреждения, а в числе «других подобных деяний» и убийство.

Вместе с тем Президиум Верховного Суда РСФСР в своем постановлении по делу Бурханова указал, что «убийство или покушение на убийство, совершенное при терроризировании заключенных, вставших на путь исправления, не охватываются составом преступления, предусмотренного ст. 77¹ УК РСФСР, и требуют дополнительной квалификации по ст. 102 или ст. 15 и ст. 102

¹ Сборник постановлений Пленума, Президиума и определений Судебной Коллегии по уголовным делам Верховного Суда РСФСР 1961—1963 гг., М., 1964, с. 194—195.

² См. там же, с. 200.

³ Сборник постановлений Пленума Верховного Суда СССР, 1924—1977 гг., М., 1978, ч. 2, с. 145.

УК РСФСР»⁴. В этом же смысле Президиум Верховного Суда РСФСР разъяснил и пункт 7 постановления Пленума Верховного Суда СССР от 3 декабря 1963 г. № 16.

Представляется, что решение, принятое Президиумом Верховного Суда РСФСР в постановлении по делу Бурханова, является обоснованным, правильным. Оно соответствует общим положениям науки уголовного права о конструкции некоторых составов преступлений, практике уголовно-правовой охраны и особенностям квалификации преступлений при конкуренции непосредственных объектов посягательства.

Конкуренция непосредственных объектов преступления порождается сложностью общественной жизни. Всеобщая взаимосвязь явлений реальной действительности приводит к тому, что многие преступные деяния причиняют вред в сфере целого ряда смежных общественных отношений. Устанавливая уголовную ответственность за определенное преступление, законодатель учитывает это обстоятельство. Конструкция состава преступления, отнесение его к определенной главе в системе УК производится с учетом вреда, причиняемого деянием в сфере всех общественных отношений — всем непосредственным объектам. Однако решающим здесь выступает основной непосредственный объект, т. е. объект, ради охраны которого издается соответствующая норма и причинение вреда которому составляет социальную сущность данного преступления. Причинение при этом вреда в сфере дополнительного, второстепенного объектов отодвигается на второй план, но из виду такие последствия преступления не упускаются.

Кроме того, здесь важно отметить, что вред в сфере дополнительного объекта в одних случаях причиняется неизбежно, а в других он не повреждается. Например, при террористическом акте (ст. 66 УК), терроризации заключенных (ст. 77¹ УК), разбойном нападении (ст. 91 УК), нарушении правил охраны труда (ст. 140 УК), нарушении правил безопасности движения (ст. 211 УК) и некоторых других преступлениях, наряду с основными объектами, неизбежно причиняется вред и личности.

⁴ Бюллетень Верховного Суда РСФСР, 1971, № 10, с. 10—11; Бюллетень Верховного Суда СССР, 1975, № 4, с. 11.

Но поскольку личность как объект уголовно-правовой охраны в этих случаях выступает в качестве дополнительного объекта посягательства, то названные преступления не являются преступлениями против личности и потому отнесены законодателем к главам о преступлениях против иных общественных отношений. По общему правилу, дополнительный объект с точки зрения общественных интересов является менее социально ценным в сравнении с основным объектом. Например, Советская власть (основной объект) является более ценным объектом посягательства в сравнении с личностью (дополнительный объект) при террористическом акте, социалистическая собственность (основной объект) признается более ценным благом в сравнении со здоровьем при грабеже или разбое и т. д. В некоторых случаях более ценным является дополнительный объект. Например, жизнь человека (дополнительный объект) является более ценным благом в сравнении с нормальными условиями труда (основной объект) при нарушении правил безопасности (ст. 140 УК).

Выделение из числа нескольких конкурирующих непосредственных объектов преступления основного и дополнительного (или факультативного) значительно облегчает проблему квалификации деяния, однако полностью ее не решает. Для этой цели необходимо еще выяснить роль дополнительного или факультативного непосредственного объекта в механизме совершения преступления. При этом обнаруживается, что во многих случаях причинение вреда дополнительному объекту является способом, составной частью причинения вреда основному. Иногда вред основному объекту может быть причинен только путем причинения вреда дополнительному. Например, хищение путем злоупотребления служебным положением (ст. 92 УК) не может быть совершено иначе, как только путем использования виновным своих служебных полномочий во вред интересам социалистической организации. Неправомерное завладение социалистическим имуществом хотя бы и должностным лицом, но без злоупотребления им служебным положением образует уже иное преступление. Равным образом и разбойное нападение немислимо иначе, как только путем психического или физического воздействия на собственника или личность лица, в ведении или под ох-

рапой которого находится имущество. Невозможен также ложный донос без клеветы.

Таким образом, поскольку причинение вреда дополнительному объекту является способом, составной частью причинения вреда основному и иначе вред ему причинить невозможно, то следует прийти к выводу, что составы таких преступлений охватывают причинение вреда и дополнительному объекту. Значит, подобные деяния надлежит квалифицировать только по той статье УК, которая предусматривает ответственность за посягательство на основной объект.

Иное решение привело бы к выводу о том, что при террористическом акте, например, деяние всегда следует квалифицировать по совокупности ст. 66 и 102 УК, при разбойном нападении — по ст. 91 (146) УК и статье о преступлении против личности и т. д. Но это была бы неоправданная квалификация по совокупности, так как в этом случае сущность деяния определяется направленностью на один объект.

Те же деяния, при которых причинение вреда дополнительному объекту не является способом, составной частью причинения вреда основному объекту, при совершении которых не всегда причиняется вред дополнительному объекту, образуют совокупность преступлений и их надлежит квалифицировать по совокупности соответствующих статей УК⁵.

Характерным в этом смысле является хулиганство, одновременно причиняющее вред целой группе непосредственных объектов: общественному спокойствию, здоровью, чести, достоинству граждан, а также отношениям собственности. При этом некоторым объектам хулиганство причиняет вред неизбежно, всегда (общественное спокойствие, честь, достоинство). Собственно, нарушение общественного спокойствия только и возможно путем грубого попрания норм поведения, пристойности, нравственности, что неизбежно сопряжено с ущемлением достоинства, чести окружающих, в чем и проявляется явное неуважение к обществу. Из этого вытекает, что причинение вреда чести, достоинству окружающих является способом хулиганского деяния, потому оно пол-

ностью охватывается составом хулиганства. Что же касается причинения вреда здоровью или имущественного вреда, то вред этим объектам (здоровью, собственности) не является способом или составной частью проявления хулиганства, способом причинения вреда общественному спокойствию. Поэтому хулиганство, сопряженное с причинением вреда здоровью или имущественного вреда, образует совокупность преступлений и его надлежит квалифицировать по совокупности статей УК об ответственности за соответствующие преступления⁶.

Аналогичные положения должны применяться и при квалификации разбойного нападения, соединенного с убийством или причинением телесных повреждений. При этом необходимо исходить из того, что разбойное нападение всегда охватывает причинение любого вреда здоровью, так как без причинения или угрозы причинения вреда здоровью нет разбоя. Однако причинение смерти не охватывается составом преступления, предусматривающим ответственность за разбой, и в таких случаях содеянное образует совокупность преступлений⁷.

Обоснование такого решения находим и в самом законе. В диспозиции ст. 91 УК указывается на насилие, опасное для жизни и здоровья лица, подвергшегося нападению, и на причинение тяжких телесных повреждений. В данной норме ничего не говорится о причинении смерти потерпевшему. Следовательно, разбойное нападение всегда сопряжено с посягательством только на здоровье. Причинение смерти при разбое не является обязательным признаком этого преступления.

В связи с этим следует признать необоснованным встречающееся в литературе мнение о том, что разбойное нападение охватывает также причинение тяжких телесных повреждений, повлекших по неосторожности смерть потерпевшего (ч. 2 ст. 108 УК)⁸. Правильное решение дано в определении Судебной Коллегии по уго-

⁶ См.: Гальченко Ф., Матышевский П., Яценко С. Квалификация хулиганства.— Сов. юстиция, 1972, № 13, с. 8—9.

⁷ См.: Определение Судебной Коллегии по уголовным делам Верховного Суда РСФСР по делу Т.— Бюллетень Верховного Суда РСФСР, 1972, № 1, с. 9; определение Судебной Коллегии по уголовным делам Верховного Суда УССР по делу М.— Радянське право, 1971, № 3, с. 101.

⁸ См.: Советское уголовное право. Часть Особенная, МГУ, 1964, с. 117—118.

⁵ См.: Фролов Е. А., Ефимов М. А. Квалификация преступлений по совокупности.— Сов. юстиция, 1963, № 6, с. 7.

ловным делам Верховного Суда СССР от 7 февраля 1969 г. по делу Пыдер и Вахар, в котором содержится обоснованное и принципиально важное указание: «Причинение тяжких телесных повреждений при разбойном нападении, повлекших по неосторожности смерть потерпевшего, следует квалифицировать по совокупности преступлений»⁹. В постановлении от 27 июня 1975 г. Пленум Верховного Суда СССР разъяснил, что «умышленное убийство, совершенное при разбойном нападении, надлежит квалифицировать по совокупности указанных преступлений, поскольку разбой не охватывается диспозицией п. «а» ст. 102 УК РСФСР»¹⁰.

Таким образом, разбой как деяние, не связанное неизбежно с причинением смерти потерпевшему, ни в каких случаях не охватывает причинения смерти потерпевшему, потому эти деяния надлежит всегда квалифицировать по совокупности преступлений: по ч. 2 ст. 91 (146) и п. «а» ст. 102 УК либо по ч. 2 ст. 91 (146) и ч. 2 ст. 108 УК, либо по ч. 2 ст. 91 (146) и по ст. 106 УК. Эти же правила следует применить и при квалификации хищения, соединенного с подлогом документов. Поскольку в некоторых случаях хищение государственного или общественного имущества не может быть совершено иначе, как только путем подлога документов (например, получение чужого вклада в сберкассе или получение выигрыша по поддельному билету денежно-вещевой или иной лотереи и т. п.), то подлог документов при этом охватывается составом хищения и дополнительно квалификации по другим статьям УК не требует¹¹. Такое решение обосновывается тем, что в подобных случаях подделка документов имеет узко целевое назначение — облегчить переход имущества, придать такой передаче имущества правомерный вид. Виновный имеет намерение и, как правило, может использовать такой документ для совершения посягательства против собственности один раз. При этом другие об-

⁹ Бюллетень Верховного Суда СССР, 1969, № 2, с. 20.

¹⁰ Там же, 1975, № 4, с. 9.

¹¹ См.: п. 5 постановления Пленума Верховного Суда СССР от 11 июля 1972 г. № 4.— Бюллетень Верховного Суда СССР, 1972, с. 10. Например, действия П., получившего по поддельным билетам денежно-вещевой лотереи в сберкассах 294 руб., были квалифицированы как хищение государственного имущества путем мошенничества (см.: Фадеянский право, 1971, № 6, с. 107).

щественные отношения таким посягательством не затрагиваются вовсе либо изменения в них крайне несущественны. В тех же случаях, когда подлог является независимым от хищения и совершается лишь с целью сокрытия хищения или облегчения его совершения, он образует самостоятельное преступление в совокупности с хищением¹².

По тем же основаниям нельзя признать правильным предложение квалифицировать вооруженное разбойное нападение во всех случаях по п. «б» ч. 2 ст. 91 УК и по ст. 218 УК¹³. Такая квалификация будет необоснованной, если самостоятельного ношения, хранения оружия, кроме как при совершении разбойного нападения, не было.

Все изложенное может быть выражено в виде общего правила квалификации преступлений при конкуренции непосредственных объектов: а) деяние, при котором причинение вреда дополнительному непосредственному объекту посягательства является способом, составной частью причинения вреда основному объекту, образует единое преступление, б) деяние, при совершении которого вред дополнительному объекту причиняется факультативно, образует совокупность преступлений.

Применение этих правил в нормотворческой и правоприменительной деятельности значительно облегчит сложную проблему квалификации преступлений и позволит разрешить многие спорные положения науки уголовного права о совокупности преступлений и их квалификации. С этих позиций открывается возможность построить правильные рекомендации квалификации таких, например, деяний, как убийство, сопряженное с изнасилованием, причинение вреда здоровью и оставление в опасности, причинение вреда здоровью представителю власти при сопротивлении или насильии над ним.

Если применить эти положения к квалификации умышленного убийства, сопряженного с изнасилованием (п. «е» ст. 102 УК), то следует прийти к выводу, что здесь всегда имеет место совокупность преступлений,

¹² См.: п. 7 постановления Пленума Верховного Суда СССР от 11 июля 1972 г. № 4.— Бюллетень Верховного Суда СССР, 1972, № 4, с. 10.

¹³ См.: Комментарий к Уголовному Кодексу РСФСР. М., 1971, с. 221.

предусмотренных п. «е» ст. 102 УК и соответствующей частью ст. 117 УК. Такое решение обосновывается тем, что при совершении убийства, сопряженного с изнасилованием, конкурирующие объекты (жизнь и половая свобода или половая неприкосновенность) не находятся в той тесной связи, которая имеется, например, при разбое, бандитизме или хулиганстве. Ни убийство не является способом изнасилования, ни изнасилование не составляет части убийства. Данное деяние причиняет вред двум объектам самостоятельно, потому и квалифицировать эти посягательства необходимо каждое в отдельности. Ни одно из этих деяний не охватывает другого, не является способом совершения другого, значит, квалификация их только по п. «е» ст. 102 УК будет неполной и, следовательно, неправильной.

Такая квалификация не учитывает причинения тяжкого вреда двум различным особо ценным социальным благам, не охватывает всего содеянного виновным, не обеспечивает правильной социальной и юридической оценки преступления и справедливого наказания. Кроме того, такая квалификация и нелогична. Она не согласуется с общей теорией квалификации преступлений и всей судебной практикой. В самом деле, разбойное нападение, соединенное с убийством, убийство, сопряженное с хулиганством, и убийство при превышении власти или служебных полномочий в соответствии с разъяснениями Пленума Верховного Суда СССР обоснованно квалифицируются по совокупности преступлений¹⁴.

Но ведь убийство, сопряженное с изнасилованием, в этом смысле ничем не отличается от названных преступлений и потому по тем же основаниям должно квалифицироваться по совокупности преступлений¹⁵.

¹⁴ См.: п. 26 постановления № 9 от 16 октября 1972 г. и п. 11 постановления № 4 от 27 июня 1975 г.—Сборник постановлений Пленума Верховного Суда СССР 1924—1977. М., 1978, ч. 2, с. 189—190, 267—268.

¹⁵ В практике Верховного Суда РСФСР изнасилование, соединенное с убийством, всегда квалифицируется по совокупности преступлений. (см.: Определение Судебной Коллегии по уголовным делам Верховного Суда РСФСР по делу Е.—Бюллетень Верховного Суда РСФСР, 1964, № 10, с. 12—13). Обстоятельно обоснована квалификация убийства, сопряженного с изнасилованием, по совокупности преступлений Б. В. Даниэльбеком (см.: Даниэльбек Б. В. О квалификации убийства, сопряженного с изнасилованием.—Труды ВСШ МВД СССР, 1972, вып. 6, с. 132—139).

Конкуренция непосредственных объектов преступления возникает также при посягательствах на честь, достоинство, жизнь и здоровье представителей власти, работников милиции и народных дружинников, при хулиганстве и некоторых других преступлениях. Выбор основного непосредственного объекта посягательства для правильной его квалификации обеспечивается и в этих случаях по тем же правилам, которые были рассмотрены выше. Эти правила рекомендованы судебным органам и Пленумом Верховного Суда СССР. В частности, в постановлении Пленума Верховного Суда СССР от 3 июля 1963 г. № 7 «О судебной практике по применению законодательства об ответственности за посягательство на жизнь, здоровье и достоинство работников милиции и народных дружинников» указано, что нанесение легких или менее тяжелых телесных повреждений при оказании сопротивления работнику милиции или народному дружиннику охватывается частью 2 ст. 191¹ УК и дополнительной квалификации по другим статьям УК не требует, так как нанесение телесных повреждений в этом случае является способом осуществления другого, более опасного преступления¹⁶. Причинение вреда здоровью при этом является способом причинения вреда более важному объекту. Если же повреждение одного объекта является способом причинения вреда другому, основному объекту посягательства, то деяние образует единое преступление и в этом случае нет совокупности преступлений. Аналогичные рекомендации содержатся в этом постановлении и по квалификации посягательства на жизнь работников милиции и народных дружинников.

Следует, однако, заметить, что на практике и в рекомендациях Пленума Верховного Суда СССР при решении проблемы квалификации преступлений при конкуренции непосредственных объектов посягательства нет последовательности. Легкие и менее тяжелые телесные повреждения при сопротивлении работнику милиции или народному дружиннику, лишение жизни при посягательстве на жизнь этих лиц, указывается в упомянутом постановлении Пленума, а равно сопротивление этим ли-

¹⁶ См.: Сборник постановлений Пленума Верховного Суда СССР 1924—1977. М., 1978, ч. 2, с. 252—253.

цам, в том числе и соединенное с насилием, указывается в п. 17 постановления Пленума Верховного Суда СССР от 16 октября 1972 г. № 9 «О судебной практике по делам о хулиганстве», образуют одно преступление¹⁷. В этих же постановлениях указывается и правильное обоснование такого решения: в этих случаях посягательство на здоровье является способом причинения вреда более важному объекту посягательства. При этом, разумеется, причиняемый дополнительному объекту вред (здоровью, жизни, чести, достоинству) не упускается из виду. Он учитывается при определении характера и степени общественной опасности деяния, а также в санкции указанной нормы.

Однако далее, вопреки этим правильным положениям, в названном постановлении указывается, что причинение тяжких телесных повреждений не охватывается статьями о преступлениях против порядка управления и общественного порядка и образует совокупность преступлений. Но ведь и причинение тяжких телесных повреждений в этих преступлениях является способом, составной частью причинения вреда основному объекту посягательства.

Таким образом, вопрос о том, в каких случаях посягательства на различные объекты охватываются одной уголовно-правовой нормой, а в каких они образуют совокупность преступлений, необоснованно усложняется в теории и практике. Различное его решение при сходных обстоятельствах создает излишние трудности в квалификации преступлений, так как чуть ли не применительно к каждому конкретному преступлению этот вопрос решается особо, по-разному. В одних случаях посягательства на конкурирующие объекты охватываются одно другим, а в других посягательствах на аналогичные объекты образуют совокупность преступлений.

Решение этой практически важной проблемы возможно только путем применения единых правил квалификации преступлений при конкуренции непосредственных объектов. Применение таких правил будет способствовать ликвидации бесплодных споров об охватывании одних деяний другими и уменьшению ошибок при квалификации преступлений.

¹⁷ См.: Бюллетень Верховного Суда СССР, 1972, № 6, с. 23.

Разумеется, что и в нормотворческой деятельности необходимо руководствоваться этими же правилами. При конструировании отдельных уголовно-правовых норм всегда следует учитывать возможную конкуренцию непосредственных объектов посягательства. И если при этом оказывается, что причинение вреда дополнительному объекту посягательства является неизбежным, выступающим в качестве составной части деяния, причиняющего вред основному объекту, то в таком случае норма об ответственности за посягательство на основной объект должна учитывать и причинение вреда дополнительному объекту. Если при этом различная тяжесть вреда дополнительному объекту имеет различное уголовно-правовое значение, то такая норма должна охватывать причинение вреда дополнительному объекту любой тяжести, включая и самую тяжкую, как это имеет место при террористическом акте, бандитизме, нарушении правил охраны труда и других подобных преступлениях.

3. Квалификация совокупности преступлений

С конкуренцией непосредственных объектов посягательства тесно связана проблема квалификации преступлений по совокупности. В последние годы она привлекла внимание криминалистов и в значительной мере освещена в юридической литературе¹. Вместе с тем отдельные ее стороны еще недостаточно исследованы, главным образом, не найдено единого основания квалификации преступлений по совокупности, что порождает ошибки в деятельности практических органов по применению уголовно-правовых норм. Например, в юридической литературе длительное время дискутировался вопрос о квалификации изнасилования, сопряженного с убийством потерпевшей. Одни доказывали, что все содеянное охватывается п. «е» ст. 102 УК, другие считали такую

¹ См.: Кудрявцев В. Н. Общая теория квалификации преступлений. М., 1972; Малков В. П. Совокупность преступлений. Казань, 1974; Зелинский А. Ф. Квалификация повторных преступлений. Волгоград, 1976; Коржанский Н. И. Основания квалификации преступлений по совокупности. — Труды ВСП МВД СССР, 1978, вып. 18, с. 123—129.

квалификацию неполной и предлагали квалифицировать содеянное по совокупности статей: по п. «е» ст. 102 и ч. 4 ст. 117 УК. Спор прекращен с изданием постановления Пленума Верховного Суда СССР от 27 июня 1975 г. «О судебной практике по делам об умышленном убийстве», в котором дано обоснованное разъяснение: в данном случае деяние образует совокупность преступлений². Однако следственная и судебная практика знает немало других затруднительных ситуаций, при возникновении которых встает дилемма — совершено единичное преступление или содеянное образует совокупность преступлений. Таковы, например, разбойное нападение, сопряженное с убийством; убийство при терроризировании осужденных, вставших на путь исправления; причинение телесных повреждений или уничтожение имущества при хулиганстве; сопротивление работнику милиции или народному дружиннику, соединенное с насилием, при хулиганстве и некоторые другие.

Отсутствие теоретической основы квалификации преступлений по совокупности приводит к тому, что и Пленум Верховного Суда СССР испытывает затруднения в проведении единой линии применения уголовного законодательства. Так, в постановлении от 3 декабря 1962 г. «О судебной практике по делам об уголовной ответственности за действия, дезорганизующие работу исправительно-трудовых учреждений» (п. 7) Пленум разъяснил, что «нападение на администрацию или терроризирование заключенных, вставших на путь исправления, если они сопровождались угрозами, нанесением телесных повреждений и другими, подобными деяниями, охватываются составом преступлений, предусмотренным ст. 77¹ УК РСФСР... и дополнительной квалификации по иным статьям УК не требуют»³, а в постановлении от 27 июня 1975 г. «О судебной практике по делам об умышленном убийстве» указывается, что умышленное убийство и действия, дезорганизующие работу исправительно-трудовых учреждений, образуют совокупность преступлений⁴; в постановлении от 3 июля 1963 г. «О судебной практике по применению законодательства об ответственности за посягательство на жизнь, здоровье

и достоинство работников милиции и народных дружинников» Пленум разъяснил, что хулиганство, сопряженное с сопротивлением работнику милиции или народному дружиннику, надлежит квалифицировать по совокупности статей: ч. 2 ст. 191¹ и ч. 2 ст. 206 УК⁵, а в постановлении от 16 октября 1972 г. «О судебной практике по делам о хулиганстве» указывается, что такое деяние полностью охватывается ч. 2 ст. 206 УК и дополнительной квалификации не требует⁶. Подобная противоречивость встречается также в постановлениях и определениях Верховных Судов союзных республик. Очевидно, что такое положение не способствует укреплению социалистической законности, осуществлению задач социалистического правосудия, повышению культуры в деятельности органов, ведущих борьбу с преступностью.

Представляется, что проблема квалификации преступлений по совокупности может быть разрешена только с позиции объекта преступного посягательства. Анализ всех юридических признаков составов преступлений, входящих в совокупность, равно как и признаков того деяния, которое квалифицируется как единое преступление, показывает, что единичное преступление, с одной стороны, и совокупность преступлений, с другой — различаются главным образом признаками, характеризующими объект посягательства. Признаки субъекта при этом всегда одни и те же. В абсолютном большинстве случаев в них сходны или совпадают признаки субъективной стороны. Несущественны различия и в объективной стороне преступления. Отсюда видно, что совокупность преступлений от единичного преступления отличается в основном наличием признаков двух и более объектов уголовно-правовой охраны. Это главный, наиболее отличительный признак совокупности преступлений. И поскольку содеянное произвело или могло произвести социально опасные изменения в сфере двух (и более) непосредственных объектов уголовно-правовой охраны, то оно не может быть охвачено одной уголовно-правовой нормой, которая охраняет только одно из этих социальных благ. В таком случае деяние образует совокупность преступлений.

² См.: Бюллетень Верховного Суда СССР, 1975, № 4, с. 10.

³ См. там же, 1962, № 6, с. 9—12.

⁴ См. там же, 1975, № 4, с. 11.

⁵ См.: Бюллетень Верховного Суда СССР, 1963, № 4, с. 12.

⁶ См. там же, 1972, № 6, с. 23.

Например, жизнь человека и половая свобода (или половая неприкосновенность) женщины — это самостоятельные объекты уголовно-правовой охраны, ответственность за посягательства на которые предусмотрена в уголовном законодательстве различными нормами. Ни одна из этих норм не предусматривает совокупного посягательства, потому во всех случаях убийство и изнасилование образуют совокупность, на что обоснованно указал Пленум Верховного Суда СССР в постановлении от 27 июня 1975 г.⁷

Аналогичным образом следует расценивать и разбойное нападение, соединенное с убийством, убийство при терроризировании осужденных и т. п. деяния, причиняющие социально опасный вред в сфере различных самостоятельно охраняемых уголовным законом объектов. Из этого можно вывести общее правило квалификации преступлений по совокупности: если содеянное является посягательством на два различных самостоятельных непосредственных объекта уголовно-правовой охраны, то оно образует совокупность преступлений.

Данное общее положение дает основание для квалификации по совокупности таких преступлений, как терроризирование осужденного, сопряженное с убийством (по ст. 77¹ и по соответствующему пункту ст. 102 УК); разбойное нападение, соединенное с убийством (по п. «а» ст. 102 и по ч. 2 ст. 91 или ст. 146, либо по ч. 2 ст. 91 (146) и по ч. 2 ст. 108, либо по ч. 2 ст. 91 (146) и по ст. 106 УК); убийство, сопряженное с изнасилованием (по п. «е» ст. 102 и по ч. 4 ст. 117 УК); убийство при превышении власти или служебных полномочий (по ст. 103 или 102 и по ч. 2 ст. 171 УК); хищение должностным лицом социалистического имущества с использованием фиктивных документов (по ч. 2 ст. 92 и по ст. 175 УК); содействие спекулянтам в скупке или перепродаже товаров с использованием служебных полномочий (по ст. 17 и 154 и ст. 170 УК); скупка и перепродажа товаров самим должностным лицом с использованием своего служебного положения (по ст. 154 и по ст. 170 УК); получение взятки за счет государственных или общественных средств (по ч. 2 или 3 ст. 92 и ст. 173 УК); вовлечение несовершеннолетнего в преступ-

⁷ См.: Бюллетень Верховного Суда СССР, 1975, № 4, с. 10.

ную деятельность (по ст. 210 УК и статье закона, предусматривающей ответственность за совершенное при этом преступление); нарушение правил безопасности движения, повлекшее причинение потерпевшему телесных повреждений, и оставление в опасности (по ч. 2 или 3 ст. 211 и ч. 2 ст. 127 УК). Это наиболее часто встречающиеся случаи одновременного причинения социально опасного вреда в сфере различных уголовно-правовых объектов.

Вместе с тем следует отличать сходные с ними преступления, которые являются посягательствами лишь на один объект. Например, посягательство на здоровье (телесные повреждения, производство аборта) часто сопровождается оставлением потерпевшего в опасном для его жизни состоянии. Возникает вопрос, подлежит ли вменению в этих случаях в вину и деяние, предусмотренное ч. 2 ст. 127 УК, если виновный, например, причинил потерпевшему тяжкие телесные повреждения и оставил его в опасном для жизни состоянии, не оказал потерпевшему помощи и скрылся с места происшествия?

На практике в таких случаях ч. 2 ст. 127 УК не применяется. В литературе на этот счет имеются различные мнения: одни авторы предлагают квалифицировать такие действия по совокупности⁸, другие считают, что в подобных деяниях совокупности преступлений нет⁹.

Решение этой практически важной задачи может быть достигнуто с позиций объекта посягательства. При этом необходимо отметить, что здесь возникают две различные ситуации: а) посягательство против личности направлено против одного непосредственного объекта и б) посягательство против личности направлено против двух непосредственных объектов. В первом случае речь идет о посягательстве только на жизнь, а во втором — на здоровье и на жизнь. Так, если виновный покушался на убийство либо причинил потерпевшему смертельное

⁸ Например, авторы Комментария к Уголовному Кодексу РСФСР пишут: «Если ребенок в результате того, что был подкинут, умер или получил тяжкое телесное повреждение, действия виновного квалифицируются по совокупности преступлений — по ст. 127 и соответствующей статье Уголовного Кодекса об убийстве или причинении телесных повреждений» (Комментарий к Уголовному Кодексу РСФСР. М., 1971, с. 292).

⁹ См.: Шаргородский М. Д. Ответственность за преступления против личности. Л., 1953, с. 87.

ранение при убийстве и оставил его еще живого в опасном для жизни состоянии, то имеется посягательство только на жизнь, т. е. на один непосредственный объект. Если же субъект совершил посягательство на здоровье (причинил телесные повреждения, произвел аборт) и оставил потерпевшего в опасном для жизни состоянии, то посягательство направлено одновременно против двух непосредственных объектов — здоровья и жизни.

Такой вывод вытекает из очевидного факта, что в момент посягательства на здоровье (телесные повреждения, аборт и т. п.) субъект не посягает на жизнь потерпевшего. Только после совершения названных деяний он оставляет потерпевшего в опасном для жизни состоянии. Это «оставление» не охватывается диспозицией статьи об ответственности за преступление против здоровья. Оно образует самостоятельное деяние против жизни¹⁰.

Поскольку в последнем случае деяние направлено на причинение вреда двум охраняемым уголовным законом объектам (здоровью и жизни), то оно образует совокупность преступлений против здоровья и против жизни. Такое деяние необходимо квалифицировать по совокупности соответствующих статей УК.

В тех же случаях, когда преступление направлено только против жизни (убийство или покушение на убийство), то последующее оставление потерпевшего в опасном для жизни состоянии является продолжением посягательства на тот же объект и, следовательно, образует одно преступление против жизни и потому дополнительной квалификации по ст. 127 УК не требует. Кроме того, посягательство на жизнь конкретного лица по сво-

¹⁰ Аналогичная ситуация возникает и при оставлении в опасности и причинении вреда здоровью при нарушении правил безопасности движения и эксплуатации транспорта. На практике такие случаи в соответствии с постановлением Пленума Верховного Суда СССР № 11 от 6 октября 1970 г. обоснованно квалифицируются по совокупности преступлений, предусмотренных ч. 2 ст. 127 и ч. 2 ст. 211 УК (см.: Определение Судебной Коллегии по уголовным делам Верховного Суда РСФСР по делу В.—Бюллетень Верховного Суда РСФСР, 1968, № 1, с. 6; постановление Президиума Ростовского областного суда по делу В.—Бюллетень Верховного Суда РСФСР, 1972, № 1, с. 15). Равным образом образует совокупность преступлений изнасилование с последующим оставлением потерпевшей в опасном для жизни состоянии (см.: Постановление Президиума Верховного Суда РСФСР по делу Окунева и других.—Бюллетень Верховного Суда РСФСР, 1973, № 10, с. 9).

ей сущности всегда является в то же время и посягательством на его здоровье. Убийство или покушение на него всегда причиняет вред и здоровью. Причинение вреда здоровью всегда является способом, составной частью убийства или покушения на него, потому охватывается этими деяниями. Главное, однако, состоит в том, что при убийстве или покушении на убийство посягательство всегда направлено только на лишение жизни. Самостоятельного, отдельного посягательства на здоровье этого же лица здесь нет.

Если же виновный одним деянием одновременно посягает на жизнь одного лица и на здоровье другого, то содеянное в зависимости от его субъективной стороны образует одно преступление, предусмотренное п. «д» или п. «з» ст. 102 УК. Например, Президиум Верховного Суда РСФСР в постановлении по делу Попова¹¹ указал, что причинение телесных повреждений другим лицам при убийстве, совершенном способом, опасным для жизни многих людей, охватывается диспозицией п. «д» ст. 102 УК и дополнительной квалификации по статьям Уголовного Кодекса, предусматривающим ответственность за нанесение телесных повреждений, не требуется.

Не создается совокупность преступлений и в тех случаях причинения социально опасного вреда, хотя и в сфере различных уголовно-правовых объектов, когда причинение одного вида вреда является способом, составной частью причинения вреда другого вида. Например, причинение телесных повреждений может быть способом, составной частью посягательства на жизнь работника милиции или народного дружинника. Самостоятельного преступления против здоровья здесь нет. При квалификации таких деяний может быть использовано предложенное выше правило: деяние, при котором причинение вреда дополнительному непосредственному объекту посягательства является способом, составной частью причинения вреда основному непосредственному объекту, образует единое преступление.

Не образуют совокупности подлог документов и уклонение от очередного призыва на действительную военную службу, причинение телесных повреждений и из-

¹¹ См.: Бюллетень Верховного Суда РСФСР, 1973, № 11, с. 9—10.

насилование, угроза убийством и изнасилование, причинение телесных повреждений и превышение власти или служебных полномочий, угон и хищение этих же автотранспортных средств, поскольку первое из них является способом или составной частью совершения второго, более опасного, преступления.

Не возникает совокупность преступлений и в тех случаях, когда виновное лицо совершает запрещенные уголовным законом действия в отношении похищенных вещей, предметов. Например, уничтожение похищенного имущества лицом, его похитившим, должно влечь ответственность только за хищение¹².

Не образует спекуляции, наряду с составом хищения, как это вытекает из смысла п. 2 постановления Пленума Верховного Суда СССР от 13 декабря 1974 г. «О судебной практике по делам о спекуляции», продажа по завышенным ценам вещей лицом, их похитившим¹³, поскольку эти вещи не были скуплены виновным.

Не образует совокупности преступлений, как разъяснил Пленум Верховного Суда СССР в п. 16 постановления от 20 сентября 1974 г. «О судебной практике по делам о хищении огнестрельного оружия, боевых припасов или взрывчатых веществ, незаконном ношении, хранении, приобретении, изготовлении или сбыте оружия, боевых припасов или взрывчатых веществ и небрежном хранении огнестрельного оружия»¹⁴, хищение оружия, боевых припасов или взрывчатых веществ и их небрежное хранение. Такое решение обосновывается тем, что субъектом преступления, предусмотренного ст. 219 УК, могут быть лишь лица, хранящие оружие на законном основании, а предметом преступления — огнестрельное оружие только заводского изготовления.

Из этого вытекает, что при легальном, но небрежном хранении огнестрельного оружия создается реальная угроза общественной безопасности, тогда как хищение огнестрельного оружия (боеприпасов или взрывчатых

¹² См.: Постановление Пленума Верховного Суда Узбекской ССР от 29 сентября 1976 г. по делу Барановского. — Бюллетень Верховного Суда СССР, 1977, № 3, с. 24—25.

¹³ См. Бюллетень Верховного Суда СССР, 1975, № 1, с. 14; Судебная практика по делам о спекуляции. — Бюллетень Верховного Суда СССР, 1975, № 2, с. 44.

¹⁴ См.: Бюллетень Верховного Суда СССР, 1974, № 5, с. 10.

веществ) уже образует посягательство на общественную безопасность и последующее их небрежное хранение является лишь продолжением этого посягательства на один и тот же непосредственный объект.

4. Квалификация преступлений при ошибке в объекте и предмете посягательства

При совершении преступления нередко происходит ошибка в объекте и предмете посягательства, в результате чего деяние независимо от воли виновного направляется на иной объект уголовно-правовой охраны или на иной предмет преступления. Заблуждение субъекта относительно истинной направленности его деяния известно уголовному праву как «ошибка в объекте». Между тем анализ следственной и судебной практики показывает, что «ошибка в объекте» нередко является ошибкой в предмете посягательства и что эти разновидности ошибок имеют различное уголовно-правовое значение.

Ошибка в объекте уголовно-правовой охраны имеет место в тех случаях, когда виновный, заблуждаясь, совершает посягательство не на те общественные отношения, которые охватывались его умыслом, и помимо воли причиняет вред в сфере иных общественных отношений. При этом ошибка в объекте посягательства возможна лишь на уровне родового, видового и непосредственного объектов. На уровне общего объекта преступления ошибка невозможна, так как всякое преступление посягает на общественные отношения, т. е. общий объект преступления один, и ошибиться в нем невозможно¹.

Ошибка в родовом объекте посягательства заключается в неправильном представлении лица относительно направленности совершаемого им деяния на определенный объект. Полагая, что его действия направлены на одни общественные отношения, субъект в действительности посягает на общественные отношения другого рода. В судебной практике такие ошибки наиболее часто встре-

Заблуждение лица относительно уголовно-правовой охраны определенного общественного отношения, так называемая юридическая ошибка, нами не рассматривается (см.: Кириченко В. Ф. Значение ошибки по советскому уголовному праву. М., 1952, с. 19—38).

чаются при совершении посягательств на отношения собственности, управление, личность и некоторые другие. Например, похищая имущество социалистической организации, виновный может полагать, что совершает хищение личного имущества или браконьерство, посягая на жизнь работника милиции или народного дружинника, считает, что совершает преступление в отношении частного лица.

Наибольшее практическое значение имеет ошибка в родовом объекте посягательства, так как она влияет на квалификацию деяния. Поскольку в таких случаях объекту, на который виновный, по его мысли, направляет свои действия, в самом деле вред не причиняется, то такое посягательство является в сущности только покушением, неудавшейся попыткой причинить определенный социальный вред. Следовательно, добросовестное заблуждение лица относительно родового объекта посягательства надлежит квалифицировать как покушение на преступление. Такое деяние нет оснований квалифицировать как оконченное посягательство на предполагаемый объект, так как вред объекту не причинен и преступные последствия в этой сфере социальной жизни не наступили. Не может такое деяние квалифицироваться и как посягательство на объект, которому вред был фактически причинен, так как эти последствия не охватывались умыслом виновного лица.

Решающим для квалификации деяния при ошибке в родовом объекте является субъективное намерение лица и фактически причиненный определенному объекту вред. Если эти обстоятельства не выяснены или выяснены недостаточно полно, при квалификации деяния может быть допущена ошибка. Изучение практики показывает, что следователи и суды не всегда глубоко и всесторонне исследуют эти обстоятельства. Например, Судебная Коллегия по уголовным делам Верховного Суда РСФСР по делу Калинина указала, что кража личных вещей граждан из гардероба является преступлением против социалистической собственности².

Такое решение будет правильным только при условии, если виновный сознавал, что он похищает личное имущество гражданина, за которое социалистическая орга-

низация несет имущественную ответственность и что, следовательно, он причиняет вред не гражданину, а социалистической организации. Если же виновный этого не знает и полагает, что причиняет имущественный вред гражданину, то осуждение его по статье об ответственности за хищение социалистического имущества будет необоснованным.

В уголовном деле по обвинению Калинина это обстоятельство надлежало исследовать особо тщательно, так как хищение совершено из гардероба бани, где граждане не всегда сдают личные вещи на ответственное хранение, а иногда пользуются отдельными кабинками, номерами и т. п. Калинин мог и не знать об имущественной ответственности администрации бани перед потерпевшим. В таком случае хищение следует квалифицировать как покушение на кражу личного имущества.

Характерно в этом отношении дело по обвинению Лукьянцева. Будучи в нетрезвом состоянии, Лукьянцев проник в одну из комнат общежития и совершил кражу личных вещей граждан на сумму 196 руб. Президиум Орловского областного суда указал, что кражу личного имущества граждан в общежитии надлежит квалифицировать как кражу государственного имущества. Такое решение нельзя признать правильным. Поскольку Лукьянцев сам проживал в этом общежитии и знал, что администрация не несет имущественной ответственности за сохранность личных вещей жильцов, то, следовательно, он сознавал, что похищает имущество граждан, т. е. его умысел был направлен на завладение личным имуществом, а не государственным. Поэтому Судебная Коллегия по уголовным делам Верховного Суда РСФСР обоснованно указала, что данное деяние не может квалифицироваться как кража государственного имущества, поскольку умысел виновного был направлен на хищение имущества граждан³.

Для правильной квалификации хищения всегда необходимо установить, на завладение каким имуществом — государственным, общественным или личным — был направлен умысел виновного лица. Встречающиеся в судебной практике ошибки при квалификации хищений в некоторых случаях обусловлены именно тем, что это

² См.: Бюллетень Верховного Суда РСФСР, 1965, № 5, с. 6

³ См.: Бюллетень Верховного Суда РСФСР, 1972, № 1, с. 8.

обстоятельство не было выяснено. Например, военным трибуналом гарнизона В. был осужден за хищение государственного имущества путем мошенничества. Он признан виновным в следующем преступлении. В вагоне поезда В. нашел три аккредитива с контрольными листами, утерянные гражданином Г. Решив воспользоваться аккредитивами, В. обманным путем получил в учреждении два незаполненных бланка доверенностей с гербовой печатью и подписью должностного лица, подделал их от имени Г. и таким образом получил по аккредитивам 1500 руб., которые израсходовал.

Военная коллегия Верховного Суда СССР обоснованно признала такую квалификацию действий В. неправильной и указала, что объектом преступления в данном случае является не государственная, а личная собственность, поскольку он похитил деньги, принадлежащие гражданину Г.⁴ То обстоятельство, что они временно находились в сберкассе, не меняет положения. Сберегательная касса не несет перед владельцем аккредитива материальной ответственности, если им утеряны обе части аккредитива (собственно аккредитив и контрольный лист к нему).

Военная коллегия отменила все судебные постановления по делу В. и возвратила дело на новое расследование, так как органы следствия не выяснили содержания и направленности умысла. При этом коллегия указала, что решающее значение при квалификации хищения имеет содержание субъективной стороны содеянного: если виновный при хищении сознавал, что материальную ответственность перед собственником будет нести социалистическая организация, то его действия надлежит квалифицировать как хищение социалистического имущества. Если же его сознанием охватывалось наличие обстоятельств, которые исключают ответственность социалистической организации перед гражданами, то виновный, в соответствии с направленностью умысла, должен нести ответственность за посягательство на личную собственность. Когда же виновный, не зная условий ответственности сберкасс перед собственником аккредитива, допускал как свою личную ответственность, так и ответственность государства, то квалификация его действий

⁴ См.: Бюллетень Верховного Суда СССР, 1973, № 1, с. 30—31.

должна определяться в соответствии с фактически наступившими последствиями.

Иногда при хищении виновный не сомневается, что похищает имущество определенной принадлежности, однако в силу неизвестных ему обстоятельств допускает ошибку и совершает преступление против иного вида собственности. Решающим для квалификации деяния в таких случаях является не фактическая принадлежность имущества, а умысел виновного лица. Квалификация такого хищения по фактической принадлежности имущества будет ошибочной.

Например, следователем и народным судом было признано, что Ц., похитивший на квартире у заведующей магазином Б. 817 руб. (не сданную дневную выручку), совершил преступление против социалистической собственности. Однако, как правильно указала в определении по данному делу Судебная Коллегия по уголовным делам Верховного Суда РСФСР, похищая деньги из квартиры, Ц. не знал, что там проживает заведующая магазином и что деньги являются выручкой магазина. Умысел Ц. был направлен на хищение личного имущества и поэтому его действия надлежит квалифицировать как покушение на хищение личного имущества⁵.

Заблуждаясь, виновный может вместо хищения совершить и иное деяние, например, посягательство на интересы рыбного или охотничьего хозяйства или наоборот. Пленум Верховного Суда СССР в постановлении от 3 июня 1977 г. «О практике применения судами законодательства об охране природы»⁶ разъяснил, что незаконный вылов рыбы, выращиваемой рыбзаводами, рыбхозами и колхозами в специальных водосемах, надлежит квалифицировать как хищение государственного или общественного имущества только в том случае, если виновному заведомо было известно об этом. Если же виновный добросовестно заблуждался, то деяние надлежит квалифицировать по правилам ошибки в объекте, т. е. как покушение на незаконное занятие рыбным промыслом по ст. 15 и 163 УК.

⁵ См.: Сборник постановлений Президиума и определений Судебной Коллегии по уголовным делам Верховного Суда РСФСР 1957—1959 гг. М., 1960, с. 200.

⁶ См.: Сборник постановлений Пленума Верховного Суда СССР, 1924—1977. М., 1978, ч. 1, с. 73.

В некоторых случаях, однако, обстановка совершения преступления и особенности похищаемого имущества не дают оснований для вывода о его принадлежности. При таких обстоятельствах виновный в равной мере допускает, что оно принадлежит социалистической организации или гражданину. При таком прямом неопределенном умысле хищение надлежит квалифицировать как посягательство на тот родовой объект, которому фактически был причинен вред, так как виновный в равной мере желал наступления любого вреда, т. е. причинение вреда каждому из возможных двух родовых объектов охватывалось его намерением.

Подобным образом надлежит квалифицировать деяния и при ошибках в других родовых объектах, например, при посягательстве на честь, достоинство и жизнь представителей власти, работников милиции или народных дружинников, если потерпевший таковым не является, а лишь выдает себя за названных лиц либо если виновный не знает заведомо о том, что посягает на этих лиц.

Представляется, что квалификация деяния по совокупности преступлений, предусматривающих ответственность за посягательство на представителей власти при исполнении ими служебных обязанностей и за преступления против личности, как предлагает В. Ф. Кириченко, в этих случаях будет необоснованной⁷. Квалификация подобного деяния по совокупности преступлений вызывает возражение потому, что на один из родовых объектов виновный посягает лишь объективно и причинение ему вреда не охватывается его умыслом. Кроме того, нормы об ответственности за посягательства на представителей власти и других особых лиц являются специальными нормами, выделенными законодателем из общих норм о защите чести, достоинства, жизни и здоровья. Поэтому такие деяния надлежит квалифицировать только по статьям, содержащим специальные нормы. При идеальной совокупности преступлений общая и специальная нормы в совокупности применяться не могут, ибо это будет нарушением воли законодателя, выделившего из общей нормы специальную.

Посягательства на представителей власти или иных

⁷ См.: Кириченко В. Ф. Значение ошибки по советскому уголовному праву, с. 45.

особых лиц не образуют совокупности с преступлениями против личности еще и потому, что в этом случае, как указал Пленум Верховного Суда СССР в постановлении от 3 июля 1963 г. № 7 «О судебной практике по применению законодательства об ответственности за посягательство на жизнь, здоровье и достоинство работников милиции и народных дружинников»⁸, преступление против личности (оскорбление или нанесение телесных повреждений) является способом осуществления другого, более опасного преступления.

Обобщая изложенное и судебную практику, можно сформулировать общие правила квалификации преступлений при ошибке в родовом объекте посягательства.

1. При ошибке в родовом объекте посягательства деяние надлежит квалифицировать как покушение на причинение вреда тому объекту, который охватывался умыслом виновного лица.

2. Если обстановка совершения преступления затрудняла возможность для виновного определить родовую принадлежность объекта посягательства, то деяние надлежит квалифицировать как посягательство на тот объект преступления, которому фактически был причинен вред или создавалась угроза причинения вреда.

Ошибка в видовом объекте возможна только в тех случаях, когда видовые объекты имеют сходное социальное значение и различаются законодательством. Например, отношения государственной и общественной собственности являются различными видовыми объектами уголовно-правовой охраны, однако законодательством они не различаются и потому ошибка в направленности посягательства на них уголовно-правового значения не имеет. При особом выделении законодательством видового объекта и ошибке в направленности деяния на видовой объект оно должно квалифицироваться по правилам ошибки в родовом объекте.

На уровне непосредственного объекта ошибка в объекте возможна (например, вместо Петрова жизни лишен Иванов, по ошибке имущественный вред причинен не Петрову, а Иванову и т. п.), однако она юридического значения не имеет, так как все непосредственные

⁸ См.: Сборник постановлений Пленума Верховного Суда СССР 1924—1977. М., 1978, ч. 2, с. 252.

объекты охраняются уголовным законом в равной мере и их охрана не имеет никаких особенностей.

Нарушение этих правил на практике приводит к ошибкам в квалификации деяния. Например, действия Трофимова, имевшего намерение убить Саковскую в связи с выполнением ею своего общественного долга, но убившего по ошибке ее мужа, следственные органы квалифицировали по п. «в» ст. 102 УК. Верховный суд Башкирской АССР переквалифицировал действия Трофимова на ст. 106, ст. 15 и п. «в» ст. 102 УК, признав, что Трофимов покушался на убийство Саковской и неосторожно убил ее мужа. Принимая такое решение, Верховный Суд Башкирской АССР допустил ошибку в квалификации деяния, так как, во-первых, жизнь Саковской и жизнь ее мужа являются равноценными объектами уголовно-правовой охраны и, во-вторых, признав Саковского за Саковскую, Трофимов прицельно стрелял через окно в человека, желая убить его, т. е. действовал умышленно. Поэтому Президиум Верховного Суда РСФСР обоснованно признал такую квалификацию действий Трофимова неправильной⁹. С учетом направленности умысла и наступивших последствий действия Трофимова были квалифицированы следственными органами по п. «в» ст. 102 УК.

Нередко на практике встречаются ошибки в предмете посягательства и в потерпевшем. Ошибки в предмете преступления возможны при хищениях, самоуправстве, нарушении конституционных прав граждан, незаконных промыслах, незаконной охоте и некоторых других преступлениях. По общему правилу, ошибка в предмете преступления не имеет уголовно-правового значения и влияния на квалификацию деяния не оказывает. Для основания уголовной ответственности и квалификации деяния не имеет значения, что виновный по ошибке вместо телевизора похитил радиолу, купил заведомо похищенное минеральное удобрение, полагая, что купил цемент, или приобрел героин вместо анаши.

Такая ошибка в предмете преступления юридическое значение не имеет, так как по поводу каждого из названных предметов существуют общественные отно-

шения, являющиеся объектом посягательства. Поэтому совершение запрещенных уголовным законом действий в отношении различных предметов одного рода не меняет юридической сути деяния и в тех случаях, когда виновный по ошибке похитил, приобрел, сбыл, хранил и т. п. другой предмет этого рода. Например, различные предметы, относящиеся к имуществу, валютным ценностям, оружию, наркотикам.

Иными словами, ошибка в предметах преступления одного рода юридического значения не имеет, поскольку преступное воздействие на однородные предметы не имеет социальных особенностей, производит определенные изменения в сфере одних и тех же общественных отношений и потому охватывается одними и теми же уголовно-правовыми нормами.

Юридическое значение имеет только ошибка в предметах различных, которые в силу их особых свойств отнесены законодателем к различным группам: а) имущество, б) валютные ценности, в) ценные породы рыб и зверей, г) лес, д) оружие, е) наркотики, ж) крепкие спиртные напитки домашней выработки, з) документы, и) порнографические предметы и т. п.

Совершение по ошибке запрещенных уголовным законом действий в отношении предмета, относящегося к иному роду, чем предполагал виновный, образует лишь покушение на преступление, ибо преступное воздействие на этот предмет не может изменить общественных отношений, существующих по поводу предполагаемого предмета. Если, например, виновный полагает, что похищает у гражданина гладкоствольное охотничье ружье, а в действительности похитил огнестрельное оружие другого рода, то содеянное образует покушение на кражу личного имущества, так как кража у граждан гладкоствольных охотничьих ружей, патронов к ним и пороха образует состав преступления, предусмотренный ст. 144 УК¹⁰.

Таким образом, преступное воздействие по ошибке на предмет иного рода надлежит квалифицировать как

⁹ См.: Определение Судебной Коллегии по уголовным делам Верховного Суда РСФСР от 23 октября 1970 г. по делу Н. и К.— Бюллетень Верховного Суда РСФСР, 1971, № 4, с. 14—15; постановление Пленума Верховного Суда СССР № 7 от 20 сентября 1974 г.— Бюллетень Верховного Суда СССР, 1974, № 5, с. 8.

⁹ См.: Бюллетень Верховного Суда РСФСР, 1973, № 11, с. 11—

покушение на предполагаемый предмет. Заблуждение виновного относительно предметов преступления одного рода на квалификацию деяния не влияет.

Особым видом ошибки в предмете преступления является посягательство на отсутствующий предмет. Такие посягательства всегда образуют покушение¹¹. Как покушение на кражу были квалифицированы, например, действия Г., пытавшегося совершить кражу из кармана гражданина М., но завладевшего только свертком, в котором оказался листок бумаги¹².

Аналогичное уголовно-правовое значение имеет и ошибка в потерпевшем. При наличии особых признаков потерпевшего (представители власти, работники милиции, несовершеннолетние и т. п.) и ошибке виновного в нем деяние надлежит квалифицировать с учетом умысла субъекта. Если виновный, заблуждаясь, не учитывал этих особенностей, то деяние не может быть квалифицировано по тем нормам уголовного закона, которые их предусматривают. В таких случаях должны применяться общие нормы. Так, посягательство на жизнь или здоровье государственных или общественных деятелей, представителей власти, работников милиции и народных дружинников, если виновный не знает, что потерпевший является таким лицом, надлежит квалифицировать как преступление против личности¹³.

Не подлежит вменению ч. 3 ст. 117, ст. 119 и 210 УК, если виновный добросовестно заблуждается относительно возраста потерпевшей или вовлекаемого в преступную деятельность, пьянство, проституцию¹⁴.

¹¹ См.: Определение Судебной Коллегии по уголовным делам Верховного Суда РСФСР от 24 января 1968 г. по делу К.—Бюллетень Верховного Суда РСФСР, 1968, № 7, с. 5.

¹² См.: Бюллетень Верховного Суда РСФСР, 1970, № 6, с. 15.

¹³ См.: п. 3 постановления Пленума Верховного Суда СССР от 3 июля 1963 г. № 7 (Сборник постановлений Пленума Верховного Суда СССР 1924—1977. М., 1978, ч. 2, с. 250). Рекомендация Л. Андреевой квалифицировать деяние при ошибке в личности потерпевшего, имеющего квалифицирующие признаки, по совокупности преступлений не обоснована (см.: Андреева Л. Влияние ошибки обвиняемого в личности потерпевшего на квалификацию преступлений.— Сов. юстиция, 1970, № 21, с. 7—8).

¹⁴ См.: Постановление Пленума Верховного Суда СССР от 15 октября 1971 г. по делу С.—Бюллетень Верховного Суда СССР, 1972, № 2, с. 11—12; определение Военной Коллегии Верховного Суда СССР от 8 ноября 1968 г. по делу Б.—Бюллетень Верховного Суда СССР, 1969, № 1, с. 35; определение Судебной Коллегии по

Суммируя изложенное, можно сделать вывод, что ошибка в предмете преступления и в потерпевшем, по общему правилу, уголовно-правового значения не имеет и на квалификацию деяния не влияет. При ошибке в предмете преступления и потерпевшем, особые признаки которых выделяются законодательством, деяние надлежит квалифицировать как посягательство на тот предмет или потерпевшего, которые охватывались умыслом виновного.

Особого рассмотрения заслуживает вопрос о покушении на «негодный объект». Прежде всего следует отметить, что понятие «негодный объект» ошибочно в своем существе. Уголовный закон не охраняет и не может охранять негодных объектов. В условиях социалистического общества нет негодных общественных отношений, а если таковые иногда и возникают, то они уголовно-правовой охране не подлежат. Напротив, задача уголовного закона заключается в их ликвидации. Все социалистические общественные отношения, охраняемые уголовным законом, являются с точки зрения развития коммунистической формации годными, целесообразными и необходимыми.

Понятие «негодный объект», кроме того, противоречиво в своей основе. В самом деле, если это негодный объект, то зачем его охранять?

На наш взгляд, объектом уголовно-правовой охраны может быть только социально ценное благо.

Те ситуации, которые в уголовно-правовой литературе называют покушением на негодный объект, в действительности представляют собой посягательства на негодный или отсутствующий предмет преступления (либо на отсутствующего или мертвого потерпевшего)¹⁵. Предмет преступления действительно в некоторых случаях может быть негодным, например, не имеющие никакой потребительской стоимости вещи — испорченные, изношенные, выброшенные собственником за негодностью. В некоторых случаях и потерпевший может в силу различных обстоятельств находиться в таком состоянии, что

уголовным делам Верховного Суда РСФСР от 24 июня 1971 г. по делу Е.—Бюллетень Верховного Суда РСФСР, 1972, № 3, с. 8.

¹⁵ См.: Курс советского уголовного права. Часть Общая. М., 1970, т. 2, с. 438; Советское уголовное право. Часть Общая. М., 1972, с. 250.

преступное воздействие на него не может причинить вреда тем общественным отношениям, на которые посягал виновный.

Поскольку предмет преступления или потерпевший при таких посягательствах отсутствуют либо в силу особых обстоятельств вред объекту преступления причинен быть не может по причинам, от виновного не зависящим, то деяние надлежит квалифицировать как покушение на соответствующий (притом вполне годный) объект.

* * *

Научная и практическая ценность всякого юридического исследования определяется его результатами, направленными на удовлетворение потребностей нормотворческой и правоприменительной практики. Данное положение приобретает особое значение в связи с осуществлением широкой законодательной программы, принятой Президиумом Верховного Совета СССР 12 декабря 1977 г.¹ Эта программа рассчитана на последовательное обновление действующего законодательства и приведение его в соответствие с Конституцией СССР, что в свою очередь выдвинуло задачу неотложной, интенсивной разработки вопросов текущего законодательства и совершенствование практики его применения².

В данной работе автор вносит ряд предложений, направленных на удовлетворение потребностей нормотворческой и правоприменительной практики. Они могут быть использованы комиссиями законодательных предложений Верховного Совета Союза ССР и Верховных Советов союзных республик при разработке вопросов совершенствования действующего уголовного законодательства.

Основное внимание в работе уделено практическим нуждам органов правосудия, улучшению их деятельности. Работникам следственных, прокурорских и судебных органов рекомендованы способы и приемы выявле-

ния непосредственного объекта конкретного посягательства, общие правила квалификации преступлений при конкуренции непосредственных объектов, совокупности преступлений, ошибке в объекте и предмете преступления.

Для повышения уровня подготовки юристов высшей квалификации в учебные программы курса советского уголовного права для высших юридических учебных заведений целесообразно включить:

предложенное автором понятие непосредственного объекта, преступления и его основные юридические признаки;

четырёхступенную классификацию объектов преступления «по вертикали»: общий, родовой, видовой и непосредственный и трёхступенную «по горизонтали»: основной, дополнительный, факультативный;

вопросы о предмете преступления отнести к главе «Объект преступления», исключив их из главы «Объективная сторона преступления»;

правила квалификации преступления при конкуренции непосредственных объектов преступлений, совокупности преступлений, ошибке в объекте и предмете преступления;

классификацию преступных последствий по степени тяжести и характеру причиняемого преступлением имущественного, физического, морального и политического вреда.

Из данного исследования вытекают и важные проблемы дальнейшего развития теории и практики уголовно-правовой охраны:

нравственные основания уголовно-правовых норм (законов);

выработка единичности (масштаба) структурных элементов уголовно-правовой нормы;

разработка критериев определения социальной ценности отдельных видов общественных отношений как объектов уголовно-правовой охраны и построение их ценностной иерархии;

выявление взаимосвязей между особенностями (свойствами) объекта уголовно-правовой охраны и субъективными признаками преступления, главным образом, признаками вины и мотива.

¹ См.: Ведомости Верховного Совета СССР, 1977, № 51, ст. 764.

² См.: Кудрявцев В. Н. Актуальные проблемы научных исследований в свете новой Конституции СССР.— Сов. государство и право, 1978, № 9. с. 134, 136.

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие	3
Введение	7
Глава I. Объект уголовно-правовой охраны	11
1. Общее определение объекта уголовно-правовой охраны	11
2. Понятие непосредственного объекта уголовно-правовой охраны	28
3. Конкретизация непосредственного объекта преступления	48
4. Классификация и система объектов уголовно-правовой охраны	67
Глава II. Предмет преступления	86
1. Понятие предмета преступления	86
2. Классификация предметов преступления и их правовой режим	104
3. Взаимосвязь предмета преступления с объектом и объективной стороной	119
Глава III. Преступные изменения в объекте посягательства	134
1. Преступление — общественно опасное изменение общественных отношений	134
2. Способы изменения объекта преступления	141
3. Социальные свойства и степень повреждения объекта преступления	160
Глава IV. Основания выбора объектов уголовно-правовой охраны и средств их защиты	170
1. Основания и критерии выбора объектов уголовно-правовой охраны	170
2. Основания выбора средств уголовно-правовой охраны	187
3. Способы и приемы закрепления объекта уголовно-правовой охраны	196
Глава V. Объект. Предмет. Квалификация	205
1. Способы выявления видового и непосредственного объектов конкретного посягательства	205
2. Квалификация преступлений при конкуренции непосредственных объектов	215
3. Квалификация совокупности преступлений	227
4. Квалификация преступлений при ошибке в объекте и предмете посягательства	235